

Анна А. Зализняк

Исследования
по семантике предикатов
внутреннего состояния

Investigations in the Semantics
of Inner State Predicates

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

BEGRÜNDET VON

ALOIS SCHMAUS

HERAUSGEGEBEN VON

HEINRICH KUNSTMANN

PETER REHDER · JOSEF SCHRENK

REDAKTION

PETER REHDER

Band 298

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN

АННА А. ЗАЛИЗНЯК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЕМАНТИКЕ
ПРЕДИКАТОВ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ

INVESTIGATIONS IN THE SEMANTICS
OF INNER STATE PREDICATES

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN
1992

ISBN 3-87690-541-9

© Verlag Otto Sagner, München 1992

Abteilung der Firma Kubon & Sagner, München

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
ГЛАВА I. Общие проблемы анализа предикатов внутреннего состояния (ПВС).	
§ 1. Общая характеристика ПВС	
1. Границы класса ПВС.....	11
2. Некоторые логические проблемы анализа пропозициональных установок.....	12
3. Место ПВС в семантической классификации предикатов.....	16
§ 2. Принципы описания семантики ПВС	
1. Принцип типичной ситуации.....	19
2. Структура толкования.....	21
3. Типы взаимодействия семантических признаков.....	22
4. Принципы выделения значений.....	28
§ 3. Семантико-синтаксическая структура предложений с ПВС	
1. Субъект и объект внутреннего состояния.....	31
2. Предметные и пропозитивные значения.....	32
3. Противопоставление "ситуация vs. факт".....	34
4. Понятие денотативного статуса пропозиции.....	42
Примечания.....	44
ГЛАВА II. Компоненты семантической структуры ПВС.	
§ 1. Эпистемический компонент	
1. Знание и мнение.....	49
2. Мнение-оценка и мнение-предположение.....	52
3. Мнение-предположение как оценка вероятности.....	55
4. Эпистемический компонент в презумпции ПВС.....	57
§ 2. Оценочный компонент	
1. Оценка внутреннего состояния и его объекта.....	58
2. Рациональная и эмоциональная оценка.....	60
§ 3. Контроль и его место в семантической структуре ПВС	
1. Понятие контроля.....	63
2. Контролируемость ситуации в жизни и в языке.....	65
§ 4. Причинные цепи и линии развития событий	
1. Причины и причинные цели.....	69
2. Понятие "нормального хода вещей".....	72
Примечания.....	73

ГЛАВА III. Семантическое описание некоторых предикатов

внутреннего состояния (на материале французского и русского языков)

§ 1. 'Бояться'.....	78
§ 2. 'Надеяться'.....	96
§ 3. 'Ждать'.....	105
§ 4. 'Сожалеть'.....	115
§ 5. 'Подозревать'.....	126
Примечания.....	131

ГЛАВА IV. Некоторые частные аспекты семантики ПВС

§ 1. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом).....	137
§ 2. Прилагательные эмоционально-ментальной сферы во французском языке.....	144
§ 3. ПВС в контексте наречия <i>напрасно</i>	150
Примечания.....	163

Заключение.....	166
Summary.....	168
Предметный указатель.....	176
Указатель лексем.....	180
Список сокращений.....	184
Литература.....	188

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предметом настоящего исследования является семантика группы предикатов, значение которых связано с основными сферами внутренней жизни человека (мыслительной и эмоциональной); имеются в виду слова со значением 'думать', 'знать', 'понимать', 'помнить', 'уверен', 'сомневаться', 'подозревать', 'догадываться', 'бояться', 'надеяться', 'ожидать', 'удивлен', 'рад', 'жаль' и т.п., которые мы объединили под названием "предикаты внутреннего состояния" (далее - ПВС).

Сочетание "внутреннее состояние" употребляется в этом смысле, например, в Грамматике русского языка, 1954 (т. II, ч. 2, с. 280); ср. также выражение "inner state" в (Lurie 1979) и "internal state" в (Searle 1983). Приблизительно тот же класс предикатов называется предикатами пропозициональной установки, а также: словами со значением психического состояния (Цейтлин 1976), психической деятельности (Васильев 1981), предикатами психической реакции (Алисова 1978), психологическими предикатами (Wierzbicka 1969, Putnam 1967, Block, Fodor 1972 и др.); см. также терминологический обзор в работе (Крылов 1987).

Исследование семантики предикатов как конституирующих единиц высказывания по праву занимает в современной лингвистике центральное место. Интерес к предикатам состояния, к числу которых, в основном, принадлежат анализируемые в работе предикаты внутреннего состояния, особенно возрос в последние годы в связи с разработкой семантических классификаций предикатов (см. работы Т.Б. Алисовой, Т.В. Булыгиной, З. Вендлера, С. Дика, Ю.С. Маслова, О.Н. Селиверстовой, Е.В. Падучевой, Ч. Филлмора, У. Чейфа и др.).

В последнее время наблюдается интенсивный обмен идеями между лингвистикой и логикой; предикаты пропозициональной установки, имеющие обширную традицию изучения в логике, оказываются сейчас предметом пристального внимания лингвистов (см., в частности, труды проблемной группы "Логический анализ языка" под руководством Н.Д. Арутюновой). Все более широкое распространение в современной лингвистической семантике получают идеи логической семантики, модальной логики и семантики возможных миров (работы Я.Хинтикки, Г. фон Вригта, Р.И.Павилениса и др.), что открывает возможности новых подходов к лингвистическому анализу ПВС.

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы выявить семантические противопоставления, существенные для всего класс ПВС, и построить семантическое описание достаточно представительной группы ПВС в терминах этих противопоставлений. При этом следует подчеркнуть, что поскольку предметная сфера, с которой соотносятся интересующие нас предикаты, составляет область изучения другой науки, психологии, наша задача -

в том, чтобы найти противопоставления, которые релевантны именно для семантики языковых выражений (одного языка или нескольких языков), а не для эмоциональных или ментальных состояний как таковых. Т.е. предметом нашего анализа является не действительное устройство внутренней жизни человека, а та наивная картина мира, которая отражена в значении соответствующих предикатных выражений. Это, естественно, не исключает обращения к идеям и результатам изучения человеческих эмоций в философии и психологии.

Исследование проводилось на материале, в основном, двух языков - русского и французского; задача сопоставления при этом специально не ставилась: расхождения в употреблении семантически близких единиц разных языков представляют для нас интерес лишь в той мере, в какой они способствуют решению общесемантических задач.

В центре нашего внимания находятся предикаты "пограничной" сферы, включающие элементы эмоционального и ментального состояния (анализ основных предикатов этой группы - 'бояться', 'надеяться', 'ждать', 'сожалеть', 'подозревать' содержится в Главе III). Исследование именно этой группы предикатов представляет наибольший интерес по причине их структурной сложности и, одновременно, относительно малой изученности - по крайней мере, по сравнению с собственно ментальными (эпистемическими) и собственно эмоциональными предикатами, которым посвящена довольно обширная литература: о глаголах знания и мнения см., напр.: Russell 1940, Wittgenstein 1953, сборник Knowledge and Belief, Oxford: Oxford Univ. Press, 1976; сборник "Логический анализ языка. Знание и мнение", М., 1988; Дмитровская 1984, 1985а, 1988а, Шатуновский 1988, Арутюнова 1989, Булыгина, Шмелев 1989; о языковых обозначениях эмоций см. Иорданская 1970, Wierzbicka 1972, 1980, 1986, 1988; Арутюнова 1976, Васильев 1981, Pitcher 1965, Ryle 1959, Lutz 1987, Вольф 1989 и др. См. также работы: о глаголе *понимать* - Богуславский 1976, Дмитровская 1985б, *сомневаться* - Саввина 1973, *подозревать* - Кобозева, Лауфер 1974, *верить* - Селезнев 1988, Шмелев 1988.

Существенная информация о семантике ПВС может быть получена при анализе присущих им синтаксических конструкций. Как справедливо замечает Н.Д.Арутюнова (см. Арутюнова 1976, с.93-111), поскольку ненаблюдаемый внутренний мир моделируется языком по образцу наблюдаемого мира физических явлений, предикаты эмоционального состояния заимствуют синтаксические модели у предикатов других сфер, т.е. у предикатов, обозначающих акциональные, посессивные, локальные и прочие отношения, - что, в свою очередь, обуславливает принципиальную метафоричность языковых обозначений внутренних состояний (ср. *Его гложет тоска, У него горе, Он в отчаянье, Сомнение закралось к нему в душу, Его сердце не реполняла радость*). Этот аспект семантики ПВС мог бы составить предмет

отдельного исследования и в настоящей работе не затрагивается (о синтаксических моделях предикатов психологической сферы в русском языке см. Цейтлин 1976, Venoist 1983, во французском - Задворнов 1984; о коннотативных аспектах семантики абстрактной лексики см. Арутюнова 1976, Успенский 1979, Вольф 1989, Lakoff, Johnson 1980, Lakoff, Kövecses 1987).

Некоторые фрагменты этой книги были опубликованы ранее в виде отдельных статей (см. Зализняк 1983б, 1987, 1988б, 1990а,б). Бóльшая часть текста книги была написана на протяжении 1983-89 гг.; его основой послужила кандидатская диссертация автора.

Автор благодарен Т.Б. Алисовой, Ю.Д. Апресяну, Н.Д. Арутюновой, И.М. Богуславскому, Т.В. Булыгиной, Е.М. Вольф, И.Л. Микаэлян, Е.В. Падучевой, В.В. Туровскому, И.Б. Шатуновскому, чьи советы, замечания и доброжелательный интерес немало способствовали написанию этой книги. Автор благодарит также Е.Д.Белорусову и М.Г.Селезнева за помощь в подготовке компьютерной версии текста.

Автор весьма признателен профессору Даниэлю Вайсу и профессору Петеру Редеру, благодаря которым эта книга увидела свет.

Глава I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ПРЕДИКАТОВ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ

§1. Общая характеристика ПВС

1. Границы класса ПВС

Внутренние состояния, составляющие предмет настоящего исследования, входят в более широкий класс явлений, конституируемых отношениями между субъектом и ситуацией (действительного или воображаемого мира). А именно, здесь может быть выстроен некий ряд, элементы которого упорядочены отчасти по степени возрастания сложности, отчасти в соответствии с отношением причинной обусловленности, которое между ними устанавливается. Приведем примеры таких рядов: (1) - составляющие "народной" (наивной-языковой) модели сознания в (D'Anrade 1987); (2) - иерархия пропозициональных глаголов в (Гак 1987); (3) классификация глаголов "психической деятельности" в (Васильев 1981):

(1) восприятие; мнение/знание; чувства; желания; намерения; воздействия.

(2) [глаголы] восприятия; чувства; эпистемические; говорения; воли- тивные.

(3) [глаголы] ощущения; желания; восприятия; внимания; эмоци- онального состояния/переживания/отношения; мышления; знания; памяти.

Элементы каждого из этих рядов связаны между собой сложными от- ношениями обусловленности. Так, **восприятие** является главным источни- ком **знания**, однако здесь существует и обратная зависимость, так как вос- приятие происходит лишь на базе предшествующей концептуализации (см. об этом Wierzbicka 1980, Арутюнова 1987, 1988). Восприятие может быть ис- точником **мнений** и **желаний**, на основе которых, в свою очередь, формиру- ются **эмоции**, а также "смешанные" эмоционально-ментальные состояния (см. Арутюнова 1989, White 1987). Категории мнения и желания участвуют также в образовании более сложных смыслов, сочетающих **компоненты внутреннего состояния** (т.е. эпистемический или оценочный - см. гл. II) с какими-то другими (чаще всего, локутивным или акциональным). Соответ- ственно, к ПВС примыкает несколько групп предикатов, включающих ком- понент внутреннего состояния, которые не входят в круг нашего рассмотре- ния. Это, прежде всего, глаголы **восприятия**; далее, это глаголы **речи**, кото- рые содержат компонент мнения, способный актуализироваться в определен- ных условиях (см. гл. IV, § 3; ср. также Лауфер 1987); некоторые глаголы ре- чи (*хвалить, ругать, жаловаться, восхищаться* и т.п.) включают также оценочный компонент. Есть ряд глаголов, где внутреннее состояние совме-

щается с действием - это глаголы, обозначающие проявления чувств, такие как *смеяться, плакать, унывать, поцеловать* и др.; сюда же относятся **диатетические** глаголы (по Vally 1942), обозначающие разные виды отношения субъекта к собственному действию (такие как *спешить, пытаться, полениться*). Обсуждаемые компоненты содержат также глаголы **речевого воздействия** (типа *убеждать*); кроме того, к ПВС примыкают **модальные глаголы**.

2. Некоторые логические проблемы анализа пропозициональных установок

Большинство ПВС относятся к числу **предикатов пропозициональной установки**, имеющих давнюю традицию изучения в философской логике и в логической семантике (см. Russell 1940, с. 208-212, Карнап 1957, с. 111, Хинтиikka 1980, с. 72-101, Арутюнова 1976, с. 56-70 и др.). Различие в объеме этих двух понятий состоит в следующем. С одной стороны, есть внутренние состояния, объектом которых не является ситуация (пропозиция). Так, можно бояться не только потерять ключ, или что пойдет дождь, но также и темноты, собак, конкретного человека и т.д. С другой стороны, слово "установка" не вполне естественно по отношению к состояниям, которые не являются устойчивыми, длительными, т.е., например, по отношению к "аффектированным" эмоциональным состояниям. Заметим, что З. Вендлер (Vendler 1972) использует термин "propositional attitudes" только в применении к когнитивным (ментальным) состояниям, а для эмоциональных состояний предлагает термин "propositional affections" ("пропозициональные страсти"). Кроме того, имеется некоторое различие в фокусе внимания исследователя: если с предикатами пропозициональной установки традиционно связываются, в первую очередь, проблемы **истинности** предложений с этими предикатами, а также присущее им свойство **интенциональности** (порождающее нарушение лейбницеvского принципа взаимозаменяемости тождественных), то рассмотрение тех же языковых единиц как предикатов внутреннего состояния переключает внимание на их **собственную семантику**.

Среди общих проблем анализа пропозициональных установок, обсуждавшихся в философской литературе, здесь следует упомянуть следующие. Во-первых, безусловно плодотворной является идея семантического разложения, предложенная Г. Фреге. Так, глагол *радоваться* Фреге рассматривает как имеющий в качестве одного из своих семантических компонентов смысл 'считать'. "Когда Веллингтон в конце битвы при Ватерлоо обрадовался тому, что пруссаки уже близко, основанием для его радости была убежденность в приближении прусских войск. Если бы он ошибался, то он радо-

вался бы не меньше - разумеется, до тех пор, пока его не убедили бы в обратном". С другой стороны, "до того, как Веллингтон поверил в то, что пруссаки идут ему на помощь, он не мог радоваться этому (даже если бы в действительности они были уже совсем близко)" (Фреге 1977, с. 195); ср. также анализ глагола *воображать* (там же, с. 207). Семантическое разложение Фреге, задуманное как средство объяснения невозможности, в контексте пропозициональных установок, подстановки на базе тождества, для нас важно, прежде всего, как один из первых опытов собственно семантического анализа интересующих нас предикатов.

Другая проблема, широко обсуждавшаяся в философской логике в связи с пропозициональными установками - это проблема "чужого сознания" (см. Рассел 1957, Wittgenstein 1953, с. 101-104, Vendler 1972 и в особенности Austin 1953). Статья Остина "Чужое сознание" начинается вопросом: "Откуда мы знаем, что другой человек раздражен, сердится, недоволен и т.д.?" Понимание того, что человек сердится (и, вообще, находится в том или ином психическом состоянии), складывается, по Остину, из нескольких источников. Во-первых, нужно какое-то знакомство с данным человеком; во-вторых, нужен определенный собственный опыт, касающийся данного психического состояния. Наконец, третий источник, из которого возникает понимание чужого состояния, - это известные нам из прошлого опыта естественные поводы для наступления этого состояния (ср. ниже о принципе "типичной ситуации" возникновения того или иного эмоционального состояния). Большинство проблем, связанных с идентификацией чужого внутреннего состояния, аналогичны проблемам, возникающим при идентификации представителей других натуральных классов. Однако здесь есть и специфические проблемы. Человек может по тем или иным причинам вводить нас в заблуждение, подавляя свою эмоцию или же имитируя чувство, которого нет; мы можем неправильно понять человека, предположив, что он устроен как мы и т.д. Главное же отличие внутренних состояний состоит в том, что "материальный объект нем, а человек способен говорить". Поэтому в том комплексе признаков, которые заставляют нас сказать: "Я знаю, что этот человек сердится", особое место занимает собственное заявление человека.

То, что было сказано о "чужом сознании", подтверждается лингвистическими наблюдениями о различном поведении ПВС в контексте I-го и не I-го лица (см., например, Бенвенист 1974, с. 299, Степанов 1981, с. 166, Падучева, Зализняк 1982, Вольф 1985, с. 75, 177, Вольф 1989, Дмитровская 1984). В связи с этим возникает проблема металингвистического характера, а именно: какая из форм - 1-го или 3-го лица - является семантически более простой и, соответственно, должна фигурировать в толковании. Окончательного

решения здесь, по-видимому, найти нельзя, так как обе альтернативы имеют свои преимущества и недостатки, относительная значимость которых зависит от разных обстоятельств. Укажем здесь лишь, что А. Вежбицкая в книге "Semantic primitives" (так же, как и в "Lingua mentalis") при анализе эмоций выбирает форму 3-го лица; в книге о перформативах (Wierzbicka 1987), она, наоборот, настаивает на использовании в толковании формы 1-го л. как семантически первичной. Наиболее существенным недостатком этого второго решения для описания ПВС является невозможность введения в толкование мнений и знаний говорящего, не совпадающих с представлениями субъекта установки. В настоящей работе в качестве объекта толкования выбирается форма 3-го л.

Наконец, следует упомянуть проблему трактовки пропозициональной установки как состояния (которая восходит к учению об эмоциях известного американского психолога У.Джемса). Так, Рассел говорит, что мнение (убеждение) - это состояние того, кто его придерживается, ср.: "Belief is a certain condition of mind and body"; "belief as a state of the believer" (Russell 1940, с.239, 210); ср. также Wittgenstein 1953, 573. Рассел обосновывает свой тезис на примере предиката *ожидать* (expect), и здесь наличие состояния осознается носителем как тот или иной вид напряжения. "С состоянием ожидания... мы все хорошо знакомы. Перед забегом на ипподроме вы напряженно ожидаете выстрела, являющегося сигналом старта. Когда вы идете встречать друга на платформе, вы пристально разглядываете лица, сохраняя ожидаемое лицо в вашем воображении... <<Ожидание события В>> может быть определено как состояние души и тела, такое, что если В совершится в должное время, то мы имеем чувство, выражаемое словами <<именно так>>, а если В не совершилось в это время, то у нас возникает чувство, выражаемое словом <<удивительно>> (Рассел 1957, с. 461); ср. также (Chisholm 1957, с.182). Ожидание и воспоминание Рассел рассматривает как разновидности полагания - различие между ними состоит в том, к какому времени относится содержание мнения. При этом полагание некоторой пропозиции, относящейся к будущему, может порождать или не порождать физическое состояние ожидания, так же как мнение, касающееся прошлого, может вызывать или не вызвать воспоминание.

Витгенштейн, как и Рассел, различает в каждом состоянии две разновидности, связанные со степенью интенсивности переживания. Так, фраза *Я жду его прихода* может соответствовать состоянию, когда человек ходит взад-вперед по комнате, смотрит на часы и выглядывает в окно (в этом случае *Я ждал его весь день* может быть ответом на вопрос, как я провел день) - а может выражать абстрактное ожидание, т.е. состояние человека, который

считает, что в некоторый момент в будущем произойдет определенное событие. Абстрактное ожидание "не занимает мыслей"; *Я жду, что он придет* в этом смысле означает только, что я был бы удивлен, если бы он не пришел. Различие между этими значениями столь велико, что можно представить себе язык, где эти значения выражаются разными словами (Wittgenstein 1953, 577); ср. гл. III, § 3, значение 'ждать IV', 'ждать III'. Аналогичные полюса значений Витгенштейн находит и у слов со значением 'намерен', 'решил', 'боюсь', 'надеюсь', 'верю/считаю'.

Витгенштейн отмечает также некоторые свойства эмоциональных состояний, отличающие их от ментальных. А именно, эмоциональные состояния достаточно ясно проявляются в поведении; так, например, страх может сопровождаться какими-то внешними признаками, а надежда - едва ли (ср. гл. III о различии между 'бояться' и 'надеяться'). Другая особенность эмоциональных состояний, отмеченная Витгенштейном, состоит в том, что им свойственно протекание во времени (*course*); так, про ярость можно сказать, что она вспыхнула или прошла (аналогично для радости, депрессии, страха и др). Сходные соображения относительно различий между эмоциональными и ментальными состояниями приводятся в работе Geach 1957. Как считает Гич, эмоциональные состояния подобны ощущениям: они могут иметь различные степени интенсивности; они могут возрастать и убывать по интенсивности; они могут начинаться (и проходить) внезапно и постепенно.

Эффективным инструментом анализа ПВС является понятие **возможного мира**, также принадлежащее философской логике; изначальным толчком для применения этого понятия к анализу предикатов пропозициональной установки был поиск способов истинностной оценки предложений с этими предикатами (задача, неразрешимая в рамках классической логики). Как говорит Хинтиikka, "наиболее характерной чертой использования пропозициональных установок является то, что, употребляя их, мы рассматриваем сразу несколько возможных состояний нашего мира", или "возможных миров" (см. Хинтиikka 1980, с. 72). Соответственно, приписывание субъекту той или иной пропозициональной установки означает разделение множества возможных миров на две части - те возможные миры, которые совместимы с данной его установкой, и те, которые несовместимы. В таком случае, скажем, знать, что данный субъект помнит, значит знать, какие возможные миры совместимы с содержанием его памяти, т.е. какие пропозиции входят в "мир его памяти".

Этот подход представляется весьма плодотворным для семантического анализа ПВС. В частности, понятие возможного мира позволяет максимально просто сформулировать ограничение на характер ситуации, соответству-

ющей подчиненной пропозиции, при таких предикатах, как *думать <что>*, *бояться*, *надеяться* и т.п., а именно, эта ситуация не должна относиться к **миру знаний** субъекта установки - т.е. это может быть ситуация, относящаяся либо к будущему, которого не знает никто, либо к настоящему (прошлому), которого не знает субъект данной пропозициональной установки (ср. *Я надеюсь, что все кончится/кончилось благополучно*). На базе понятия возможного мира может быть построена модель развития событий во времени (см. подробнее Зализняк 1988а), в рамках которой формулируется **семантический инвариант** значения некоторых предикатов внутреннего состояния (*бояться, сожалеть, ждать*), а также определяются некоторые понятия, существенные для описания семантики ПВС (причинная цепь, относительная оценка, выбор и др. - см. гл. II).

3. Место ПВС в семантической классификации предикатов

Предикаты внутреннего состояния привлекают к себе внимание исследователей, в частности, в силу особого места, занимаемого ими в семантической классификации, которая рассматривает предикаты с точки зрения характера протекания соответствующей ситуации во времени, активности ее участников и тому подобных общих характеристик (см. Булыгина 1982, Селиверстова 1982, Падучева 1985, гл. XI). Дело в том, что основная часть ПВС соотносится с **состояниями** в терминологическом смысле (о предикатах состояния, или стативных, см. Есперсен 1958, с. 95, Щерба 1974, Lakoff 1968, Lakoff 1970, Vendler 1967, Miller 1970, Чейф 1975, с. 116-119, Алисова 1971, 1974, Dik 1979, Mourelatos 1981). Внутри класса состояний мы будем различать **временные** и **устойчивые** (см. Падучева 1985, с. 223).

Среди ПВС значение временного состояния имеют такие предикаты, как *радоваться, сердиться, волноваться, быть в отчаянии, быть в панике, в восторге, раздражен, доволен, восхищен, страшно, грустно, скучно* и т.п. Все они описывают различные эмоциональные состояния, вызванные какой-то причиной и длящиеся какое-то время. Временное состояние, обозначаемое этими предикатами, характеризуется тем, что в течение всего того времени, когда оно имеет место, психическая система субъекта находится "в возбужденном состоянии" (ср. Иорданская 1970). В нашей модели это обстоятельство отражается в виде наличия в семантической структуре соответствующей лексемы компонента "переживание"; "переживание" при этом понимается расширительно, т.е. как наличие не обязательно эмоционального, но, возможно, и интеллектуального или психического напряжения (ср. *напряженно ждать*). Именно наличие компонента "переживание" обеспечивает временным состояниям свойство "заполнять" весь промежуток

времени, в течение которого они имеют место (ср. Селиверстова 1982, с. 121), отличающее их от устойчивых состояний.

Это свойство сближает временные состояния с процессами (ср. понятие "эмоционального процесса" в психологии - напр., в Рейковский 1979, с. 39). Здесь, однако, сохраняется отчетливое противопоставление - например, в возможностях анафорической замены глаголом *делать*, ср.: *Что ты делал вчера вечером?* - *Думал о тебе* (процесс), но не: *Сердился на тебя* (временное состояние). В этом отношении временные состояния не отличаются от устойчивых - ср. аномальность: *Не спишь, а что ты делаешь?* - *Ответила: "Люблю"* (Л. Мартынов; см. разбор этого примера в Булыгина 1982). Значение занятия может имплицироваться и более широким контекстом; в этом случае употребление глагола, обозначающего временное состояние, также порождает аномалию, ср.: *Король: Развесели меня... Мне пора одеваться, а я все гневаюсь, да гневаюсь* (Е. Шварц).

Что касается устойчивых состояний, то среди ПВС сюда относятся такие глаголы как *знать, считать, полагать, думать <что>, подозревать, сомневаться, помнить; любить <живопись>, ненавидеть, восхищаться, презирать*, а также, в некоторых значениях, *бояться, надеяться, сожалеть, рад*. Главное свойство устойчивых состояний состоит в их отвлеченности от реального протекания во времени. Утверждения, содержащие предикаты устойчивого состояния (или "стативные", согласно Vendler 1967, Miller 1970) могут быть истинными для данного объекта в течение какого-то промежутка времени, но они не занимают этот отрезок времени в общем времени существования объекта (см. Vendler 1967, с. 111, Булыгина 1982, с. 46). Как пишет Вендлер, "предложение *Он думает, что Джон негодяй* может быть истинным по отношению к человеку, который в данный момент спит; а предложение *Он думает о Джоне* не допускает подобного употребления [...] Если верно, что он думал о Джоне полчаса, то должно быть верно, что он думал о Джоне в продолжение всех частей этого отрезка времени. Но если он думал, что Джон негодяй, в течение года, то это не значит, что он думал о Джоне, негодяе, каждую минуту этого года" (ср. Булыгина 1982, с. 47). Соответственно, значение устойчивого состояния, наоборот, несовместимо с наличием в толковании компонента "переживание".

Состояние может быть устойчивым, даже если оно непродолжительно. Так, состояние *Он считает, что сейчас пойдет дождь* кратковременно в силу свойств самого содержания мнения (пример из Vendler 1967); ср. понятие *occasion belief* в (Nelson 1978).

Отметим еще некоторые особенности в лингвистическом поведении предикатов, обозначающих временные и устойчивые внутренние состояния.

ПВС, обозначающие устойчивые состояния, не сочетаются с обстоятельством места, ср.: **Дома он знает математику (а в школе забывает)*. Нарушение этого сочетаемостного ограничения может использоваться как прием, ср.: *"Я люблю модерн", - зажмурившись, говорил Катаев. А этажом выше Федин любил красное дерево целыми гарнитурами.* (Н.Мандельштам). Сатирический эффект последней фразы основан на том, что здесь глагол *любить* под влиянием контекста обстоятельства места и обстоятельства образа действия приобретает значение процесса. Что касается временных состояний, то они в большей степени, чем устойчивые, допускают локализацию в пространстве, однако синтаксической валентности на обстоятельство места соответствующие предикаты тоже не имеют, ср.: *Она сейчас сидит дома и волнуется, что нас так долго нет и ? Она сейчас дома волнуется¹.*

ПВС, обозначающие устойчивые состояния, не сочетаются (в отличие от временных состояний) с наречиями образа действия, ср.: *бурно рад и бурно радоваться*. Приведем пример намеренного нарушения этого запрета: *О, я знаю: его отрада Напряженно и страстно знать, Что ему ничего не надо, Что мне не в чем ему отказать* (Ахматова). Здесь наречия *напряженно и страстно* навязывают глаголу *знать*, обозначающему устойчивое состояние, т.е. ситуацию, отвлеченную от протекания во времени, значение "переживания" и тем самым переводят его в класс временных состояний (близких к процессам).

В заключение вопроса об идентификации устойчивых состояний надо сказать, что в принципе значение устойчивого состояния скоррелировано с наличием в значении глагола ментального компонента (на что, в частности, может указывать форма придаточного с *что* - см. об этом § 3, 3); тем самым предложения *Я надеюсь, что он вернется, Я боюсь, что он вернется, Я жду, что он вернется* и т.п. обозначают устойчивые состояния - в той мере, в какой определяющим для семантики этих предложений является смысл 'Я считаю вероятным, что он вернется'. Однако наличие в тех же предикатах (в тех же значениях) также и эмоциональной составляющей, чреватой противоречащим значению устойчивого состояния компонентом "переживание"², неизбежно затемняет эту картину. Поэтому как раз при анализе смешанных эмоционально-ментальных состояний, которому посвящено настоящее исследование, противопоставление временных и устойчивых состояний в целом мало что проясняет - хотя в отдельных случаях апелляция к этому различию оказывается эффективной.

ПВС могут обозначать, помимо состояний, также и другие типы ситуаций, а именно: процессы - думать <о>, размышлять, переживать, ждать <звонка>, веселиться (ср. Пешковский 1938, с.97), запоминать, вспоминать и др. Имеется, далее, довольно большая группа глаголов, обозначающих события: заметить, вспомнить, забыть, понять, осознать, узнать, ошибиться, догадаться, заключить, поверить, простить, решить и др. ("ментальные акты" по Вендлеру). Кроме того, некоторые ПВС могут выражать постоянные свойства или соотношения: Дети любят мороженое, Кролики боятся удавов.

§2. Принципы описания семантики ПВС

1. Принцип "типичной ситуации".

Как уже отмечалось выше, внутренние состояния близки к именам натуральных классов в том отношении, что их смысл во многом определяется непосредственным знакомством с "представителем класса": человек, который, например, никогда не испытывал стыда, имеет об этом чувстве такое же представление, какое имеет об ананасах тот, кто никогда их не ел. Как пишет Гич (Geach 1957, с. 108), "я могу придать смысл таким словам, как видеть, слышать, думать, надеяться и т.д. только наблюдая в самом себе проявления того, что они обозначают; если у меня не было подобного опыта или если я не обратил внимание на свое состояние, когда я в нем находился, то у меня либо вовсе нет соответствующего понятия, либо я владею им в столь же несовершенной степени, в какой человек, не различающий цвета (colour blind), владеет понятием цвета".

Проблема толкования предикатных выражений, описывающих внутренние состояния, связана со спецификой той внеязыковой действительности, с которой они соотносятся. Как пишет А.Вежбицкая (Wierzbicka 1972, с. 59), "эмоции - это нечто чувствуемое и не представляемое вербально" (not conceived verbally). При этом, однако, противопоставление, которое она проводит в данном отношении между чувствами и мыслями, говоря, что "структура мысли может быть передана словами, а структура чувства, как и ощущения, - нет", на наш взгляд, не совсем правомерно, поскольку словами может быть передана не структура мысли, а ее содержание; сами же состояния, описываемые глаголами знать, понимать, сомневаться и др., столь же невербализуемы, как и те, с которыми соотносятся слова любить, сожалеть, сердиться и т.д. Кроме того, разделить ПВС на обозначающие собственно "чувства" и собственно "мысли" невозможно, так как существует достаточно

большая промежуточная зона предикатов, в значение которых входят элементы как ментальных, так и эмоциональных состояний. Поэтому предлагаемый А. Вежбицкой метод описания семантики слов, обозначающих эмоции, может быть применен при анализе более широкого класса предикатов.

Этот метод, который может быть назван "принципом типичной ситуации", состоит в следующем. Поскольку мы не можем, оставаясь в рамках лингвистики, описать субстанциональные свойства внутренних состояний, предлагается другое решение: идентифицировать эмоции через соотнесение с некоторой стандартной, или типичной ситуацией их возникновения у "среднего" человека. Таким образом, выражение вида *X чувствует Z* толкуется как 'X чувствует то, что чувствует человек, когда...'.

Принцип описания эмоционального состояния путем указания типичных условий его возникновения еще более детально был разработан Л.Н.Иорданской; ср. пример толкования: *А огорчается из-за В* - 'А испытывает такое пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, которое обычно каузируется у среднего человека *i* следующей его оценкой некоторого события *j*: 1) *i* уверен в осуществлении события *j*, 2) *j* нежелательно для *i*; указанное состояние каузируется у А указанной оценкой со стороны А события В' (Иорданская 1970, с.7). При этом та часть толкования, которая отражает идею соотнесения с "типичной ситуацией", может "выноситься за скобки", т.е. рассматриваться как "рамочный" компонент, который подразумевается для всех слов данного класса и поэтому в реальных толкованиях может опускаться (и, при желании, восстанавливаться). Картина несколько усложняется тем, что поскольку внутренние состояния, составляющие предмет настоящего исследования, не являются собственно эмоциями, а иногда лишь включают элементы эмоционального состояния, в наших толкованиях затронутость "эмоциональной системы" маркируется специально - при помощи отдельного компонента "переживание", который может присутствовать в одних значениях ПВС и отсутствовать (или быть факультативным) в других.

Что касается самой "типичной ситуации", то ее характеристика включает две группы признаков: а) "субъективные": представления субъекта состояния - а также, возможно, говорящего - о ситуации, соответствующей пропозитивному объекту (ее экзистенциальный статус и оценка); б) "объективные" свойства как этой ситуации (например, контролируемость), так и самой "типичной ситуации" наступления состояния - например, смысл 'X находится в месте L в течение времени t', входящий в некоторые из значений глагола *ждать*) и др.

Наличие в толковании соотнесения с "типичной ситуацией" возникновения данного состояния, отражает, помимо прочего, то обстоятельство, что

связь между существованием условий для возникновения некоторого внутреннего состояния и его реальным наступлением является не полностью детерминированной: так, человек может считать, что ядерная война - это плохо и что она может произойти, однако не испытывать при этом страха (ср. Searle 1983, с. 31; Алисова 1978).

2. Структура толкования.

Толкование - при используемом нами способе семантического описания - представляет собой определенным образом организованный набор **семантических компонентов**; большинство из них характеризует типичную ситуацию возникновения состояния. В каждом компоненте имеется по крайней мере один предикат; аргументом этого предиката может быть другой семантический компонент - например, компонент 'X считает, что P вероятно' состоит из 'считать' и 'вероятность', 'X считает, что P хорошо' - из 'считать' и 'хорошо', и т.д.

Семантические компоненты могут быть связаны между собой имплицативными отношениями разных типов, т.е. наличие в толковании какого-то одного компонента может предполагать или исключать наличие другого. Так, например, компонент "переживание" имплицитно предполагает наличие в составе толкования компонента эмоциональной оценки; наличие компонента 'X считает, что P вероятно' предполагает наличие компонента 'P неконтролируемо для X-а' и исключает возможность 'X знает, что P имеет место'. Одни семантические компоненты устроены как признаки, т.е. могут рассматриваться как значения некоторого параметра (например, компоненты 'X считает, что P хорошо' и 'X считает, что P плохо' представляют собой различные значения признака "оценка"), другие не входят ни в какой класс взаимоисключающих единиц.

Компоненты толкования могут иметь различный статус. А именно, в толковании различается презумптивная и ассертивная часть (аналогичная структура толкования принята, например, в работах Wierzbicka 1969a, Fillmore 1970, 1971, Апресян 1980). В презумптивную часть толкования входят те семантические компоненты, которые сохраняются при отрицании. Презумптивных компонентов может быть несколько, ассертивный же обычно один. Ассертивный компонент в некотором смысле является главным: именно он определяет основные семантические свойства толкуемой лексемы (значения) и ее взаимодействие со смыслами других единиц предложения. Так, например, значения 'ждать III', 'бояться III' и 'надеяться I', имеющие в ассертивной части эпистемический компонент ("вероятность"), обладают тем общим свойством, что здесь ситуация, соответствующая подчиненной пропо-

зиции, может быть приурочена к настоящему моменту (т.е. занимать временной промежуток, включающий момент, когда имеет место описываемое состояние), что невозможно для других значений тех же предикатов, где подчиненная пропозиция всегда относится к будущему. Другое их общее свойство состоит в том, что соответствующие глаголы управляют придаточным с *что* (в отличие от тех же глаголов в других значениях). Наличие в асертивной части данного значения данного ПВС эпистемического или оценочного компонента определяет принадлежность его, соответственно, к преимущественно ментальным или преимущественно эмоциональным состояниям.

В толкование ПВС может входить также компонент, имеющий статус импликации (имплицативный компонент); по своему содержанию он является акциональным, т.е. соответствует некоторому связанному с данным состоянием действию (ср. понятие "импликация" в Givón 1972 и понятие "имплицативные глаголы" в Karttunen 1971). Это компонент вида 'X находится в некотором состоянии S по поводу P $\rightarrow$ X не делает Q' (В частном случае P=Q). Например, *Я жду Васю, чтобы пойти обедать* (где P - приход Васи, Q - пойти обедать) $\rightarrow$ *в данный момент я не иду обедать*; *Я все еще боюсь ему об этом сказать* $\rightarrow$ *все еще не говорю* (P = Q). Этот компонент может быть главным в каком-то одном из значений данного ПВС (см. 'ждать II', 'бояться I') и присутствовать в неявной форме в остальных.

3. Типы взаимодействия семантических признаков

Одним из наиболее распространенных в настоящее время методов семантического анализа является метод сочетаемостных тестов; он состоит в выяснении причины того, почему при помещении анализируемого слова в тот или иной контекст возникает аномалия³ (при этом контекст может быть синтаксическим, т.е. состоящим из какого-то слова или словосочетания, синтаксически связанного с данным словом, или грамматическим - например, формой лица, времени, наклонения и т.д.). Метод сочетаемостных тестов опирается на имплицитное предположение, что: (1) **семантическая аномалия порождается противоречием между какими-то семантическими признаками соединяемых элементов**. Тем самым, если состав семантических компонентов контекста полагается известным, то несочетаемость анализируемого слова с данным контекстом говорит о наличии в этом слове семантического признака, в некотором смысле противоположного какому-то признаку контекста. Именно в силу действия этого механизма анализ сочетаемости может служить источником сведений о семантике интересующего нас слова. Так, например, с наречиями, обозначающими характер протекания

процесса, не сочетаются, с одной стороны, так называемые моментальные глаголы (*Он долго приходит), с другой стороны - стативные (*Я напряженно думаю, что он прав, *Она была бурно рада его приезду)⁴. И те и другие глаголы обозначают не-процессы - то, что не может "протекать во времени".

Однако на самом деле метод сочетаемостных тестов основан еще на одном, тоже имплицитном, но более сильном допущении. А именно, предполагается, что верно не только (1), но и обратное к нему: (2) **противоречие между семантическими признаками всегда порождает семантическую аномалию**. В самом деле, без второго допущения сочетаемостные тесты не были бы тестами, так как отсутствие неправильности не было бы информативным. А между тем в общем случае допущение (2) неверно: отсутствие аномалии не является свидетельством отсутствия противоречия между семантическими признаками.

В работе (Апресян 1978) выявляются условия, при которых наличие в семантическом представлении предложения противоречащих друг другу смыслов порождает его аномальность. При этом в качестве альтернативы к аномальным рассматриваются ложные, бессмысленные или противоречивые (т.е. так или иначе семантически дефектные) предложения, которые, однако, полностью соответствуют нормам языка (*Холостяки бывают женаты, Петр поднимается с верхнего этажа на нижний, Река течет в гору*).

Однако, возможна и другая альтернатива к аномалии: противоречие между семантическими признаками каким-то образом сводится на нет, т.е. в результате получается семантически абсолютно нормальное (полноценное) предложение.

Итак, вопрос может быть сформулирован следующим образом. Пусть имеется слово W , содержащее в своем семантическом представлении некий смысл, или семантический компонент, F . Что происходит, когда это слово попадает в контекст, несущий смысл $\neg F$ (или такой смысл G , из которого следует $\neg F$)? Ответ состоит в том, что здесь имеется три возможности: а) семантическая аномальность (предложение "под звездочкой"); б) неаномальное, но ложное или бессмысленное с точки зрения стандартных правил семантической интерпретации предложение (типа *Холостяки бывают женаты*) и в) семантически правильное предложение - случай, о котором и пойдет речь.

Существует несколько механизмов восстановления семантической правильности. Главный из них состоит в том, что когда слово, содержащее признак F , попадает в контекст, характеризующийся признаком $\neg F$, то F просто устраняется из значения слова. Иными словами, бывает так, что некото-

рый семантический признак - мы будем называть его **неустойчивым семантическим признаком (компонентом)** - присутствует в самом слове, т.е. в условиях "нейтрального" контекста, а при помещении этого слова в противоречивый контекст исчезает (под "нейтральным" понимается либо нулевой контекст, либо не охарактеризованный по данному параметру, т.е. не обладающий ни признаком F, ни признаком $\neg F$).

Примером неустойчивого семантического компонента может служить положительная оценка пропозитивного объекта у глагола *ждать*. А именно, слово или словосочетание, само по себе нейтральное с точки зрения оценки, оказавшись в позиции дополнения при глаголе *ждать*, приобретает знак "плюс". Так, *Он все еще чего-то ждет* (-'чего-то хорошего'), *Уж не жду от жизни ничего я* (-'ничего хорошего'); ср. также: *Немцев не любили, ждали прихода русских* (Р.Киреев) (-'хотели').

Однако в контексте с противоположным (т.е. отрицательным) знаком оценки пропозитивного объекта признак положительной оценки из семантической структуры *ждать* исчезает, например: *Жди беды; ждали прихода полиции, обстрела, обыска* и т.д. Здесь везде отрицательная оценка, содержащаяся в контексте, вытесняет положительную оценку из глагола. Для сравнения можно привести глагол *надеяться*, где положительная оценка пропозитивного объекта - "нормальный", устойчивый компонент. Соответственно, если в нейтральном контексте эти два глагола сближаются, т.е. оба имплицитно положительную характеристику объекта (ср. *Он чего-то ждет* и *Он на что-то надеется*; что-то - обязательно 'хорошее')⁵, то в противоречивом контексте они полностью расходятся: *ждать* утрачивает компонент положительной оценки объекта (см. примеры выше), а в *надеяться* он остается - наоборот, меняет свой знак оценка объекта. Так, например, предложение *Я надеюсь, что он не поступит в институт* означает, что непоступление в институт, само по себе - т.е. в нейтральном контексте - имеющее оценку "минус", рассматривается как положительное событие⁶. Это возможно вследствие изменения либо субъекта оценки (в данном случае - поступающий в институт или говорящий), либо основания оценки (с какой-то одной точки зрения - 'плохо', с другой - 'хорошо') и т.д. (ср. Вольф 1985, с. 72) - но так или иначе положительная оценка пропозитивного объекта в глаголе *надеяться* сохраняется.

Другой пример неустойчивого семантического компонента - неконтролируемость у глаголов типа *опоздать*⁷. Так, предложение *Он опоздал на поезд* нормально значит 'Он пришел после отхода поезда' и 'это не входило в его намерение'. Однако в совершенно семантически полноценных сочета-

ниях *Я нарочно опоздал, Я собираюсь опоздать* этот второй компонент толкования, т.е. неконтролируемость, легко устраняется.

Неустойчивыми компонентами являются также отрицательная оценка пропозитивного объекта у глагола *разочароваться* (ср. возможное *приятно разочаровался*); фактивность у глаголов *предсказать* (ср. *неправильно предсказал*)⁸ и, возможно, у *признаться* (ср. допустимое *Иван признался, что это преступление совершил он, - с целью отвести подозрение от своего сына*) - в отличие от *сознаться*, где фактивная презумпция, по-видимому, неустранима. Ср. также примеры из (Vendler 1980): *falsely state, incorregtly report, wrongly guess*.

Неустойчивыми, по-видимому, являются **временные** компоненты (т.е. вероятные, но не обязательные, противопоставленные **постоянным**)⁹, выделяемые в (Апресян 1979, с. 514). Так, неустойчивым компонентом является смысл 'по отношению к другим' в семантической структуре англ. прилагательного *severe*, которое "предполагает скорее суровость по отношению к другим, чем к себе, но иногда может обозначать и обращенную на себя суровость (...) В предикативе без дополнений *severe* понимается в первом смысле: *he is a severe one*" (там же).

Необходимо подчеркнуть, что понятие неустойчивого семантического компонента осмысленно только применительно к **одному и тому же** значению слова. Если речь идет о соотношении **разных** значений одного слова, то специфика неустойчивого компонента полностью утрачивается: вычеркивание какого-то компонента толкования при построении "производных" значений из "исходного" - регулярный процесс, составляющий часть механизма семантической деривации (см. Туровский 1985); при этом вычеркиваться может совершенно "полноценный", устойчивый семантический компонент. Сюда же относится, в частности, явление **семантического рассогласования**, описанное В.Г. Гаком (например, значение глагола *идти* в сочетании *время идет* по сравнению с *человек идет*), см. (Гак 1972, с. 383).

Неустойчивые компоненты обнаруживаются и за пределами сферы лексической семантики - это понятие применимо не только к словам, но и к другим значимым единицам языка, в частности, к грамматическим значениям (граммам). Так, например, в одно из значений формы прошедшего времени сов. вида в русском языке входит смысл 'сохранение результата к моменту речи' (имеется в виду то значение прош. времени, которое реализуется в **речевом**, но не в **нарративном** режиме - см. Падучева 1986). Так, *Вася пришел* вне контекста значит, что в данный момент он там и находится; *Картину повесили* - что она до сих пор висит (в отличие от несов. вида: *Картина висела* значит, что сейчас, скорее всего, она не висит - см. об этом Падучева

1986, с. 420-421). Однако в противительном контексте *Вася пришел, а потом ушел* смысл сохранения результата совершенно безболезненно устраняется. Ср. также *Я потерял паспорт* (—'в данный момент у меня нет паспорта') и *Я потерял паспорт, но потом, к счастью, нашел его*. См. об этом также (Виноградов 1947, с. 562-563).

Неустойчивым компонентом является еще одно видовое значение - значение однократности у формы сов. вида (см. Падучева 1986(6), с. 415; Гловинская 1982, с. 67).

В значение изъявительного наклонения входит некоторый смысл утвердительности, т.е. что-то вроде 'ситуация имеет место' (собственно и отличающий изъявительное наклонение от сослагательного и прочих ирреальных наклонений). Однако в условном контексте (*Если он работает...*), в интенциональном (*Я думаю, что он работает*), а также в некоторых других смысл 'ситуация имеет место' исчезает.

Неустойчивыми семантическими компонентами являются, кроме того, коммуникативные импликатуры (см. Грайс 1985) - например, смысл 'достижение предела' для общефактического результативного значения формы несов. вида в русском языке; ср. *Зимний дворец строил Растрелли и Дворец советов строил коллектив архитекторов* (см. Падучева 1985, с. 421). Другой пример подобного рода: франц. предложение *J'ai lu ton livre ce matin* ('Я читал/прочитал твою книгу сегодня утром') в независимом употреблении содержит смысл 'до конца' (что соответствует русскому 'прочитал'), который, однако, в противоречащем контексте может устраняться: *J'ai lu ton livre ce matin, mais je ne l'ai pas terminé* ('Я читал твою книгу сегодня утром, но до конца не дочитал').

К коммуникативным импликатурам близки "приглашенные следствия" (*invited inferences*) по (Geis-Zwicky 1971), которые тоже относятся к числу неустойчивых компонентов. Это, например, смысл (a'), который в принципе может исчезать:

(a) *Если я куплю билеты, мы пойдем в кино.*

(a') 'если я не куплю билеты, мы не пойдем в кино'. См. обсуждение этой проблематики в (Карттунен 1985).

Итак, мы рассмотрели один, наиболее важный способ "примирения" противоречащих смыслов - устранение неустойчивого семантического компонента. Существуют и другие способы разрешения противоречия, хотя они менее отчетливы. Один из них состоит в том, что противоречащий признак каким-то образом переосмысливается, другой - в том, что противоречащий признак сам остается неизменным, но его присутствие вызывает определенные изменения в семантической структуре предложения.

Примером переосмысления признака могут служить сочетания типа *Боюсь успеха, Надеюсь на поражение* и т.п. Здесь пропозитивный объект имеет собственный устойчивый признак оценки; противоречие, возникающее в контексте глагола с противоположным оценочным признаком, разрешается за счет того, что пропозитивный объект, сохраняя собственный оценочный признак, приобретает в качестве вторичного, "наведенного" оценочный признак, содержащийся в глаголе (оценка при этом переосмысливается благодаря изменению значения какого-то из ее параметров - ср. выше).

Семантический механизм второго типа действует, например, в сочетании некоторых глаголов, обозначающих неконтролируемые действия (см. гл. II, 3), с наречием *нарочно*: *нарочно промахнуться, оговориться, уронить платок* и т.д. Здесь результирующее действие является контролируемым - как того и требует наречие *нарочно*; однако контролируемость обеспечивается не за счет вытеснения из глагола противоречащего признака "-контроль" - как это было бы в случае неустойчивого семантического компонента, - а за счет того, что наречие *нарочно* вводит в семантическое представление предложения другое действие, которое является контролируемым. Так, *Она нарочно уронила платок* значит примерно следующее: 'Она бросила платок, но так, чтобы казалось, что уронила'.

Рассмотрим еще один пример. Предложение *Я нечаянно выбросил нужные бумаги* в одном из пониманий значит 'Когда выбрасывал, думал, что это ненужные бумаги'¹⁰. Здесь противоречие между признаком "-контроль" в наречии и признаком "+контроль" в глаголе разрешается за счет того, что глагол выходит из сферы действия наречия *нечаянно*, т.е. из "конфликтной" ситуации, - сохраняя благодаря этому признак "+контроль"; в сфере действия наречия остаются прочие члены предложения. Неконтролируемость при этом переосмысливается как признак ситуации, описываемой предложением в целом, - включающей, помимо, самого действия, соответствующего глаголу, еще и объекты, соответствующие именованным группам. Неправильная идентификация этих объектов (эффект взаимодействия наречия *нечаянно* с выражением *нужные бумаги*) порождает несовпадение представления субъекта о совершаемом намеренном действии с реально совершаемым действием и тем самым - неконтролируемость ситуации в целом (ср. Davidson 1966; Петрова 1983). Таким образом, здесь одновременно действуют оба семантических механизма.

Следует упомянуть еще одно явление, имеющее непосредственное отношение к обсуждаемому вопросу; оно может рассматриваться как в некотором смысле обратное явлению устранения неустойчивого семантического компонента. Речь идет о приобретении словом некоторого семантического

признака под влиянием контекста, т.е. о неоднократно обсуждавшемся в литературе явлении нарушения сочетаемостных ограничений (см., например, Чейф 1975, с. 115; Вейнрейх 1981, с. 147-162; Падучева 1977, с. 112); ср. также понятие переходящего признака в (Вейнрейх 1981, с. 108). Наиболее характерный случай такого рода - "навязывание" глаголом какой-то классифицирующей семы связанному с ним существительному - ср. пример Вейнрейха *пить морковь*, где признак 'жидкость' переходит от глагола к его дополнению¹¹.

Возможность подобной перестройки значения слова есть свойство не приобретаемого компонента, а контекста, в котором оказывается данное слово. Так, например, способностью навязывать существительному семантический компонент 'протяженность во времени' обладает русский предлог *после* в отличие от - *во время*; ср. *во время дома, но *После дома ребенку трудно привыкать к интернату* (пример из Гак 1972, с. 381382). При этом граница между словами, способными и неспособными передавать другим словам свои семантические компоненты, на самом деле довольно зыбка - это различие носит градуальный характер. В конечном счете именно на нарушении сочетаемостных ограничений основана метафора - атрибут не только поэтического, но и любого естественного языка.

4. Принципы выделения значений

Описание семантики предикатов внутреннего состояния, являющееся предметом настоящего исследования, предполагает, в числе прочего, решение следующих двух задач. Во-первых, разграничение различных значений каждой из анализируемых предикатных лексем. Решение этой задачи является необходимой составной частью любого семантического анализа, поскольку, как неоднократно отмечалось, единицей семантического описания является именно отдельное значение слова (см. Вейнрейх 1981, Болинджер 1981). Другая задача актуальна для исследования лишь некоторых семантических классов слов, к числу которых относятся, в частности, ПВС, а именно, описание **общего значения** лексемы. Понятие общего значения (*Grundbedeutung*) было введено Р.Якобсоном (Jakobson 1971); в дальнейшем оно было подвергнуто критике Е.Куриловичем (Курилович 1962а) и в современных исследованиях по лексической семантике оно практически не используется. Однако, по-видимому, для некоторых пластов лексики описание общего значения лексемы целесообразно и оправдано. Д.Н. Шмелев (Шмелев 1973) выделяет в лексическом составе языка группы слов, тяготеющих к многозначности, и группы слов, тяготеющих к однозначности. Предикаты внутреннего состояния относятся к числу слабомногозначных слов; для них

проблема состоит в большей степени именно в разграничении разных значений, чем в нахождении их семантического инварианта, объясняющего возможность их объединения в одну лексему. Именно поэтому при описании общего значения лексемы, относящейся к сфере ПВС, мы не сталкиваемся с теми трудностями, на которые указывал Е.Курилович, а также другие авторы, приводя аргументы против целесообразности использования понятия общего значения в семантическом анализе лексики. Так, например, Д.Н. Шмелев (Шмелев 1973; с. 69-73) пишет, что если мы попытаемся найти "общее значение" глагола *расколоть* в сочетаниях *расколоть полено* и *расколоть компанию*, мы должны будем ограничиться выделением его семантической темы 'разделять, разъединить', что, конечно, недостаточно для определения реального значения слова ни в том, ни в другом случае. Смысловая связь между различными "лексико-семантическими вариантами" слова может основываться на таких элементах значения, которые не могут быть представлены как общее значение данного слова - как в случаях противопоставления основных, или первичных, и производных, или вторичных значений, прямых и переносных значений (метафора, метонимия, функциональная общность) и др., см. (Виноградов 1977); а также в случае "цепочечной полисемии", описанной в (Апресян 1974). Поскольку различия между значениями лексемы, принадлежащей к числу ПВС, не относятся ни к одному из перечисленных типов, при описании общего значения предикатной лексемы подобных проблем не возникает.

Под общим значением предиката внутреннего состояния понимается неупорядоченный набор семантических компонентов, характеризующий обобщенную "типичную ситуацию" возникновения данного состояния, плюс некоторое неформальное описание этой ситуации. Каждое отдельное значение представляет собой то или иное упорядочивание этого набора (или его части). А именно, значения предиката могут различаться по составу компонентов, по их статусу (отнесение компонента к презумптивной или к ассертивной части значения) и по обязательности/факультативности.

Выбор тех или иных принципов выделения значения слова связан с характером задачи, которую ставит перед собой исследователь. Для решения задачи построения модели типа "Смысл <--> Текст", где в словарь включается определенная синтаксическая информация (модель управления слова), существенными являются такие синтаксические критерии как совместимость валентностей и трансформируемость (см. Апресян 1967). С этим принципом отчасти пересекается критерий разграничения значений слова на основе их различной семантико-синтаксической сочетаемости, а также различной возможности образования некоторых грамматических форм. Е. Курилович (Ку-

рилович 1962а) предложил принцип выделения значений, который может быть использован в рамках задачи системного анализа лексики: если в языке существует выражение, синонимичное данному слову в одном употреблении и несинонимичное ему в другом употреблении, то в этих двух употреблениях реализуются разные значения этого слова. Этот критерий был уточнен У.Вейнрейхом (Вейнрейх 1981), который добавил требование однословности синонимического выражения.

Принцип выделения значений, используемый в настоящей работе, носит чисто семантический характер: выделение значений производится на основании общности состава и иерархической упорядоченности семантических компонентов. Релевантность используемых семантических компонентов для исследуемой группы предикатов подтверждается следующими фактами. Во-первых, получающееся разбиение на значения таково, что оно позволяет с достаточной определенностью отнести любое употребление данной предикатной лексемы к какому-то одному из значений (кроме случаев нейтрализации, а также, иногда, синкретизма). Во-вторых, реальная противопоставленность выделенных значений подтверждается по крайней мере некоторыми из перечисленных формальных критериев (различие в сочетаемости, в синтаксических возможностях, наличие в языке выражения, синонимичного данному лишь в одном из значений).

Обобщением результатов семантического анализа каждой из исследуемых предикатных лексем является нахождение ее общего значения (в качестве обозначения для общего значения используется соответствующее русское слово в марровских кавычках). Так, например, общее значение 'бояться' может быть охарактеризовано как наличие у субъекта представления о некоторой цепи событий, связанных причинно-следственной связью, первое звено которой имеет место в настоящий момент, а последним звеном является некоторая гипотетическая ситуация, расцениваемая субъектом как негативная. Различные значения представляют собой различные способы структурирования этой ситуации.

Одно из частных значений каждой лексемы выделяется в качестве основного. Вообще говоря, система значений каждой лексемы может быть представлена таким образом, чтобы каждое частное значение получалось из основного при помощи определенных преобразований его семантической структуры. Поскольку исходным объектом анализа является все множество употреблений исследуемых предикатных лексем, некоторые из значений оказались не относящимися к внутренним состояниям, как например, значение глагола *бояться* в употреблении типа *Эта ткань боится стирки*. Однако мы не стали исключать их из рассмотрения, так как подобный перенос, буду-

чи регулярным явлением, представляет самостоятельный интерес, и возникающее значение обычно может быть предсказано на основании семантического анализа тех значений того же глагола, в которых он соотносится с внутренним состоянием. При этом значения, которые не соотносятся с внутренними состояниями, при построении семантического инварианта не учитываются.

§3. Семантико-синтаксическая структура предложений с ПВС

1. Субъект и объект внутреннего состояния

Ситуация, описываемая предикатом внутреннего состояния, предполагает два участника (семантических актанта)¹²; первый мы будем называть **субъектом** внутреннего состояния, второй - его **объектом** (в широком смысле). Субъект состояния - это одушевленный инактивный участник ситуации, "испытывающий" нечто; (на языке семантических ролей, или глубинных падежей он называется "experiencer" - см. Fillmore 1971, с. 116; Чейф 1975, с.167; Бехерт 1982, с. 423, Кибрик 1960, с. 329, Venoist 1983. Семантические (ролевые) свойства субъекта ПВС проявляются на уровне синтаксиса, прежде всего, в возможности его оформления именем в дательном или винительном падеже (отсутствующей у субъекта-Агенса), ср.: *мне нравится, мне кажется, мне понятно, меня удивляет, меня радует*. О связи семантической роли "экспериенсер" с дательным падежом см. Филлмор 1977, Кибрик 1980, Гухман 1967, Вольф 1974, Miller 1970, Wierzbicka 1980.

Что касается второго семантического актанта ПВС, то он имеет несколько различную природу в зависимости от типа предиката. А именно, здесь можно выделить три подкласса: предикаты **эмоционального состояния** (*рад, огорчен, удивлен; страшно, весело; сердить, раздражать, смущать* и т.п.); предикаты **эмоционального отношения** (*бояться, любить, презирать, доверять*) и т.п.; и **ментального состояния**: *знать, полагать, надеяться, подозревать, сожалеть* и т.п. (Обозначения "эмоциональный" и "ментальный" здесь в известной мере условны: поскольку речь идет о смешанных состояниях, имеется в виду лишь преобладание того или другого момента.) Соответственно, в первом случае обсуждаемый семантический актанта является **причиной** внутреннего состояния (*Он огорчен неудачей*), во втором - его **объектом** (*Мать любит сына*), в третьем **содержанием** (*Я надеюсь, что он вернется*) - ср. семантические валентности Caus, Obj и Content в Апресян 1974. Это соответствие носит, однако, не

абсолютный характер. Так, у некоторых предикатов второй актант может быть одновременно причиной и объектом внутреннего состояния (см. об этом Anscombe 1957, с. 323, Вольф 1989, с. 56)¹³. Что касается различия между ролью объекта (в узком смысле) и содержания, то оно сводится в конечном счете к противопоставлению предметного и пропозитивного значения (см. ниже) и может варьироваться в пределах одного предиката (ср. *Я думаю о Васе* и *Я думаю, что Вася хороший человек*).

Отличие семантической роли причины от объекта и содержания проявляется в свойствах соответствующих синтаксических актантов. Прежде всего - поскольку причина существует относительно независимо от вызываемого ею следствия - актант со значением причины может оставаться невыраженным (ср. *Я боюсь; мне страшно; мне грустно*); более того, причина того или иного эмоционального состояния может быть неясной для самого субъекта или вообще отсутствовать (беспричинный страх, беспричинная грусть), ср.: *Да, да... а я все-таки боюсь! Не понимаю чего, а боюсь... В воздухе как будто что-то носится, как будто летучая мышь, беда летает, и боюсь, боюсь!* (Достоевский). Что же касается объекта (в узком смысле) и содержания, то они должны выражаться обязательно¹⁴. При опущении соответствующего синтаксического актанта либо возникает аномалия (ср. *Я считаю), либо - и это зависит от конкретной лексики и от контекста - предложение интерпретируется как эллиптическое или даже полноценное (ср. *Я надеюсь; Нет ничего прекраснее лица молодой женщины, которая любит и любима*).

Другое характерное свойство актанта со значением причины состоит в том, что он может занимать позицию подлежащего в прямопереходной конструкции (ср. *Это известие меня огорчило*). Объект и содержание тоже могут занимать позицию подлежащего, но, во-первых, субъект состояния выполняет в этом случае роль не прямого, а косвенного дополнения, во-вторых, подобные конструкции являются очевидным образом производными, т.е. они получены при помощи трансформации некоторой исходной структуры (имеются в виду конструкции типа *Эта новость мне известна; Она была всеми любима*).

2. Предметный и пропозитивный объект

Важность противопоставления предметного и пропозитивного¹⁵ значения объекта для семантической характеристики глагола отмечалось многими исследователями (см., например, Апресян 1974, с. 142-145; Арутюнова 1976, с. 125-167; ср. также различие двух типов номинаций - элементной и событийной - в Гак 1977). Как пишет Н.Д. Арутюнова, "глаголы духовной

(интеллектуальной, эмоциональной, волевой и под.) деятельности, т.е. глаголы, обозначающие процессы, происходящие в субъекте, ... требуют пропозициональных дополнений (придаточных предложений и их номинализаций)", а глаголы, обозначающие "чувство-действие", т.е. чувство, не замкнутое психикой субъекта (*любить*), а также интерперсональные отношения и предметно-ориентированные эмоции (*обожать, ненавидеть, сердиться на кого-либо*) сочетаются с предметным дополнением (Арутюнова 1976, с. 126). Большинство глаголов сферы ПВС могут иметь как предметные, так и пропозитивные дополнения, и при этом выбор того или иного типа дополнения связан с различием в значении глагола, ср.: *Я люблю Васю и Я люблю кататься на лодке, Маша любит, чтобы пироги были пышные; Я знаю Васю и Я знаю, что он там был; Я боюсь собак и Я боюсь ходить по этому переулку.*

Объект (второй семантический акт ПВС) может быть выражен как именной, так и глагольной словоформой. При глагольном оформлении (придаточное предложение, подчиненный инфинитив) объектом может быть только ситуация. В том случае, когда объект выражен именной словоформой, это может быть как предмет, так и ситуация. При этом существует по крайней мере два морфологических класса существительных - отглагольные имена (*отъезд, стрельба, обдумывание* и т.п.) и имена качеств (*белизна, бледность, мудрость* и т.п.), которые могут обозначать только ситуации (ср. Курилович 1962б). Однако такого класса (морфологического или семантического) имен, которые могли бы обозначать только предмет, не существует, так как любое имя, в том числе имя лица и личное местоимение, в определенных контекстах способно обозначать ситуацию. Примеры таких контекстов, в которых предметные имена выступают во вторичной синтаксической функции выражения пропозиции, приводятся в работах (Апресян 1969, с. 305, Арутюнова 1976). Предметное имя в этом случае может обозначать любое действие, состояние или происшествие, связанное с указанным предметом. так, *Я задержался из-за книг* - 'я задержался из-за того, что относил книги в библиотеку / брал книги у приятеля / расставлял книги по полкам' и т.д. (см. Арутюнова 1976, с. 122). Н.Д. Арутюнова отмечает также регулярность замещения имени ситуации-причины эмоционального состояния именем лица-виновника: *Его грубость рассердила меня --> Он рассердил меня.*

Таким образом, в языке существует два механизма, обеспечивающих способность имени обозначать ситуацию. Первый - это собственно номинализация, т.е. преобразование вершинного предиката исходной пропозиции в (отглагольное) имя, а актантов - в его определения (*Он пришел --> его*

приход), второй - обозначение ситуации именем ее участника, который является коммуникативно "главным" (*Я подозреваю, что это сделал он --> Я подозреваю его*). Заметим, что между этими двумя типами свертывания пропозиции на самом деле нет принципиальной разницы. Действительно, глагол, как известно, может расщепляться на полувспомогательный глагол и "фиктивное" дополнение (т.е. синтаксический актант, которому не соответствует семантический): *Он прыгнул --> Он совершил прыжок*, франц. *se promener* "гулять" --> *faire une promenade*, итал. *rise* "засмеялся" --> *face una risata* (см. Апресян 1974, с. 46, Алисова 1971, с. 27); поэтому вообще говоря, трудно сказать, какой из двух типов свертывания имеет место, например, во фразе, *Не успел я сказать это, как сразу же пожалел о своих словах*; а именно, следует ли считать слова номинализацией глагола *говорить* или одним из его актантов (ср. также существительные *смех, слезы, поступок* и др.).

Существенность противопоставления значений ПВС, в которых предметное имя действительно обозначает предмет, и тех, где оно выражает свернутую пропозицию, может быть проиллюстрирована следующими примерами. Глагол *надеяться* ни в одном из своих значений не может предметный объект: так, предложение *Я на него надеюсь* может быть понято только как содержащее свернутую пропозицию - 'я надеюсь, что он нечто сделает', в отличие от таких глаголов как *бояться, любить, ненавидеть*, которые, по крайней мере в некоторых из своих значений, имеют действительно предметный объект.

Соотнесенностью с предметом или с ситуацией объясняется распределение форм винительного и родительного падежа дополнения при глаголе *бояться* в русском языке, а именно, дополнение в форме винительного падежа имеет предметное значение, а в форме родительного - пропозиitivное. Так, предложение *Он боится жену* обозначает отношение непосредственно к человеку, а *Он боится жены* - к какой-то ситуации, главным участником которой является этот человек. Поэтому можно сказать *Он хотел пойти пить пиво, но побоялся жены*, но не *жену. Соответственно, имена пропозиitivного значения при глаголе *бояться* могут стоять лишь в форме родительного падежа: *боюсь нападения, аварии*, но не **боюсь нападение, аварию*¹⁶.

3. Противопоставление "ситуация-факт"

За последние годы в лингвистической семантике возрос интерес к проблеме референции выражений с пропозиitivным (непредметным) значе-

нием. В этой проблеме можно выделить следующие аспекты: 1) содержание противопоставления "ситуация - факт", или определение понятия "факт"; 2) выявление различий в языковом употреблении, манифестирующих это противопоставление (данный вопрос исследован наиболее детально - см. работы З.Вендлера и Н.Д.Арутюновой); 3) вопрос о терминах: ни тот, ни другой член рассматриваемого противопоставления не имеет названия, которое было бы одновременно удачным и общепринятым; 4) установление инвентаря денотативных статусов для выражений с пропозитивным значением, или проблема квантификации в сфере пропозитивных значений; 5) модусные противопоставления (реальная vs. нейтральная модальность и прагматическое противопоставление по известности/неизвестности - см. Падучева 1986а). Последнего аспекта мы здесь касаться не будем; поскольку в семантике ПВС соотнесенность с действительностью (или с каким-то возможных миров) ситуации, соответствующей подчиненной пропозиции релятивизована относительно субъекта внутреннего состояния, она рассматривается, в рамках нашей модели, как одна из составляющих эпистемического компонента (см. гл. II, § 1).

В связи с использованием понятия "факт" в лингвистическом анализе возникает две проблемы. Первая состоит в трудности идентификации фактов; вторая касается самого определения понятия "факт".

Начнем со второй проблемы. Приведем для иллюстрации некоторые примеры предложений (из упоминавшихся в литературе), где подчиненная пропозиция выражает факт.

- (1) *Хорошо, что мне выдернули зуб.*
- (2) *То, что лето возвратится, всем известно.*
- (3) *Мне надоело то, что я наказываю невиновных.*
- (4) *Я видел, что они танцевали.*
- (5) *Женщина заметила, что он не опустил деньги в кассу.*

Перечислим теперь наиболее существенные из обсуждавшихся в литературе (см., прежде всего, Арутюнова 1985) свойства фактов; все они формулируются в виде оппозиций, противопоставляющих **факты** и **ситуации** (о самом противопоставлении см. ниже).

1. Первое свойство, которое формулируется по-разному, но всегда метафорически и довольно неясно, отражает "ментальный характер" фактов: "принадлежность к логическому, а не реальному пространству", "результат погружения мира в сознание человека" (Н.Д. Арутюнова), наличие "оболочки пропозициональной установки" (Е.В. Падучева) и др. - подробнее об этом свойстве см. ниже.

2. Способность включать отрицание (в отличие от обозначений ситуаций, которые не могут включать отрицание - см. об этом Wierzbicka 1969c, с.70, Арутюнова 1985, Кобозева 1988).

3. Недоступность зрительному восприятию.

4. Отсутствие протяженности во времени ("точечность").

5. Отсутствие локализации во времени и в пространстве.

6. Истинность.

Остановимся на свойстве истинности. Дело в том, что здесь имеет место следующая парадоксальная ситуация. Хотя истинность как неотъемлемое свойство фактов имплицитно или даже эксплицитно отвергается в большинстве сочинений, посвященных данной проблематике (ср. понятие "факт/возможность" в Падучева 1986а, понятие "фактообразующего значения", для которого релевантным является противопоставление по истинности/ложности, а также сами примеры типа *Я надеюсь, что лето возвратится* в Арутюнова 1985) - само утверждение, что факты не обязательно должны быть истинными, вызывает неизменный и непреодолимый протест, обусловленный, очевидно, давлением естественно-языкового значения слова *факт* - 'то, что имеет место'.

Между тем отсутствие у фактов свойства истинности следует из наличия у них параметра истинности - то, что, в свою очередь, проявляется в таком фундаментальном свойстве фактов как сочетаемость с предикатами истинностной оценки (каковая оценка, естественно, может быть и отрицательной, ср.: *То, что он был вчера в кино, неправда/маловероятно*). Признание истинности свойством фактов ставит нас, кроме того, перед необходимостью проводить границу между случаями типа (6) *То, что он переехал в Москву, хорошо* (подчиненная пропозиция истинна) и типа (7) *То, что он переехал в Москву, неправда* (подчиненная пропозиция нейтральна относительно истинности) - что, безусловно, противоречит интуиции, так как очевидно, что различное отношение к истинности, характеризующее подчиненную пропозицию в предложениях (6) и (7) определяется свойствами подчиняющего предиката, а именно, его фактивностью или нефактивностью. Обратим здесь особое внимание на то, что в определение фактивности не входит понятие "факт": фактивными называются предикаты, содержащие фактивную презумпцию, т.е. презумпцию истинности подчиненной пропозиции.

Другими словами, если мы признаем, что факты включают истинность, то - поскольку свойство истинности является независимым от остальных свойств из приведенного выше списка - оказывается, что они и сводятся к ней, т.е. не включают ничего кроме истинности: утверждение "пропози-

ция Р выражает факт" оказывается лишь перифразой утверждения "пропозиция Р истинна". Тем самым понятие "факт" как бы становится вообще избыточным. Однако очевидно, что на самом деле это не так - понятие "факт" вполне успешно используется в качестве самостоятельного инструмента лингвистического анализа (см., напр., работы Кобозева 1988, Подлесская 1990).

Как нам представляется, конституирующим свойством того лингвистического объекта, который обозначается неудачным термином "факт", является трудноформулируемое свойство (1), которое мы обозначили как их "ментальный характер". Для сущности, противопоставленной факту, нет общепринятого названия; мы будем пользоваться термином "ситуация", принятым в Падучева 1986, так как он наиболее естественно интерпретируется как родовой для терминов "процесс", "событие", "состояние", "свойство" и др., т.е. для разных типов ситуаций. Что касается самого термина "ситуация", то здесь следует подчеркнуть, что он используется как для обозначения фрагмента мира, т.е. денотата пропозитивного компонента предложения, так и для обозначения соответствующего концепта¹⁷. Именно в этом последнем смысле можно говорить о различных аспектуальных типах ситуаций (см. выше); в этом же смысле оказывается возможным говорить о различиях между ситуациями и фактами (так как факты существуют на уровне концепта)¹⁸.

Итак, противопоставление "ситуация vs. факт"¹⁹ возникает за счет того, что ситуация, обладающая атрибутами места, времени, временной протяженности и т.д., подвергается операции "заключения в ментальную оболочку", в результате которой она становится фактом - что означает, что она теряет атрибуты времени, места, временной протяженности и т.д., которые оказываются "замурованы" внутри этой оболочки, - и приобретает свойства самой "ментальной оболочки", т.е. параметр истинности, вероятности, рациональной оценки и т.д.²⁰

"Ментальная оболочка" - это не что иное как контекст подчиняющего предиката, включающего ментальный компонент (т.е. элементарный предикат 'считать' или 'знать' - см. гл. II, § 1).

Таким образом, независимо от того, готовы ли мы принять развернутую выше метафору за определение этой загадочной сущности "факт", можно сделать следующее утверждение. Факты не имеют самостоятельного существования: значение факта является производным от семантики подчиняющего предиката, а именно, от наличия в его значении ментального компонента. Тот смысл, который мы пытаемся описать как определенный тип пропозитивного значения есть не что иное как эффект воздействия, оказываемого на подчиненную пропозицию подчиняющим предикатом, в семантику которого входит ментальный компонент.

Подтверждением высказанного тезиса является тот факт, что не существует таких двух предложений, различие между которыми сводилось бы к противопоставлению "ситуация vs. факт" в семантике подчиненной пропозиции - этому различию всегда сопутствует определенное различие в значении подчиняющего предиката.

Так, в примерах Н.Д. Арутюновой, демонстрирующих различие в оценке ситуаций и фактов *Я хорошо пообедал* и *Хорошо, что я пообедал* - предикат *хорошо* в первом случае обозначает гедонистическую, непосредственную (т.е. оценку вида 'X ощущает, что Р хорошо/плохо'), а во втором - рационалистическую ('X считает, что Р хорошо/плохо'). Показателен здесь также пример глаголов восприятия, которые в конструкции с придаточным *что* имеют "ментальное" значение (знания или мнения) - см. Арутюнова 1988, с. 110-120.

Несколько сложнее обстоит дело с такими парами как (8а) и (8б) (пример из Падучева 1986а, с. 26):

(8) а. *Я помню, что мы купались в мае в Москве-реке* (факт)

б. *Я помню, как мы купались в мае в Москве-реке* (ситуация)

Здесь предложение (8б), казалось бы, включает смысл (8а) - чтобы помнить, **как** нечто происходило, надо помнить также и **что** это происходило, - что противоречит предложенному анализу, согласно которому значение ситуации семантически проще, чем значение факта. Однако при более внимательном взгляде это противоречие снимается, т.е. оказывается, что на самом деле, наоборот, (8а) является производным от (8б).

Как легко убедиться, в (8а) и в (8б) имеются в виду разные виды памяти: в первом случае - наличие в сознании субъекта некоторой информации, во втором - наличие зрительного образа. Второй вид памяти может быть обращен лишь на те ситуации, которые имели место в прошлом и в которых субъект либо участвовал, либо, по крайней мере, был их очевидцем. Для первого вида памяти этих ограничений нет; более того, статистически большинство предложений с *помнить, что* имеет подчиненную пропозицию информационной природы, что, естественно, отменяет как требование фактивности, так и требование причастности субъекта. ср.: *Ты помнишь, что Вася завтра уезжает?* Во всяком случае, любое предложение с *помнить, что* допускает такую "информационную" интерпретацию. Так, например, высказывание *Я помню, что в пять лет он убежал из дома* может быть уместно в том числе и в ситуации, когда человек рассказывает известные ему сведения из биографии исторического деятеля, - в отличие от высказывания *Я помню, как в пять лет он убежал из дома*, которое может быть сделано только на основании собственного опыта.

Возможность "информационной" интерпретации подчиненной пропозиции при *помнить*, что объясняет и сочетаемость этого выражения с любыми типами пропозиций - относящимися к будущему времени, оценочными, общими суждениями и т.д. (ср. *Ты помнишь, что Вася - гениальный поэт / что мы сегодня идем к Васе?; Он помнил, что никогда не надо отчаиваться; Из геометрии он помнил только, что гипотенуза больше катета* и т.д.)²². Однако возможно и такое употребление сочетания *помнить, что*, при котором источником информации является не сообщение, а результат обработки данных непосредственного восприятия - своего рода редукции зрительного образа к некоторой сущности ментальной природы (пользуясь выражением Н.Д. Арутюновой, можно сказать, что здесь "из процесса как бы экстрагируется факт"). Другими словами, это значит, что в случае "памяти о личном опыте" *помнить, что* включает в себя *помнить, как*, т.е. (8а) может интерпретироваться как редуцированная форма выражения следующего смысла: 'Я помню, как мы купались... и на основании этого заключаю, что имело место то, что мы купались...'. Так, А.Вежбицкая (Wierzbicka 1969с, с. 70) рассматривает предложения типа *Я вижу, что Джона здесь нет* как имеющие исходную структуру *На основании того, что я вижу, я заключаю, что Джона здесь нет*; таким образом, "ментальное" значение глагола *видеть* складывается из двух более элементарных смыслов (предикатов), которые имеют пропозитивные объекты разных типов (ср. Кобозева 1988, с.88).

Последнее рассуждение непосредственно подводит нас к объяснению упоминавшейся выше трудности идентификации фактов, возникающей, прежде всего, в контексте предикатов эмоционального состояния (см. об этом Арутюнова 1980, с. 181-184). А именно, поскольку эти предикаты включают несколько семантических компонентов, т.е. несколько более элементарных предикатов, смысл, соответствующий подчиненной пропозиции, может входить в семантику предложения по крайней мере дважды - один раз как "образ ситуации", т.е. таким способом, при котором участие сознания предполагается не в большей степени, чем при использовании любого языкового знака, и другой раз - уже будучи обернутым в "ментальную оболочку", т.е. как объект принципиальным образом ментальной природы. Тем самым трудность отграничения фактов от не-фактов обусловлена тем, что здесь мы имеем дело с объектами смешанной природы, и поэтому мы можем говорить лишь о преобладании в семантике интересующего нас выражения элементарного предиката того или иного типа и, соответственно, того или иного типа значения, выражаемого подчиненной пропозицией. Так, например, предложение (9) *Я надеюсь, что он вернется* включает смыслы предложений (9а) *Я хочу, чтобы он вернулся* и (9б) *Я считаю вероятным, что он*

вернется. Соответственно, в смысл (9) подчиненная пропозиция входит дважды - как ситуация (благодаря (9а)) и как факт (благодаря (9б)).

Поэтому, например, сталкиваясь с проблемой интерпретации двусмысленности предложений типа (10) *Я жду ее прихода*, мы должны искать различие не в типе значения, выражаемого пропозитивным компонентом, а в семантике подчиняющего предиката. А именно, двусмысленность здесь порождается возможностью реализации в данном контексте двух разных значений глагола *ждать*, в одном из которых он описывает состояние, близкое к эмоциональному (ср. *Жди меня, и я вернусь*), а в другом - почти чисто ментальное состояние "мнения о будущем", при котором (10) * *Я знаю (считаю), что она должна прийти* (ср. безличное употребление типа *Прибытие поезда ожидается в 15 часов*). Однако в обоих случаях описываемое внутреннее состояние имеет смешанную природу; относительно больший вес эмоционального компонента в первом значении обуславливает преобладание в подчиненной пропозиции значения "ситуации", относительно больший вес ментального во втором - преобладание значения "факта".

Остановимся теперь кратко на вопросе о существовании корреляций между типом значения, выражаемого подчиненной пропозицией ("факт" или "ситуация") и способом ее поверхностно-синтаксического оформления. В целом можно сказать, что корреляции здесь довольно слабые. Так, отпредикатные имена (*исполнение, встреча* и т.п.) могут выражать значения обоих типов (см. об этом Падучева 1974, с. 201); то же верно для инфинитивной конструкции (см. Арутюнова 1985). Что касается конструкции *тот факт, что* или возможности анафорической замены при помощи слова *факт*, то критерием факта в том понимании, о котором идет речь (т.е. не включающем истинность) она, очевидным образом, служить не может.

Конструкция с *то, что*, которая традиционно связывается со значением факта (ср. термин *то-что-значение*) тоже не является показателем факта, так как существуют контексты, в которых пропозитивный компонент предложения, имеющий такую форму, может обозначать ситуацию (см. об этом Падучева 1986, с. 27); а именно, это причинный контекст (*Пожар произошел из-за того, что кто-то не выключил кипятильник*), контекст фазовых глаголов (*День начинается у меня с того, что сосед включает радио*), контекст предикатов тождества - таких как *состоять в, сводиться к, быть* и т.п. (*Главное событие состояло в том, что пришел водопроводчик*)²³.

Наибольшего внимания в данной связи заслуживает противопоставление придаточных, вводимых союзами *что* и *как*. Форма придаточного с *как*, по-видимому, является одним из немногих бесспорных критериев в этой об-

ласти - а именно, она однозначно указывает на значение ситуации (см. Арутюнова 1985)²⁴. Относительно придаточного с *что* можно утверждать, что оно всегда несет в себе значение факта (и тем самым допустимость придаточного с *что* указывает на наличие в глаголе ментального компонента - ср. Wierzbicka 1988b, с.312).. Очевидность этого факта затемняется слишком большой долей случаев, когда пропозитивный компонент предложения, оформленный придаточным с *что*, имеет смешанную природу, т.е. несет в себе **также** и значение ситуации - имеются в виду контексты предикатов эмоционального состояния, о которых шла речь выше (*бояться, надеяться, ждать, сожалеть, радоваться, волноваться, беспокоиться* и т.д.), перцептивных предикатов, а также некоторых других

• • •

В заключение приведем таблицу, которая позволяет судить об относительной степени близости различных типов пропозитивного значения - на основании сходств и различий в лингвистическом поведении соответствующих им языковых выражений. В таблицу включены, с одной стороны, **факты**, и, с другой стороны - следующие типы **ситуаций**: процессы, события и статические ситуации, среди которых различаются ситуации с конкретно-референтным субъектом - устойчивые состояния (*Иван любит Марию*) и с родовым - свойства (*Норвежцы высокого роста; У кошки четыре ноги*). В столбцах таблицы помещены признаки соответствующих выражений, которые представляются наиболее существенными (все они уже обсуждались в литературе, поэтому комментарии мы опускаем).

Таблица

	сочет.с показат. врем.про- тяженности	сочет. с обст. места	сочет.с <i>видеть</i> <i>как</i> нием	сочет. с от- рица-
Факт	-	-	-	+
Процесс	+	+	+	-
Событие	-	+	+	-
Устойч. состояние	+	+	-	-
Свойство	-	-	-	-

Как видно из этой таблицы, максимально противопоставленными фактам по своему лингвистическому поведению являются процессы - они различаются по всем четырем признакам (ср. Арутюнова 1985, с. 13-14). Наоборот, наибольшую близость к фактам обнаруживают свойства. События и устойчивые состояния занимают промежуточное положение. Для событий общим с фактами является первый признак, отражающий свойство отсутствия протяженности во времени, или "точечность", которое, в свою очередь, определяет некоторые другие важные свойства, объединяющие события и факты - в частности, применимость и к тем и к другим оценки вероятности (о близости событий и фактов см. также Арутюнова 1988, с. 181, 187). Что касается, наоборот, различий между ними, то оно состоит в различном отношении к локализации во времени и в пространстве, выявление которого, впрочем, представляет определенные трудности. Сравним следующие предложения:

(11) а. *Бракосочетание Ивана и Марии произошло первого апреля в г. Мытищи* (событие);

б. *Бракосочетание Ивана и Марии первого апреля в г. Мытищи имело место* (факт)²⁵.

Различие между этими предложениями может быть описано следующим образом. В (11а) обстоятельства времени и места подчинены предикату *произошло*, т.е. (11а) имеет следующую логическую структуру:

ПРОИЗОШЛО (S(x,y),T,L),

где S - бракосочетание, x - Иван, y - Мария, T - 1 апреля, L - г. Мытищи. В (11б) обстоятельства времени и места подчинены предикатному слову *бракосочетание*, которое является единственным аргументом вершинного предиката *иметь место*:

ИМЕЛО МЕСТО (S(x,y,T,L)).

Большое количество сходств между фактами и свойствами обусловлено тем, что предложения, выражающие свойства, обозначают "абстрактные ситуации" (согласно Падучева 1986)²⁶ и сближаются в этом отношении с общими суждениями (типа *Добро всегда побеждает зло*), которые, в свою очередь, отличаются от фактов, по-видимому, лишь отсутствием эксплицитно выраженного подчиняющего предиката мнения.

4. Понятие денотативного статуса пропозиции

Понятие денотативного статуса было введено для характеристики референтной соотнесенности языкового выражения, употребленного в том или ином высказывании, с объектами внеязыковой действительности и применялось, в первую очередь, к актуализированным в высказывании предметным именным группам (Падучева 1979). Однако противопоставление по типу ре-

ферентной соотнесенности существенно также и для языковых выражений с непредметным значением (см., прежде всего, работу Падучева 1986, а также Булыгина 1983, Крейдлин, Рахилина 1981, Падучева 1988а).

В работе Падучева 1986а рассматривается два ряда противопоставлений, учитывающихся при составлении инвентаря денотативных статусов пропозиций: первый задается денотативным статусом субъектного термина, второе создается квантификацией предиката, т.е. пропозиции в целом. По признаку общей квантификации различаются конкретно-референтные (индивидуальные), универсальные, экзистенциальные и родовые пропозиции (ситуации). Конкретно-референтные ситуации могут быть многократными - при этом они сближаются с родовыми. Различие между ними (состоящее в том, что в первом случае имеется в виду просто некоторая узуальная ситуация с фиксированным субъектом, ср. *Она приспособилась уходить домой в два часа*, а во втором - эталонная ситуация, ср. *Он предпочитает прогулки пешком*) для нас несущественно; в обоих случаях мы будем говорить, что пропозиция имеет родовой статус, так как она обозначает класс ситуаций - в противоположность единичной ситуации (аналогично родовому статусу предметных терминов, который характеризует референцию к классу объектов). Например, родовой статус имеет подчиненная пропозиция в предложениях *Я боюсь ходить по этому переулку; Она любит, чтобы все вещи лежали на своем месте* (ср. с предметным объектом: *Я боюсь собак; Она любит красивые вещи*).

Родовой денотативный статус противопоставлен сингулярному (статус, который приписывается обозначению единичной ситуации). Этот статус не имеет хорошей аналогии среди денотативных статусов предметных имен. Сингулярный статус пропозиции отличается от наиболее близкого к нему конкретно-референтного статуса предметных имен тем, что он не обязательно предполагает существование ситуации, соответствующей данной пропозиции. В работе Крейдлин, Рахилина 1981 по признаку "существование/несуществование ситуации, обозначаемой отглагольным именем, до момента, к которому приурочено действие, описываемое главным предикатом" различаются два денотативных статуса отглагольного имени - конкретно-референтный и гипотетический. Конкретно-референтный статус отглагольного имени аналогичен соответствующему статусу предметных имен, а гипотетический не имеет такой аналогии²⁷. Однако при описании семантики ПВС это противопоставление удобнее рассматривать в другой плоскости - а именно, проблема существования ситуации, соответствующей подчиненной пропозиции, распадается на вопрос о ее временной отнесенности и вероятностную оценку осуществления этой ситуации (независимо от ее временной отнесенности),

которая непосредственно входит в семантику самого предиката (т.е. составляет эпистемический компонент ПВС - см. гл. II, § 1). Итак, сингулярный статус имеют подчиненные пропозиции, например, в следующих предложениях: *Я боюсь завтрашнего экзамена, Я сожалею о сделанной ошибке, Я знаю, что он вчера там был, Я думаю, что он приедет завтра.*

Противопоставление сингулярного и родового статуса пропозиции может выражаться формально - за счет употребления единственного или множественного числа для существительных и совершенного или несовершенного вида для глаголов: ср. *Я знаю о вашей ссоре, Я знаю, что вы поссорились* (сингулярный статус) и *Я знаю о ваших ссорах, Я знаю, что вы ссоритесь* (родовой статус) - см. Булыгина 1980, с. 352.

Сочетаемость с сингулярным или родовым статусом подчиненной пропозиции является существенным фактором, определяющим семантику того или иного ПВС в целом или отдельных его значений. Так, пропозитивный объект при глаголе *любить* может быть только родовым: *Я люблю ходить в лес, Я люблю такие закаты солнца, но не *Я люблю пойти сейчас в лес, Я люблю этот закат солнца.* Только сингулярным может быть пропозитивный объект при тех значениях ПВС, где эпистемический компонент (оценка вероятности) является ассертивным; при тех значениях, где доминирующим является оценочный компонент, денотативный статус пропозитивного объекта может быть как сингулярным, так и родовым. Ср., например, *Я боюсь скандала, сквозняка, проверки 'считаю вероятным, что указанные события (единичные) будут иметь место'* (статус пропозитивного объекта - сингулярный) и *Я боюсь скандалов, сквозняков, проверок 'считаю негативными соответствующие классы ситуаций'* (статус пропозитивного объекта - родовой).

Примечания

¹Источником ограничения в обоих случаях служит то обстоятельство, что носителем внутреннего состояния является человек как духовная сущность (*mind*), а локализацию в пространстве допускает лишь человек как материальный объект (*body*) - см. Wierzbicka 1976.

²Эмоциональная составляющая складывается из оценки ("хорошо"/"плохо") и "переживания"; при этом установить наличие или отсутствие последнего часто оказывается невозможно, ср. примеры выше.

³ Речь идет только о такой аномалии, описание которой требует обращения к семантике (мы будем называть ее - несколько расширительно - семантической); не имеются в виду случаи грамматической неправильности, а также нарушение семантически не мотивированных сочетаемостных ограничений, или синтаксической сочетаемости (по Апресян 1979, с.502). О типах языковых аномалий см. также Вейнрейх 1981, с.81-86.

⁴ Примеры из работ Апресян 1978; Селиверстова 1982. Ср. также использование метода сочетаемостных тестов при решении задач, связанных с семантической классификацией предикатов, в работах Lakoff 1968; Miller 1970; Dik 1972; Булыгина 1982; Падучева 1985.

⁵ Ср. следующие два примера из одного текста (оба высказывания обращены к собаке, оставшейся без хозяина): *Не я купил дом, глупая! И ни на что не надейся. Все это мираж. Я не хозяин твой... и: Спи, балбес. Я завтра все равно сметаюсь отсюда. Ничего не жди* (Г.Семенов).

⁶ Т.е. здесь признак отрицательной оценки у пропозитивного объекта является неустойчивым.

⁷ О контроле см. гл. II, § 3.

⁸ Вопрос о допустимости такого сочетания, по-видимому, является спорным; так, З.Вендлер считает его (для англ. языка) недопустимым и на этом основании относит глагол *predict* к числу семифактивных (*half-factive*); см. Vendler 1980, p.284.

⁹ Неустойчивые компоненты, однако, противопоставлены факультативным, т.е. таким, наличие/отсутствие которых не релевантно для данного значения, а иногда и вообще не может быть установлено - как, например, компонент 'наличие инструмента' в толковании глагола *колоть* (см. Апресян 1979, с.504).

¹⁰ Для этого предложения возможно и другое понимание: 'Вообще не заметил, что что-то выбросил', - при котором само действие, описываемое глаголом *выбросить*, оказывается неконтролируемым. Однако усматривать здесь исчезновение неустойчивого семантического компонента было бы неправомерно: возможность утраты глаголом признака "+контроль" является в данном случае свойством мира, а не языка, и не должно учитываться в семантическом описании.

¹¹ Более редкой, однако все же не исключенной, является возможность приобретения глаголом каких-то признаков контекста; ср. примеры из Туровский 1985: *пить таблетки, расколоть человека*, а также упоминавшееся выше сочетание *напряженно и страстно знать*, где глагол *знать* в контексте наречий образа действия приобретает признак 'процесс'.

¹²Трехместные конструкции (*Он огорчил меня своим поведением; Я считаю его хорошим специалистом* и т.п.) рассматриваются как результат расщепления валентностей.

¹³Здесь следует, однако, различать причину как роль одного из участников ситуации, описываемой ПВС, и причину как основание для оценки (см. гл. II, § 2,4), которая не является участником ситуации (человек может бояться экзамена, потому что плохо знает предмет, радоваться подарку, потому что польщен вниманием и т.д.).

¹⁴Ср. замечание в Searle 1983, p.1-2 о том, что некоторые внутренние состояния - такие как душевный подъем (*elation*), подавленность или беспокойство - могут быть как интенциональными, т.е. направленными на какие-то объекты или ситуации в мире, так и неинтенциональными - в отличие, например, от мнений и желаний, которые всегда интенциональны.

¹⁵"Пропозитивным" мы называем любое значение, производное от предложения (ср. Арутюнова 1976, с.70) в этом же смысле иногда употребляется термин "непредметное" значение (Падучева 1986); наоборот, выражение "пропозитивное значение" может выступать как синоним для "значения факта" (Арутюнова 1988).

¹⁶Следует оговориться, что допустимость дополнения в винительном падеже при глаголе *бояться* является спорным вопросом русской грамматики. Одно из возможных возражений против такого употребления состоит в том, что в русском языке возвратный глагол, вообще говоря, не может иметь дополнения в винительном падеже (ср., однако, нормативное *слушаться маму*); допустимость аккузативной конструкции при *бояться* признается в Зализняк 1967, с.49 - ср. пример из А.Белого *Я боюсь свинью*, а также в статье Jordanskaja, Mel'cuk 1991.

¹⁷В этом смысле ситуация сближается с тем пониманием пропозиции, согласно которому последняя представляет собой предикат с заполненными аргументными местами (ср. Касевич 1988, с.58 о противопоставленности денотативной и сигнификативной ситуации).

¹⁸Мы здесь отвлекаемся от философской традиции понимания фактов как принадлежащих миру. Так, Вендлер считает, что "факты, наряду с объектами и событиями, составляют первичную категорию нашей естественной онтологии" (Вендлер 1986, с.264); ср. также высказывание Витгенштейна о том, что "мир распадается на факты" (цит. по: Арутюнова 1988, с.155) и др.

¹⁹Ср. другие существующие обозначения этого противопоставления: "процесс vs. факт" или "процессуальное vs. фактообразующее значение" (Арутюнова 1985), "ситуация vs. факт (возможность)" (Падучева 1986), "со-

бытие vs. факт" (Арутюнова 1988, Вендлер 1986), "представление vs. суждение" (Кобозева 1988).

²⁰Ср.: "Факт не соотносится ни с координатами пространства и времени, ни тем более с их осями, взятыми в протяженности. Пропозитивное значение [т.е. значение "факта" - А.З.] относится к единицам, локализованным не в реальном, а в логическом пространстве" [Арутюнова 1988, с.134]. "Факт и элементарное событие [т.е. "ситуация" - А.З.] различны в том отношении, что первый конституирован значением истины, второе - нечеткими актантными отношениями, вставленными в пространственно-временную рамку. ... Ключ к пониманию <<факта>> следует искать не в положениях дел или событиях, а в суждении о действительности" (там же, с.157).

²¹Ср. трактовку различия между англ. предложениями I remember switching off the light и I remember that I switched off the light как противопоставление "experiential vs. non-experiential point of view" в Lyons 1982.

²²Ср. также: *Он вспомнил, что больные звери скрываются, забиваются в недоступную глушь и там лечатся какой-то таинственной травой или умирают* (Ю.Казаков). Подобную "информационную" интерпретацию допускают и другие фактивные предикаты - такие как *знать, рад, жаль*.

²³Конструкция с *то, что*, действительно, обнаруживает, корреляцию - но не со значением факта, а с фактивностью подчиняющего предиката (а именно, если предикат фактивен, то эта конструкция возможна; обратное неверно). Это обстоятельство позволяет, в частности, разграничить фактивное и нефактивное значение у таких глаголов, как *знать, подозревать, сказать* (см. Зализняк, Микаэлян 1988).

²⁴Исключение составляют редкие случаи сочетаемости как с отрицанием, типа *Ты помнишь, как ты не мог решить эту задачу?* По-видимому, следует согласиться с анализом, предложенным в Кобозева 1988, согласно которому здесь подчиненная пропозиция имеет сдвоенный статус "ситуации" и "факта": *помнит, как не Р* - 'имеет в сознании "не Р", потому что раньше имел основание считать: не Р'.

²⁵Предложение (116) уместно, например, как ответ на запрос юридической инстанции.

²⁶Продолжая принятую нами метафору, можно сказать, что абстрактные ситуации, будучи и так лишены атрибутов времени, места, временной протяженности и вообще "материальности", попадая в ментальную оболочку (т.е. становясь фактами), "ничего не теряют" - потому что им нечего терять.

²⁷Точнее, он обычно не выделяется в качестве отдельного статуса. Между тем, противопоставление объектов, существующих и не существующих

ющих до момента действия, описываемого глаголом, - ср. противопоставление "внешнего" (*affectum*) и "внутреннего" (*effectum*) объекта в грамматической традиции классических языков - отражается в ряде поверхностно-синтаксических явлений разных языков, например, в возможности трансформации типа *John ruined/built the table, What John did to the table was ruin/*build it*, (см. Филлмор 1981, с.375).

Г л а в а II

КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДИКАТОВ
ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ

Основными компонентами семантической структуры ПВС мы считаем **эпистемический** (оценка подчиненной пропозиции с точки зрения ее истинности или вероятности того, что соответствующая ситуация имеет, или будет иметь, место, и **оценочный** (оценка этой ситуации по параметру "хорошо/плохо"); ср. анализ языковых единиц, обозначающих эмоции, в работах (Иорданская 1970, Wierzbicka 1972), а также анализ "интенциональных состояний" в (Searle 1983). Основными эти компоненты естественно считать потому, что в значениях, описывающих собственно внутренние состояния, **ассертивным**, т.е. **главным**, может быть только один из них¹. Эпистемическому и оценочному компонентам посвящены параграфы 1 и 2 настоящей главы. Далее рассматриваются другие понятия и противопоставления, формирующие семантическую структуру ПВС.

§ 1. Эпистемический компонент
семантики ПВС1. Знание и мнение

Эпистемический компонент семантики ПВС включает две основные категории ментальной сферы - знание и мнение. Проблема знания и мнения имеет давнюю традицию изучения в философии и логике; в последнее время она сделалась также предметом пристального внимания лингвистов (см. Russell 1940, Рассел 1957, Wittgenstein 1953, Ayer 1956, Chisholm 1966, Hintikka 1962, Vendler 1972, Borillo 1982, сборник Knowledge and Belief, Oxford, 1976; Дмитровская 1984, 1985, 1987, 1988 а, сборник "Логический анализ языка. Знание и мнение", М., 1988).

Мы исходим из того, что знание и мнение представляют собой независимые когнитивные установки, имеющие различную природу, или, другими словами, что знание не является "обоснованным правильным мнением" (justified true belief). Аргументами против сведения знания к полаганию и истине (именно такой подход принят, например, в Russell 1940, Ayer 1956, Chisholm 1966, Gettier 1987) и, соответственно, против толкований типа *X знает, что P* - 'X считает, что P & P истинно'² могут служить подробно обсуждавшиеся в литературе различия между знанием и мнением, проявляющиеся в функционировании соответствующих языковых единиц. Перечислим основные из них.

Во-первых, знание и мнение имеют различные источники: непосредственное чувственное восприятие может быть источником только знания (о воспринимаемом предмете); напротив, рассуждения, сопоставления фактов и т.д. обычно являются источниками полагания. Соответственно, вопрос об источнике знания выглядит как "Откуда ты знаешь?", а об источнике мнения - "Почему ты так думаешь?", но не наоборот. Свидетельства других людей, в зависимости от степени доверия к ним, могут давать как знание, так и полагание - или же вообще не вносить никаких изменений в концептуальный мир субъекта, кроме пополнения его пропозицией 'Такой-то считает, что P'.

Во-вторых, мнение обладает таким параметром как **степень уверенности** (при этом принципиально то, что даже самая высокая степень уверенности не равна знанию); знание, напротив, не имеет степеней. Знание может быть неполным, но неполнота знания и неполнота уверенности имеют совершенно различную природу и различные источники. Источниками неполноты знания могут быть разного рода помехи при восприятии, забывание или просто отсутствие какой-то части информации; неполнота уверенности порождается недостаточной убедительностью аргументов, неполным доверием к источнику сведений и т.п. В языке неполнота знания и неполнота уверенности последовательно различаются: первая выражается словами *кажется, вроде бы*, вторая - словами *наверное, вероятно*; с другой стороны, полнота знания может подчеркиваться словами *явно, определенно*, а уверенности - *бесспорно, несомненно, безусловно* (см. анализ этих групп вводных слов в работе Яковлева 1983).

Знание и мнение (в том числе уверенность) различаются еще в одном существенном отношении - тем, какие пропозиции могут быть объектом той и другой когнитивной установки. А именно, одни пропозиции - верифицируемые - могут быть объектом как мнения, так и знания, а другие - неверифицируемые - могут быть лишь объектом мнения.

Среди различий в синтаксическом поведении глаголов *знать* и *считать* (*думать, полагать*) отмечалась неспособность глагола *считать*, в отличие от *знать*, подчинять косвенный вопрос (**Я считаю, куда он пошел, когда он вернется, как это сделать*, - при возможности *Я знаю, куда он пошел* и т.д.) - см. Vendler 1972; более подробное обсуждение этого вопроса см. в (Падучева 1988б, Булыгина, Шмелев 1988а). Кроме того, имеется различие в способе местоименной замены подчиненной предикации: при *знать* подчиненная предикация может быть представлена местоимением *это*, а при *считать* местоимением *так*, но не наоборот (*Я это знаю*, но *Я так считаю*). Выражение *Я так и знал* - в отличие от *Я это знал* - представляет собой идиоматическое сочетание, предназначенное для выдавания мнения за знание.

Аргументом против включения смысла 'считать' в толкование *знать* может служить также то соображение, что *считать* содержит прагматический компонент (импликатуру) 'не знать': *X считает, что P* $\rightarrow$ 'X не знает, P или не P'. Действительно, человек считает что-либо, т.е. формирует суждение, мнение по некоторому вопросу только в том случае, если он не обладает знанием по этому вопросу (ср. Price 1976); соответственно, например, высказывание *Я думаю, что Петя вчера был у Маши* - если говорящий сам был вчера у Маши и видел там Петю (и, тем самым, знает, что он там был) - есть откровенная ложь (см. об этом Дмитровская 1987). Ср. также: *Так она подумала. Впрочем, она не подумала, она знала. Думают, когда не знают.* (Ю. Крелин)³.

Мы предлагаем считать понятие знания неразложимым; тогда противопоставление знания и мнения может быть представлено следующим образом. В семантический язык вводятся две независимые единицы: 'X знает, что P' и 'X считает, что P', каждая из которых является семантически элементарной. Смысл 'X знает, что P' интерпретируется как то, что пропозиция P относится к области концептуального мира субъекта, называемой "знание"; 'X считает, что P' - пропозиция P относится к области концептуального мира субъекта, называемой "мнение"⁴. Семантическая единица 'X знает, что P' обладает, кроме того, тем свойством, что ее употребление ограничено контекстом верифицируемых пропозиций.

Принципиальной особенностью предлагаемого решения является то, что таким образом вводится в рассмотрение понятие знания как внутреннего состояния субъекта, не релятивизированного к истине; если говорить о субстанциональных свойствах этого состояния, то его можно охарактеризовать как "ощущение истинности"; таким образом, "истина" оказывается подчинена предикату, связывающему субъект и пропозицию, но не является самостоятельным предикатом, связывающим пропозицию и внешний мир.

Наличие понятия знания в числе единиц семантического языка удобно по следующим причинам. Во-первых, признание того, что значение глагола *знать* в 1-м лице в контексте верифицируемых пропозиций составляет смысл 'X знает, что P', позволяет объяснить возможность употребления *я знаю* в контексте ложных пропозиций. Так, человек может сказать *Я знаю, что в этом ущелье течет ручей* в ситуации, когда ручей в момент произнесения данного высказывания уже пересох (пример из работы Malcolm 1976). Это соображение оказывается еще более значимым, если принять во внимание то обстоятельство, что пользование языком вообще говоря не предполагает верификации; тем самым понимание выражения *я знаю* как обозначающего некоторое внутреннее состояние субъекта безотносительно к реальному положению дел оказывается эффективным в гораздо более широ-

ком классе случаев. Во-вторых, предлагаемый анализ выражения *я знаю* позволяет объяснить возможность его употребления в значении высокой степени уверенности в контексте неверифицируемых пропозиций (см. ниже, п. 2). Наконец, семантическая единица 'знание' помогает сформулировать определение фактивной презумпции, наиболее адекватное языковому употреблению (см. п. 4).

2. Мнение-предположение и мнение-оценка

Как заметила М.А.Дмитровская (Дмитровская 1985а), существует два вида мнения: **мнение-предположение** и **мнение-оценка**; первое возникает в контексте верифицируемых пропозиций (*Я думаю, что Иван уехал в Киев*), второе - в контексте неверифицируемых (*Я считаю, что это хороший фильм*). Таким образом, в сфере "знание - мнение" различаются три типа установок: знание о верифицируемой пропозиции (знание), мнение о верифицируемой пропозиции (мнение-предположение) и мнение о неверифицируемой пропозиции (мнение-оценка). При этом знание и мнение-предположение составляют естественную оппозицию, встречаясь в одном и том же контексте (*Я знаю vs. думаю, что Иван уехал в Киев*); что же касается мнения-оценки, то оно не входит в оппозицию к знанию, так как эти установки дополнительно распределены относительно типа подчиненной пропозиции. Более того, мнение-оценка в некоторых отношениях сближается со знанием; ее можно назвать "субъективным знанием", поскольку она имеет для говорящего статус субъективной истины (Дмитровская 1988б, с. 14; см. там же аргументы в пользу этой точки зрения).

Свойство, сближающее мнение-оценку со знанием и противопоставляющее его мнению-предположению, состоит в том, что мнение-оценка, так же, как и знание, включает **истинностную** оценку подчиненной пропозиции, а мнение-предположение - **вероятностную**. Другими словами, говоря *Я думаю, что Иван уехал в Киев*, человек утверждает, что соответствующее событие имеет достаточно большую вероятность (см. об этом подробнее в п. 3), а говоря *Я знаю, что Иван уехал в Киев* - так же, как и *Я считаю, что это хороший фильм*, человек утверждает истинность соответствующей пропозиции⁵.

Именно поэтому для выражения мнения-оценки в языке может использоваться глагол *знать*. Имеются в виду случаи употребления глагола *знать* в 1-м лице в контексте неверифицируемых пропозиций - высказываний о будущем, оценочных и общих суждений, которые рассматриваются, в частности, в работе (Дмитровская 1984); здесь мы сделаем лишь некоторые комментарии относительно употребления глагола *знать* в контексте пропозиций, отнесенных к будущему. Например: *Я знаю, город будет, Я знаю,*

саду цвести, Когда такие люди в Стране Советской есть (Маяковский); *Знаю: гадая, и мне обрывать нежный цветок маргаритку. Должен на этой земле испытать Каждый любовную пытку* (Ахматова); ср. также следующий диалог [Алексей, от которого ушла жена, обращается к случайному соседу за столиком в кафе] - *Вернется?* - *недоверчиво переспросил Алексей, Вы так считаете?* - *Я знаю,* - *уверенно ответил сосед.* (О. Михайлов). Во всех этих случаях *я знаю* выражает мнение-оценку. На это указывает, прежде всего, наличие обоснования (что характерно для выражения мнения и невозможно при изложении знания, которое допускает лишь ссылку на источник), а также эмфатический характер этих предложений (*я знаю* несет на себе логический акцент) и невозможность их перевода в 3-е л. (за исключением несобственно-прямой речи или повествования с "внутренней точки зрения" - см. Успенский 1970). Обратим внимание, кроме того, на характерное для обсуждаемого употребления *я знаю* опущения союза *что* (ср. *Я знаю, что город будет* и т.д.).

Однако существует класс предложений с глаголом *знать* в контексте будущего времени, которые не обладают перечисленными свойствами. Речь идет о пропозициях, выражающих "запланированное будущее", ср.: *Я знаю, что здесь будет построен город - об этом писали в газетах; Я знаю, что в октябре Иван приедет в Москву; Из источников самых авторитетных он знал, что на следующий день из исполняющего обязанности он становится управляющим.* (Л.Зорин). Здесь везде глагол *знать* действительно обозначает знание - на что указывают такие признаки, как возможность ссылки на источник, возможность употребления в 3-м лице, наличие союза, а также существенный семантический сдвиг при замене *я знаю* на *уверен*: предложение *Я уверен, что здесь будет построен город* содержит оценочный смысл 'мне это важно', отсутствующий в предложении с глаголом *знать*; при аналогичной замене в случае, когда *я знаю* выражает мнение-оценку, подобного сдвига не происходит, так как здесь этот оценочный смысл уже содержится (ср. *Я уверен, город будет* и т.д.). Отметим, кроме того, невозможность употребления инфинитивной конструкции с дательным падежом субъекта, имеющей значение субъективно ощущаемой предопределенности и характерной для оформления подчиненной предикации при глаголе *знать* в значении уверенности; ср. **Из сообщения в газете я знаю, что саду цвести.*

Возможность появления знания в контексте пропозиций, выражающих "запланированное будущее", объясняется, по-видимому, тем, что здесь речь идет о событиях, составляющих часть "нормального хода вещей" (см. § 4), которые трактуются естественным языком как детерминированные положением дел в настоящем и тем самым принадлежащие действительному миру;

поэтому соответствующие пропозиции приравниваются к верифицируемым и могут быть объектом знания⁶.

Возвращаясь к вопросу о двух типах мнения, рассмотрим способы их выражения в русском языке. В работе (Дмитровская 1988б) содержится наблюдение, что глагол *думать*, в отличие от *считать*, не может обозначать мнение-оценку. Действительно, предложение *Я думаю, что этот фильм интересный* выражает не саму оценку фильма, а предположение о его возможной оценке (т.е. представляет собой частный случай мнения-предположения): *Я думаю, что фильм интересный* = '[Я фильм не смотрел, но] считаю вероятным, что, когда посмотрю, у меня возникнет мнение-оценка "Я считаю, что фильм интересный"⁷.

Однако расхождения между значениями глаголов *думать* и *считать* этим не ограничиваются. А именно, глагол *считать* нормально не употребляется для выражения мнения-предположения (т.е. когнитивной установки, противопоставленной знанию и возможной в тех же контекстах, что и знание). Ср. следующий диалог. - *Ты не знаешь, где Иван?* - [*Не знаю;*] *Я думаю, что он пошел за пивом. Но не: *считаю, что он пошел за пивом.* Употребление глагола *считать* ограничено сферой высказываний, не предполагающих верификации и выражающих мнение данного субъекта, принимаемое им за истину; поэтому, например, нельзя сказать **Я считаю, что это безобразие, но могу ошибаться.* Таким образом, оказывается, что функции глаголов *считать* и *думать* распределены между выражением двух типов мнения: *думать* выражает мнение-предположение, а *считать* - мнение-оценку. Так, например, в ситуации, когда человек договорился с другом о встрече и тот опаздывает к назначенному сроку, ожидающий может сказать *Я думаю, что он перепутал место встречи* или *Я считаю, что это просто издевательство - заставляя человека так долго ждать*; при этом замена одного глагола на другой в обоих высказываниях невозможна. Интересно, что в близком по смыслу предложении *Я считаю, что он надо мной издевается* замена *считать* на *думать* возможна, но она влечет за собой следующее изменение смысла: если предложение со *считать* означает примерно 'Я расцениваю его поведение (которому являюсь свидетелем) как издевательство', то предложение с *думать* означает следующее: 'Существует класс действий, являющихся издевательствами; я не знаю, что именно он делает, но считаю наиболее вероятным, что это одно из действий, относящихся к упомянутому классу'. Очевидно, что последнее утверждение может быть верифицировано; получив недостающую информацию, человек может сказать, в частности: *Я думал, что он надо мной издевается, но я ошибся.* То же мнение, но выраженное с помощью глагола *считать*, не может быть пересмотрено в связи с получением новой инфор-

мации (например, о причине опоздания): оно может измениться только вследствие изменения взглядов человека на мир. Ср. также следующие два предложения: *Я считаю, что он эти деньги украл* (предположение в отсутствие информации) и *Я считаю, что он эти деньги украл* (моральная оценка известных фактов).

Будучи средством введения мнения-оценки, глагол *считать* нормально употребляется в контексте неверифицируемых пропозиций. Однако поскольку реально верификация может быть произведена далеко не во всех тех случаях, когда она в принципе возможна, глагол *считать* может употребляться также и в контексте верифицируемых пропозиций - в этом случае он вводит мнение, "за неимением лучшего" принимаемое за истину. Ср.: *Я не знаю, мытый ли виноград. Думаю, что мытый, но поскольку я в этом не уверен, будем считать, что он немытый.*⁸

Подробнее о глаголах *считать* и *думать* см. Зализняк 1991(а).

3. Мнение-предположение как оценка вероятности

В нашей модели различие между двумя видами мнения отражается следующим образом: мнению-оценке соответствует смысл 'X считает, что P' (этот смысл входит, в частности, в оценочный компонент, см. § 2); мнению-предположению - смысл 'X считает, что P имеет вероятность p'. Рассмотрим его более подробно.

Мнение-предположение высказывается с той или иной степенью уверенности, тем самым оно порождает некоторую шкалу - шкалу степеней уверенности, которая может интерпретироваться как шкала вероятности. Мнение-предположение, таким образом, может рассматриваться как субъективная оценка вероятности того, что некоторое событие P имеет или будет иметь место (ср. концепцию уверенности как субъективной вероятности в фон Вригт 1986, с. 498-512, а также использование понятия шкалы вероятности в работах Ногн 1978, Forest 1983)⁹.

Следует подчеркнуть, что в семантике языковых единиц отражается "обыденное" понятие вероятности (ср. Рассел 1957, с. 375), не совпадающее с математическим. Во-первых, "обыденная", или наивно-языковая вероятность - это свойство единичного события (а не родового); во-вторых, у оценки обыденной вероятности есть субъект (в то время как математическая вероятность объективна). Этими двумя обстоятельствами определяется то существенное для функционирования соответствующих языковых единиц свойство наивно-языковой вероятности, что ненаступление события, которое расценивалось как вероятное, означает неправильность вероятностной оценки данного события, т.е. говорит о том, что уверенность была ошибочной (подобная постановка вопроса для математической вероятности бессмысленна).

Так, например, в предложении *Напрасно ты боялся, что он придет* уместно только в ситуации, когда он не пришел, содержится смысл 'я ошибался, считая его приход вероятным' (т.е. 'его приход не был вероятным') наличие которого обусловлено только лишь тем обстоятельством, что он не пришел.

Помимо глаголов мнения, обозначающих различную степень уверенности, (ср. *быть уверенным, думать, предполагать, подозревать, сомневаться*)¹⁰, представление о вероятности входит в значение различных модальных слов и выражений (таких как *должен, наверное, по-видимому, кажется, едва ли* - ср. анализ таких "эпистемических показателей" английского языка в работе Caton 1978), каждому из которых соответствует некоторый интервал на шкале вероятности. При этом, однако, языковое членение вероятностной шкалы устроено таким образом, что интервалы, охватываемые разными лексическими единицами, пересекаются и границы их размыты. По этому и для метаязыковых целей не представляется возможным использование сколько-нибудь определенных количественных оценок вероятности и вообще расчленение вероятностной шкалы на непересекающиеся интервалы. С другой стороны, существенно оказывается противопоставление смыслов 'возможно' и 'вероятно', различие между которыми состоит не в количественной оценке вероятности (соответствующие зоны на шкале имеют большую область пересечения), а в принципиальном устройстве этих смыслов. А именно, дело в том, что оценка вероятности, соответствующая смыслу 'возможно Р', занимает на шкале ту же зону, что и 'возможно не Р' (если понимать 'возможно Р' как "вероятность Р больше 0 и меньше 1"); смыслу же 'вероятно Р' соответствует некоторая зона от середины шкалы до 1 (не включая 1), очевидным образом дополнительная к зоне, соответствующей смыслу 'вероятно не Р', т.е. от 0 (не включая 0) до середины шкалы. Наличие в семантике того или иного глагола смысла 'возможно' или 'вероятно' определяет способность или неспособность этого глагола допускать "подъем отрицания", т.е. синонимию конструкций типа *Х не думает, что Р* и *Х думает, что не Р*. Так, глаголы *думать, полагать, ожидать, казаться*, содержащие смысл 'вероятно', допускают подъем отрицания, а глаголы *сомневаться, уверен*¹¹, *допускать, подозревать*, содержащие смысл 'возможно' - не допускают (см. об этом подробнее в Зализняк, Падучева 1987).

Шкала вероятности, о которой идет речь, представляет собой континуум значений от 0 до 1, но не включает этих крайних точек: смыслы 'вероятность Р равна 0' или '... равна 1' сами по себе не имеют никакого естественно-языкового аналога. Однако имеются некоторые косвенные основания для того, чтобы точку 'вероятность Р равна 1' считать соответствующей смыслу 'Х знает, что Р' (см., в частности, анализ глагола *ждать* в гл. III).

Итак, эпистемический компонент может быть представлен в толковании ПВС в виде одного из следующих смыслов: 'X знает, что P', 'X считает, что P', 'X считает, что P вероятно', 'X считает, что P возможно'¹². Эти смыслы могут размножаться за счет отрицания при P; кроме того, субъектом эпистемической оценки может быть не только субъект состояния (X), но и говорящий (Г).

4. Эпистемический компонент в презумпции ПВС

Эпистемический компонент может входить как в ассертивную, так и в презумптивную зону толкования ПВС. В ассерции он встречается только в "субъективной" форме 'X [-Субъект] знает/считает, что P'; в качестве презумптивного он может выступать также и в "объективной" форме 'Г [-Говорящий] знает/считает, что P'. Смысл 'Г знает, что P' представляет собой не что иное как **фактивную презумпцию**. (Заметим, что определение фактивной презумпции как презумпции истинности подчиненной пропозиции сталкивается с теми же проблемами, которые возникают при включении истины в толкование *знать* - а именно, с возможностью употребления фактивных глаголов в контексте ложных пропозиций и пропозиций, отнесенных к будущему). Так, глагол *знать* является фактивным: утверждения *Петя знает, что приехала Маша* и *Петя не знает, что приехала Маша* содержат смысл 'я [-говорящий] знаю, что приехала Маша'. Тот факт, что говорящий на самом деле может ошибаться, не влияет на правильность употребления глагола *знать*. С другой стороны, я не могу сказать *Петя знает, что приехала Маша*, если я знаю, что Маша не приехала, так как это противоречило бы презумпции 'Г знает, что P'.

Важным свойством смысла 'Г знает, что P', находящегося в презумпции, является то, что ему не соответствует никакого "внутреннего состояния знания", вследствие чего различие между ощущением истины и принятием в качестве истины, реализующееся в ассерции в форме противопоставления глаголов *знать* и *считать* (ср. *Я знаю, что виноград немытый* и *Я считаю, что виноград немытый*), фактически сводится на нет. Поэтому для произнесения высказывания типа *Я удивлен, что детям дали немытый виноград* достаточно просто отсутствия у говорящего препятствий к тому, чтобы принимать пропозицию 'виноград немытый' в качестве истинной. В свете сказанного становится виден параллелизм фактивной и так называемой контрфактической презумпции, иллюстрируемой обычно глаголом *вообразать*: поскольку глагол *вообразать* употребляется прежде всего в контексте неверифицируемых пропозиций (*Он воображает, что он самый умный*), то очевидно, что формирующим семантику этого глагола является

противоречие именно между двумя мнениями ('он считает, что P, а я считаю, что не P').

Все фактивные глаголы содержат, кроме фактивной презумпции, смысл 'X [-Субъект] знает, что P'¹³; при этом у одних глаголов этот смысл находится в ассерции (*знать, помнить*), у других (*рад, жаль, удивлен*) - в презумпции. Бывают, кроме того, глаголы, содержащие презумптивный компонент 'X знает, что P' (или 'X считает, что P') и не содержащие собственно фактивной презумпции 'Г знает (считает), что P' (точнее - фактивная презумпция является для них неустойчивым компонентом, см. гл. I, §2, 3). Так, в паре семантически близких предикатов *рад* и *радуется* только первый является действительно фактивным: он включает презумпцию: 'Г знает, что P' (нельзя сказать *Петя рад, что приехала Маша*, если говорящий знает, что Маша не приехала). Между тем глагол *радоваться* не содержит такой презумпции (в его значение входит лишь смысл 'X знает, что P' - высказывание *Петя радуется, что отменили уроки* может быть сделано в том числе и в случае, когда говорящий знает, что уроки не отменили; ср. (Падучева 1985, с. 70)¹⁴.

Семантический компонент 'X считает, что P возможно/вероятно', соответствующий мнению-предположению и составляющий ассерцию таких глаголов мнения, как *думать, полагать, предполагать, подозревать, сомневаться, допускать* и др., может быть также и в презумпции - например, в некоторых значениях глаголов - *бояться, надеяться и ждать* (см. гл. III).

§ 2. Оценочный компонент

Категория оценки имеет давнюю традицию изучения в философской этике и в философской логике (см., например, von Wright 1963, Мур 1984, Ивин 1970). В последние годы в связи с возросшим интересом лингвистики к прагматическим аспектам языковых явлений отражение категории оценки в языке стало предметом внимания также и лингвистов (см. Вольф 1985, Арутюнова 1985, Арутюнова 1988 с дальнейш. библиогр.). Здесь мы остановимся лишь на некоторых вопросах, наиболее существенных для семантики ПВС.

1. Оценка внутреннего состояния и его объекта

Оценка по параметру "хорошо/плохо" составляет основу значения предикатов эмоционального состояния (ср. Pitcher 1965, Иорданская 1970, Wierzbicka 1972)¹⁵ и входит в значение некоторых предикатов ментального состояния (таких как *верить, сомневаться, подозревать*).

Эмоции, как известно, бывают положительные и отрицательные; одновременно они включают положительную или отрицательную оценку объекта. При этом знак оценки самого состояния и его объекта обычно совпадают - хотя здесь возможны и более сложные соотношения. А именно, во-первых, некоторые эмоциональные состояния (такие как зависть или ревность) предполагают взаимодействие нескольких оценок с разным знаком. Во-вторых, эмоциональные состояния могут отрываться от своего объекта и иметь относительно независимое существование; в этом случае оценка "хорошо/плохо" оказывается свойством именно самого состояния, ср.: грустно ("плохо"), весело ("хорошо"). С другой стороны, собственным признаком оценки обладают некоторые ментальные состояния; так, уверенность имеет признак "хорошо" (вообще говоря, независимо от оценки ситуации-объекта), а сомнение - "плохо"; ср. устойчивые сочетания *уверенность в себе; полная, твердая, спокойная уверенность; чувство уверенности* (приятное) и т.п. и сочетания типа *его мучили сомнения; закралось сомнение; червь сомнения* и др. Наконец, состояния, вызванные положительной оценкой некоторой ситуации в будущем, могут иметь негативную окраску, обусловленную отсутствием желаемого в настоящем. В этом отношении различаются, в частности, надежда и ожидание: состояние надежды может быть только приятным, а ожидание (в том числе чего-то хорошего) может быть мучительным, тягостным и т.д.

Нас здесь будет интересовать в первую очередь оценка ситуации-объекта как составляющая семантики предиката. Оценка объекта внутреннего состояния может содержаться одновременно в двух местах: в языковом выражении, соответствующем этому актанту - например, *хорошие известия, помощь, успех* (оценка "хорошо"); *плохие известия, голод, провал* (оценка "плохо") и в семантической структуре предиката: так, в предложении *Я надеюсь на его помощь* признак положительной оценки содержится и в слове *надеяться* и в слове *помощь*. Однако значения признака оценки, содержащиеся в предикате и в объекте, могут не совпадать; в этом случае "сильнее" оказывается то значение, которое заключено в предикате (если признак оценки в нем не является неустойчивым). Так, при интерпретации, например, предложения *Боюсь, что он добьется успеха* ситуация-объект (его успех), содержащая в своем обозначении оценку "хорошо", должна быть переосмыслена как негативная - так как она оказалась в контексте глагола *бояться*, требующего приписывания объекту оценки "плохо"; ср. также следующий пример с глаголом *надеяться* (где содержится указание пути переосмысления отрицательной оценки слова *заболеть*): *Я сильно похудела и тайне надеялась, что я тяжело заболею и Люк придет рыдать у моего*

изголовья. О противоречии оценочных признаков предиката и объекта см. также (Мартынова 1983).

2. "Рациональная" и "эмоциональная" оценка

В логике в качестве оценочных значений рассматриваются только значения "хорошо" и "плохо"; что же касается естественного языка, то - как показала прежде всего А.Вежбицкая - в семантической структуре предикатов содержатся компоненты 'хотеть' и 'не хотеть' ("want" и "diswant"), и именно эти компоненты, очевидно, являются оценочными. В работах по семантике используются также и некоторые другие обозначения: 'желательно/нежелательно', 'приятно/неприятно' и др. В статье (Иорданская 1970) для описания семантики предикатных выражений эмоциональной сферы используются обе пары оценочных значений 'хорошо/плохо' и 'желательно/нежелательно', различие между которыми состоит в том, что первый признак представляет собой более объективную оценку. В работах (Апресян 1974, с. 293 и Вольф 1979, с. 277) противопоставления 'хорошо/плохо' и 'желательно/нежелательно' обозначаются как "семантически близкие" (и, тем самым, не тождественные)¹⁶.

Рассмотрим смыслы 'хотеть' и 'не хотеть'. Прежде всего требует обоснования их независимость: действительно, почему 'не хотеть Р' нельзя свести к 'хотеть не Р'? В конечном счете - потому что 'хотеть' и 'не хотеть' соответствуют разным внутренним состояниям (ср. интуитивно ощущаемое различие в парах типа *Я хочу ничего не делать* и *Я не хочу ничего делать*); кроме того, в пользу независимости обсуждаемых смыслов могут быть высказаны следующие соображения.

Во-первых, если объектом внутреннего состояния 'хотеть' является некоторая пропозиция Р, принадлежащая концептуальному миру субъекта и актуализированная в нем, то совершенно не обязательно, чтобы пропозиция не-Р тоже принадлежала концептуальному миру субъекта и, тем более, чтобы она была в нем актуализирована.

Во-вторых, правомерность рассмотрения 'хотеть' и 'не хотеть' как несводимых друг к другу смыслов подтверждается функционированием соответствующих языковых выражений. Так, выражение *Х хочет Р* имеет пресуппозицию, что Х не имеет Р (ср. Ивин 1970, с. 123 о том, что нельзя желать вещей, которые уже свершились). Если бы мы получали *Х не хочет Р* из *Х хочет не-Р*, то выражение *Х не хочет Р* имело бы пресуппозицию, что Х не имеет не-Р, что неверно. Действительно, нельзя сказать, *Я хочу жить в этом доме*, если я в нем живу (надо сказать *Я доволен, что живу в этом доме* или *Я хочу и дальше жить в этом доме*) - однако высказывание *Я не хочу жить в этом доме* может быть сделано как в случае, когда я в нем

живу, так и в том случае, когда я в нем не живу (т.е. *хотеть* и *не хотеть* имеют разные и не сводимые друг к другу пресуппозиции)¹⁷.

Наконец, аргументом против равенства *X не хочет P* и *X хочет не-P* может служить соображение, высказанное в работе (Forest 1983): если исходить из того, что предложения с отрицанием при главном (верхнем) предикате получаются при помощи трансформации "подъема отрицания", то как можно объяснить происхождение отрицания в предложении с предметным объектом типа *Je ne veux pas de viande* "Я не хочу мяса", которое очевидным образом стоит в одном ряду с предложениями типа *Je ne veux pas que tu viennes* "Я не хочу, чтобы ты приходил". См. об этом подробнее (Зализняк, Падучева 1987, Sémon 1989).

Смыслы 'хотеть' и 'не хотеть' могут быть представлены как комбинации элементарного предиката 'ощущать' (ср. семантический примитив *feel* в Wierzbicka 1972) и оценочных значений 'хорошо' и 'плохо'. Смыслы 'X ощущает: P хорошо' и 'X ощущает: P плохо'¹⁸ представляют в семантической структуре ПВС один из видов оценки - а именно, оценку, которую мы условно называем **эмоциональной**. Эмоциональная оценка, или **оценка-ощущение**, противопоставлена **рациональной**, которая представляет собой **оценочное суждение (мнение)**¹⁹ и вводится предикатом 'считать': 'X считает, что P хорошо/плохо' (ср. Вольф 1985, с.97-107).²⁰

Будучи частным случаем мнения, рациональная оценка предполагает **основание**. Таким основанием является в конечном счете мнение о наличии между какими-то ситуациями причинно-следственной связи (ср. Ивин 1970, с. 28); хорошо то, что влечет за собой хорошее, плохо то, что влечет плохое - т.е. рациональная оценка по своей природе **вторична**. Эмоциональная же оценка **непосредственна**: хорошо то, что я ощущаю как хорошее; она не предполагает основания (ср. противопоставление "добра как средства" и "добра как цели" в Мур 1985, с. 80). Поэтому рациональная оценка может быть оспорена, а эмоциональная нет. Ср.: *Ты напрасно жалеешь о том, что ты это сделал* 'Я не согласен с твоим мнением, что лучше было этого не делать', но **Ты напрасно раскаиваешься в том, что ты это сделал* (*раскаиваться*, в отличие от *сожалеть*, предполагает абсолютную отрицательную оценку своего поступка, которую нельзя отвергнуть - см. подробнее гл. III, § 4). Ср. также следующий пример, где именно неопределенность последствий некоторого поступка вызывает колебания в его оценке: *И даже выгодной ведомственной пенсии, льготной по сумме и начальным срокам, он тоже не мог получить - из-за того, что в 39-м году не решился, как звали его, надеть военную форму. Жаль, а может быть, по неустойчивой обстановке двух последних лет, и не жаль. Может быть, покой важнее* (Солженицын).

Частным случаем основания оценки является сравнение: А хорошо, потому что А лучше, чем В, т.е. рациональная оценка может быть **относительной** (сравнительной) - в отличие от эмоциональной, которая **абсолютна**: считать хорошим мы можем всего лишь меньшее из двух зол, но чтобы **ощущать**, что нечто хорошо, этого недостаточно. Одно из различий между близкими по смыслу словами *напрасно* и *жалко* состоит в том, что первое имплицитно включает сравнение (*Напрасно ты это сделал * Лучше было этого не делать* - см. подробнее гл. IV, § 3), а второе может обозначать и абсолютную оценку: *Жалко, что ты не пришел (мне хотелось с тобой увидеться)*. Абсолютную оценку включают также слова *обидно* и *досадно*; ср. *Обидно, досадно до слез и до мучения, что в жизни так поздно мы встретились с тобой* (здесь, очевидно, речь не о том, что было бы лучше, если бы встретились, а о том, что это было бы хорошо).

Еще одно существенное различие между рассматриваемыми типами оценок состоит в том, что объектом оценки вида 'X ощущает...' является **ситуация**, а оценка вида 'X считает...' - **факт**.

Для большинства предикатов внутреннего состояния эмоциональная и рациональная оценка не исключают одна другую; с этим связана и характерная для данного класса предикатов возможность совмещения в подчиненной пропозиции значений ситуации и факта (ср. Арутюнова 1989, с. 183). Некоторые предикаты содержат ограничения на характер оценки: а именно, имеются предикаты, которые не могут включать рациональную оценку, - это, например, *любить*, *хотеть* (в значении желания, но не намерения), *раскаиваться* (в значении, отличном от *сожалеть*); ср. также *чувствовать симпатию*, *испытывать отвращение* и т.п. Тестом на наличие в том или ином предикате компонента рациональной оценки может служить сочетаемость с наречием *напрасно*, которое в контексте ПВС имеет значение показателя ошибочности мнения (см. гл. IV, § 3). Заметим, что, наоборот, запретов на вхождение эмоциональной оценки обнаружить не удастся: она допустима в том числе и в предикатах ментального типа - таких как *подозревать*, *удивляться*, *надеяться*.

Некоторые внутренние состояния - такие как ожидание, волнение, удивление - не имеют фиксированного знака оценки объекта. Они, однако, предполагают другую шкалу - шкалу субъективной важности (ср. параметр "важность" в работе Иорданская 1970, понятие шкалы важности в Вольф 1989). На одном конце этой шкалы расположены наиболее важные, значимые для субъекта события, на другом - безразличные. Для субъективно безразличных событий признак оценки нерелевантен; значение оценочного признака приписывается лишь в той или иной мере субъективно важным событиям. Эта же шкала может быть названа шкалой "интенсивности": как эмо-

циональная, так и рациональная оценка может иметь различную степень интенсивности. Минимальная степень интенсивности оценки есть отсутствие оценки.

§ 3. Контроль и его место в семантической структуре ПВС

1. Понятие контроля

Термин "контроль" возник относительно недавно и был введен в лингвистический обиход в связи с построением классификации семантических типов ситуаций (см. Dik 1972, 1979, Givón 1975, Булыгина 1982). Термин "контроль" ("контролируемость") обладает существенными преимуществами по сравнению с близкими терминами "агентивность", "активность" и "намеренность" (см. Алисова 1971, 1974; Апресян 1974, с. 176; Лайонз 1978, с. 347; Gruse 1973, Чейф 1975, с. 119 и др.). Во-первых, если агентивность или активность есть свойство субъекта, а намеренность - свойство действия, то контролируемость представляет собой свойство ситуации в целом и тем самым может служить классификационным основанием - а именно, ситуации (положения вещей) делятся на контролируемые и неконтролируемые. (Заметим, что ненамеренными могут быть лишь действия, причем такие, субъект которых способен совершать также и намеренные действия). При этом контролируемость/неконтролируемость ситуации, будучи частью семантики предложения, может определяться не только семантикой глагола, но также и другими компонентами предложения (например, наречиями типа *нарочно/нечаянно*) или выводиться из более широкого контекста. Во-вторых, контролируемость есть свойство ситуации, определяемое относительно некоторого субъекта: одна и та же ситуация может быть контролируемой для одного субъекта и неконтролируемой для другого (ср. *Я боюсь его прихода*, где ситуация 'его приход' является контролируемой для субъекта подчиненной пропозиции и неконтролируемой для субъекта пропозициональной установки).

Для того, чтобы сформулировать определение контроля, необходимо сделать ряд предварительных разграничений.

Одним из наиболее важных понятий, связанных с контролем, является понятие **намерения**. Более того, в определениях намерение и контроль часто оказываются связанными порочным кругом: намерение совершить Р включает представление субъекта о возможности совершить Р и тем самым, - о том, что Р контролируемо (см. обсуждение этой проблемы в Шатуновский 1989). Наоборот, в определение контролируемого действия всегда так или иначе

входит понятие намерения. Выход из этого порочного круга видится нам в том, чтобы разделить представление субъекта (намерения и действия) о контролируемости P , которое предшествует осуществлению действия и входит в намерение²¹ - и "реальную" контролируемость P , которая определяется постфактум.

Мы исходим из того, что намерение X -а относительно P есть внутреннее состояние X -а, которое включает объект - образ ситуации P ²², представление о том, как достичь (или осуществить) P ²³ и представление о том, что он может достичь P . Само внутреннее состояние намерения этими тремя обстоятельствами, однако, не исчерпывается: здесь остается некоторый неанализируемый остаток, который мы будем считать семантически элементарным. Итак, понятие намерения может быть следующим образом частично эксплицировано: *X намерен P* - 'X думает: "Я сделаю P"; [в презумпции: X думает: "Я могу сделать P"]]. Выполнение намерения есть, в простом случае (т.е. в случае элементарного действия), отдавание приказа частям своего тела, которые приходят в движение, благодаря чему, если не возникает неожиданных препятствий, достигается желаемый результат (ср. van Dijk 1977). Итак, нормальная схема действия: намерение --> движение --> результат (ср. фон Вригт 1986, с. 124-125). Поэтому "действие" и "намеренное действие" - это практически одно и то же; ср. определение действия в (Wierzbicka 1980, с. 163): *X делает что-то* = 'части тела X -а двигаются, потому что он этого хочет' (смысл 'хочет' соответствует здесь намерению). Исключения составляют разного рода "машинальные" действия, где вместо намерения в функции инициатора движения выступает некоторая внутренняя программа (стереотип), реализация которой не требует непосредственного участия сознания (именно так человек осуществляет большинство несложных, но привычных, часто совершаемых действий). В нашем понимании такие действия не являются намеренными.

Сформулируем теперь определение контроля. Про человека X можно сказать, что он контролирует ситуацию P (или что ситуация P является контролируемой для X -а) если X является в P субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием²⁴. (Выражение "рассматривается как" указывает на то, что контролируемость определяется на уровне концептов, а не денотатов ситуаций - см. об этом ниже).

Соответственно, различаются следующие типы неконтролируемых ситуаций: 1. X вообще не является участником P . 2. X является участником P , но не контролирует P . Здесь различаются три случая: а) в принципе не кон-

тролируемые ситуации (отсутствие намеренного действия): *Он вздрогнул*; б) ситуации, где объект намерения не совпадает с результатом - ср. *Я нечаянно надел чужую шляпу*, где неконтролируемость результата обусловлена несопадением намерения (надеть свою шляпу) и результата. Этот тип неконтролируемости может быть описан также как несопадение представления субъекта о совершаемом действии с реально совершаемым действием²⁵ (обратим внимание на то, что здесь имеется субъект намеренного действия, который, однако, не контролирует ситуацию); в) результат намеренного действия X-а не рассматривается как однозначно определяемый этим намеренным действием: *Он выиграл*.

2. Контролируемость в жизни и в языке

Контролируемость принадлежит к числу семантических, или скрытых, категорий (по Филлмор 1981), т.е. представляет собой некоторое содержательное противопоставление, которое может выражаться или не выражаться. Это значит, что относительно произвольного предложения неправомерно задавать вопрос, обозначает оно контролируемую или неконтролируемую ситуацию - так как соответствующий смысл может просто отсутствовать в семантическом представлении предложения (так, например, в предложении *Он прошел мимо меня*, очевидно, вообще не содержится информации о том, сделал он это намеренно или нет).

Далее, говоря о контролируемости, следует различать уровень денотатов и уровень концептов. Дело в том, что контролируемость как свойство ситуаций в мире есть понятие градуальное: как внешние по отношению к человеку ситуации, так и те, в которых он принимает участие, могут контролироваться человеком в различной степени. Так, даже если ограничиться ситуациями с личным субъектом, то здесь могут быть обозначены "полюса" - т.е., с одной стороны, контролируемые действия типа закрывания двери или покупки хлеба и, с другой стороны, неконтролируемые события типа попадания в аварию - между которыми располагается весь спектр промежуточных случаев.

К контролируемому "полюсу" примыкают ситуации типа поступления в институт или попадания в мишень, т.е. такие, которые требуют от субъекта приложения усилий, но тем не менее не определяются ими однозначно, - в том смысле, что результат здесь всегда отделен от предшествующего процесса некоторой "вероятностной преградой": он либо наступает, либо нет (таких действий, на самом деле, подавляющее большинство). В работе (Шатуновский 1989, с. 182) подобные ситуации называются "частично контролируемые" и определяются следующим образом: 'Иногда, когда субъект выбирает P, то P' - в отличие от полностью контролируемых ситуаций, определя-

емых как 'Всегда, когда субъект выбирает P, то P'²⁶. К неконтролируемому "полюсу" примыкают ситуации типа опоздания или простуды, которые нормально происходят помимо нашей воли, однако могут быть предотвращены путем принятия определенных мер, т.е. совершения контролируемых действий (см. об этом §4).

Однако, если исходить из предложенного понимания контроля, то оказывается, что в жизни действительно контролируемых ситуаций, т.е. таких, осуществление которых полностью определялось бы субъектом, вообще нет: любое, даже самое простое действие типа зажигания спички может наткнуться на неожиданное препятствие (ср. Рассел 1957, с. 351); различие здесь может быть лишь в вероятности возникновения помех (естественно, она возрастает с увеличением сложности действия)²⁷. Наоборот, действительно неконтролируемые ситуации в жизни есть.

Рассмотрим теперь уровень концептов, т.е. значение языковых выражений, соотносимых с ситуациями. Здесь контролируемость предстает как дискретное противопоставление двух значений "+контроль" и "-контроль". Установление же соответствия между градуальным противопоставлением в жизни и дискретным в языке становится возможно благодаря тому, что некоторой величиной вероятности возникновения помех (некоторой долей неопределенности результата) язык просто пренебрегает, разбивая, тем самым, обсуждаемую шкалу на две части - ситуации, рассматриваемые как полностью определяемые намерением субъекта (имеющие признак "+контроль") и ситуации, рассматриваемые как не полностью определяемые намерением субъекта или вообще не определяемые им ("-контроль"). Заметим, что это разбиение носит в значительной мере чисто языковой (т.е. конвенциональный) характер. Так, наряду с выражениями, *поднять руку, зажечь спичку, сходить за хлебом, переплыть реку* и т.п. признак "+контроль" имеет выражение *поступить в институт* - в отличие от *попасть в мишень*, где содержится признак "-контроль". Ср. *попасть в институт* ("-контроль") - хотя речь может идти об одном и том же событии. Т.е. одна и та же ситуация, занимающая некоторое промежуточное положение на шкале контролируемости, на уровне концептов может рассматриваться как контролируемая и неконтролируемая.

Асимметрия двух полюсов шкалы контролируемости "в жизни" отражается в языке следующим образом. Признак "+контроль" - всегда **неустойчивый**, т.е. он может подавляться контекстом: любое выражение, описывающее контролируемую ситуацию, может быть употреблено в том числе и в предложении, описывающем неконтролируемую ситуацию (чаще всего это происходит за счет обнаружения некоторых новых, неизвестных ранее аспектов ситуации - ср. пример Ю.Д. Апресяна *Он случайно решал ту же самую*

задачу, что и мы). Что же касается признака "-контроль", то у одних глаголов он может быть точно так же безболезненно устранен (таких как *опоздать*), у других же он является неустранимым. Наличие в глаголе неустойчивого признака "+контроль" или "-контроль" отражает устройство нормативной картины мира, согласно которой одни действия нормально являются контролируемыми, другие - нормально нет (например, для ситуации опоздания нормальным является, что это происходит помимо воли субъекта). Полноценный же признак "-контроль" имеют, с одной стороны, глаголы, обозначающие ситуации, неконтролируемые "в жизни" (*вздрызнуть, очнуться*); с другой стороны - глаголы и предикатные выражения, у которых неконтролируемость (представление о доле случайности в наступлении результата) составляет неотъемлемую часть их значения, т.е. концепта ситуации (*попасть, выиграть, очутиться*). Многие выражения такого рода вообще не имеют отчетливого денотата, так как они описывают не дескриптивные признаки ситуации, а лишь ее оценочную интерпретацию (т.е. содержат "косвенную номинацию ситуации" - см. Зализняк 1991а); ср.: *сказать глупость, совершить бестактность, попасть впросак, остаться в дураках* и т.п.

Рассмотрим теперь некоторые контексты, реагирующие на признак "контроль". Наиболее характерными контекстами такого рода (которые могут использоваться в качестве тестов) являются: подчиняющий глагол *бояться* в конструкции с инфинитивом, который имеет разное значение в сочетании с глаголом, обозначающим контролируемую и неконтролируемую ситуацию (ср. *Боюсь туда идти 'испытываю страх'* и *Боюсь ошибиться 'считаю вероятным'* - см. Зализняк 1983); подчиняющий глагол *мочь* (*Он может поднять 100 кг 'он в состоянии'* и *Он может промахнуться 'это возможно'* - см. Апресян 1978, с. 137, Зализняк, Падучева 1989); придаточное с *чтобы*, которое в контексте глагола, обозначающего неконтролируемую ситуацию, либо невозможно, либо имеет нецелевое значение (значение "антицели", см. Булыгина 1982, с. 69).

Контекст наречий *нарочно, намеренно, случайно* и т.п. менее показателен. Наречия типа *случайно* сочетаются с глаголами, имеющими признак "+контроль" и не охарактеризованными по признаку "контроль"²⁸ (*случайно решил задачу; случайно ударил*), но также и с некоторыми глаголами, имеющими признак "-контроль": *случайно сюда попал, оказался в Москве, выиграл* и т.п. ср. также *случайно знаю (-узнал), случайно помню*, где механизм взаимодействия иной). Наречие *нарочно*, действительно, обычно не сочетается с признаком "-контроль" - хотя здесь есть исключения;²⁹ в контексте признака "+контроль" наречие *нарочно* возможно, и оно обозначает дальнейшую цель (см. Петрова 1983).

Говоря о влиянии признака "контроль" на сочетаемость, необходимо отличать собственно контролируемость от очень близкого, но независимого смысла - 'приложение усилий', который может присутствовать в семантике глагола в форме 'достижение Р невозможно без усилий со стороны Х-а'; 'усилия Х-а могут способствовать наступлению Р': 'усилия Х-а могут способствовать ненаступлению Р'. (При этом признак 'приложение усилий' может совмещаться с признаком "-контроль")³⁰. Как справедливо отмечается в работе (Булыгина 1982, с. 75), конструкция с отрицательным императивом сов. вида (*Не поскользнься*) недопустима для глаголов, обозначающих контролируемые ситуации (**Не плюнь в колодец*), однако и среди неконтролируемых глаголов она тоже возможна не всегда - а именно, она требует "презюмции возможности предотвращения действия" (т.е. наличия в семантике глагола смысла 'усилия Х-а могут способствовать ненаступлению Р' - ср. *Не забудь* и **Не вспомни*). На смысл 'приложение усилий' - в той или иной форме - реагируют также и другие контексты (например, *Царица хохотать*, *Мне не работается* и др.).

Интересным в данном отношении является контекст слова *удалось*. Выражение *Х-у удалось Р* имеет две презюмции: 1) 'Х прилагал усилия для осуществления Р'; 2) 'наступление Р не полностью определяется усилиями Х-а'. Поэтому *удалось* сочетается, с одной стороны, с глаголами, обозначающими нормально контролируемые действия, т.е. имеющими неустойчивый признак "+контроль", который может подавляться контекстом: именно это происходит в сочетаниях типа *Мне удалось сходить за хлебом, закрыть дверь, поднять руку*, где смысл, соответствующий 2-й презюмции (т.е. неконтролируемость) "наводится" контекстом слова *удалось*. С другой стороны, *удалось* сочетается с глаголами, имеющими (устойчивый или неустойчивый) признак "-контроль", но одновременно включающими смысл 'приложение усилий' (хотя бы в форме 'усилия Х-а могут способствовать наступлению Р'). Этот смысл, в отличие от неконтролируемости, не может быть привнесен в значение лексемы, если он там отсутствует: поэтому можно сказать *Мне удалось проснуться* и нельзя **Мне удалось очнуться; Мне удалось попасть на Иссык-куль* и **Мне удалось очутиться на Иссык-куле*.

Противопоставление по контролю может выражаться в русском языке глагольным видом (о связи контролируемости с видом см. Булыгина 1980, с. 82, Зализняк 1983, Апресян 1978, с. 137). Эту зависимость можно сформулировать следующим образом. Если противопоставление по виду у данного глагола в принципе может выражать различие по контролю, то контролируемая ситуаций может быть описана формой как несов., так и сов. вида (хотя первое предпочтительнее), а неконтролируемая - только формой сов. вида.

Так, можно сказать *Я боюсь у него об этом спрашивать/спросить* (подчиненная предикация описывает контролируруемую ситуацию), но *Я боюсь разбить/*разбивать чашку* (подчиненная предикация, описывающая неконтролируемую ситуацию, не может быть оформлена глаголом в сов. виде). Другой пример: предложение *Я сегодня встретился с Машей* может описывать как намеченную заранее, так и случайную встречу, но *Я сегодня встречался с Машей* - только намеренную.³¹

В семантическом описании ПВС признак "контроль" используется дважды. Во-первых, он характеризует тип ситуации, описываемой самим предикатом внутреннего состояния. Неконтролируемость внутренних состояний определяет многие семантико-синтаксические свойства ПВС, объединяющие их с другими типами предикатов, обозначающих неконтролируемые ситуации - такие как несочетаемость с обстоятельством цели, с определенными классами наречий, специфика значений императива и др.; см. Miller 1970; Алисова 1971, 1978, Dik 1972, Булыгина 1982, Селиверстова 1982, Петрова 1983.

Во-вторых, признак "контроль" характеризует тип ситуации, вызывающей то или иное состояние (т.е. ситуации, описываемой подчиненной предикацией). Связь между контролируемостью ситуации-объекта и семантикой подчиняющего глагола определяется, прежде всего, тем обстоятельством, что оценка вероятности в буквальном смысле применима только к неконтролируемым ситуациям. Поэтому, если в значении глагола оценка вероятности является основным компонентом (например, в *надеяться* или в "ментальном" значении *бояться*), то в этом значении обязательно содержится требование неконтролируемости ситуации-объекта. Т.е. контролируемость/неконтролируемость ситуации, обозначенной подчиненной предикацией, играет роль при разграничении значений внутри одной предикатной лексемы, а также при описании сходств и различий между значениями разных лексем (см. гл. III).

§ 4. Причинные цепи и линии развития событий

1. Причины и причинные цепи

Описание семантики ПВС во многих случаях требует обращения к понятию **причины**. Причинное высказывание "Р вызвало Q" может трактоваться как конъюнкция двух утверждений: 1) следование одного события за другим во времени и 2) наличие соответствующего общего закона; т.е. высказывание "Р вызвало Q" интерпретируется так: (Р, и вслед за ним Q) &

(всегда вслед за p идет q), где P и Q - конкретно-референтные выражения, обозначающие события, которые имели место в какие-то моменты времени, а p и q - нереферентные выражения, описывающие соответствующие классы событий (см. Davidson 1967, Frege 1977, Разлогова 19886).

Отношение 'Р - причина Q' следует отличать от отношения 'Р - основание для того, чтобы считать, что Q'. Соответственно, следует различать **каузирующую** причину (т.е. собственно причину) и **причину-основание**. Каузирующая причина - это двухаргументный предикат (с двумя пропозициональными аргументами); причина-основание - это трехаргументный предикат: 'для X-а Р является достаточным условием для того, чтобы считать, что Q'. Так, англ. *cause* обозначает каузирующую причину, а *reason* - основание для заключения. Однако бывает и так, что языковые средства, служащие для выражения каузирующей причины и причины-основания, совпадают. Например, в обоих значениях употребляется в русском языке союз *потому что*: ср. *Она плакала, потому что она была расстроена* (каузирующая причина) и *Она была расстроена, потому что она плакала* (причина-основание)³². При этом, как отмечает Н.Д.Арутюнова, в первом случае имеет место прямая связь между двумя событиями действительности, во втором - между наблюдаемой данностью и суждением (Арутюнова 1989, с. 11). Другими словами, для каузирующей причины аргументами причинного отношения являются события (ситуации), в случае же причины-основания причинное отношение связывает событие и суждение о событии. В семантике ПВС фигурируют причины и того и другого типа.

Другой важный аспект семантики причинного высказывания, отмечавшийся логиками, состоит в том, что всякое событие реально является результатом действия **сложной совокупности многих причин**. Как пишет Б.Рассел (1957, с. 351), "Все законы, имеющие форму <<А причинно обуславливает В>>, подвержены исключениям, так как всегда может произойти нечто, что может помешать наступлению ожидаемого результата: если вы чиркаете спичкой о спичечную коробку, то спичка обычно загорается, но этого может не произойти, если спичка отсыревшая, если она сломалась во время чирканья или если вы чиркнули недостаточно сильно". Предложение *Поскольку летом не было дождей, почва высохла* (пример из van Dijk 1977, с. 68) утверждает отсутствие дождей в качестве причины высыхания почвы: однако эта причина сама по себе недостаточна: почва могла и не высохнуть, если бы были проведены ирригационные работы. Различается поэтому два типа причин - **полные, или необходимые причины, и неполные, или частичные**. Если Р - полная причина Q, то когда наступает Р, то обязательно, т.е. необходимым образом, наступает и Q. Понятию частичной причины может быть дано следующее определение (см. Ивин 1970): если Р есть

частичная причина Q , то существует такое R , что $P \& R$ есть полная причина Q ; при этом само R не является полной причиной Q , т.е. $R \& \neg P$ не является достаточным условием для наступления Q . Иначе говоря, полная причина при любых условиях вызывает свое следствие, а частичная причина лишь способствует наступлению своего следствия, которое действительно наступает лишь в том случае, если частичная причина действует в совокупности с определенными дополнительными условиями. Об отношении частичной причинности см. также (Fitch 1963).

Понятие причины, которое используется в обиходе и отражается в языке, - это, конечно, частичная причина. Из большого числа факторов, которые, вместе взятые, привели к некоторому событию, человек выбирает, под влиянием достаточно сложных прагматических соображений, какую-то часть или даже какой-то один, который он называет причиной этого события.

События (и, вообще, ситуации), вызывающие одно другое, могут быть выстроены в причинную цепь, в которой каждое данное событие (или ситуация) является частичной причиной следующего (ср. понятие "последовательность причинно связанных событий" в Wierzbicka 1969с, с. 75; см. также van Dijk 1977, с. 71, Рассел 1957, с. 262).

Поскольку речь идет об отношениях частичной причинности, наступление каждого следующего события носит вероятностный характер. Результирующая вероятность, связывающая начальное и конечное звено причинной цепи, получается перемножением вероятностей каждого шага и должна быть не ниже некоторого порога (ср. комический эффект рассуждений глупой Эльзы)³³. При анализе семантики ПВС понятие причинной цепи возникает в нескольких местах. Так, "рациональная" оценка (т.е. оценка вида 'X считает, что P хорошо/плохо') предполагает основание, каковым может служить конечное звено такой причинной цепи. Например, в высказывании *Ты об этом пожалеешь* утверждается, что событие, соответствующее пропозициональному актанту при глаголе *жалеть*, входит в некоторую причинную цепь, конечным звеном которой является ситуация 'тебе плохо' и тем самым событие, само по себе нейтральное, тоже приобретает оценку "плохо" (см. об этом подробнее в гл. III, §1). §1).

Кроме того, понятие причинной цепи позволяет объяснить появление в составе некоторых значений ПВС имплицативного акционального компонента. Так, предложение вида "X V P" (где V - ПВС, а P - ситуация, соответствующая его пропозициональному объекту) может приобретать импликацию 'X не делает R', если P и R входят в следующую причинную цепь: $R \rightarrow P \rightarrow$ 'X-у плохо', причем P неконтролируемо для X-а, а R - контролируемо (т.е. если событие P является возможным и при этом нежелательным следствием поступка R). Например, *Побоялся отказа* имеет импликацию 'не

попросил'; здесь R - просьба, P - отказ; R $\rightarrow$ P, потому что отказ рассматривается как возможное следствие просьбы.

Понятие причинной цепи применимо также и за пределами сферы ПВС. Так, например, глагол *ругать* <за что-то>, вообще говоря, предполагает, что соответствующее действие является контролируемым для его субъекта: нельзя ругать человека за событие или состояние, за которое он не несет ответственности, которое наступило не вследствие его намерения. Однако соответствующую семантическую валентность слова *ругать* может заполнять и имя неконтролируемой ситуации, если эта ситуация входит в причинную цепь, одним из предшествующих звеньев которой является ситуация, контролируемая для того же субъекта (ср. Шатуновский 1989, с. 159). Так, можно ругать человека за то, что он простудился, имея в виду, что он недостаточно тепло одевался, или купался в холодной воде, или совершал другие контролируемые действия, которые в ходе реализации одной из возможных линий развития событий, образующих причинную цепь, приводят к простуде.

2. Понятие "нормального хода вещей"

В семантику предикатов внутреннего состояния входит представление о будущем, которое может быть описано следующим образом. Из точки настоящего момента исходит множество **линий развития событий** (ср. понятие "course of events" в van Dijk 1977, с. 69), т.е. последовательно сменяющихся состояний мира, или возможных миров. Все они являются **реально возможными** линиями развития событий - в том смысле, что, поскольку ни одна из этих линий еще не осуществилась, любая из них еще "может" осуществиться (в естественно-языковом смысле "может", отличном от "мог бы"; заметим, что в слове "возможный" применительно к линии развития событий, так же как и в сочетании "возможный мир" эти два смысла не различаются); см. об этом подробнее в Зализняк 1988а.

Реально возможные (или будущие) линии развития событий различаются количественной оценкой вероятности, даваемой им субъектом пропозициональной установки: одни расцениваются как более вероятные, другие - менее, третьи - как "невозможные" (в естественно-языковом смысле, т.е. как имеющие пренебрежимо малую вероятность). Кроме того, среди этих линий может оказаться одна выделенная - такая, которой не просто приписывается существенно бóльшая по сравнению со всеми остальными вероятность, но обладающая еще и тем свойством, что она мыслится как осуществление **нормального хода вещей** (ср. понятие "нормальный ход событий" в Санников 1989, с. 156-165). Представление о нормальном ходе вещей принадлежит исключительно языковой модели мира и состоит в том, что наступление входя-

щих сюда событий рассматривается просто как функция от времени (т. е. вообще не включает параметра вероятности). Поэтому в тех случаях, когда временная отнесенность события оказывается вне фокуса внимания, события, принадлежащие нормальному ходу вещей, могут приравняться к уже осуществившимся.

Поэтому, в частности, будущие события могут наравне с прошлыми быть объектом знания и составлять презумпцию фактивного предиката (ср. *Я знаю, что он приехал/приедет; Я рад, что он приехал/приедет*); ср. также употребление настоящего времени в значении "запланированного будущего": *Я рад, что он приезжает*.

Представление о нормальном ходе вещей регулирует языковое употребление обозначений действий (а именно, отнесение действия к разряду контролируемых или неконтролируемых), так как исход любого действия реально всегда отделен от намерения некоторой вероятностной гранью - любое, даже самое простое действие может наткнуться на неожиданное препятствие (см. приведенное выше рассуждение Рассела). Именно представление о нормальном ходе вещей, в которое входит, например, то обстоятельство, что спичка при чирканьи загорается, позволяет нам отнести действие зажигания спички к числу контролируемых (точнее, соответствующий концепт - к числу концептов контролируемых действий) и тем самым вывести рассуждения о всех мыслимых непредвиденных помехах для совершения действия за пределы лингвистики.

Примечания

¹ Есть основания полагать, что смыслы "вероятность" и "оценка" являются фундаментальными составляющими для гораздо более широкого класса когнитивных структур - ср., например, описание механизма выбора, включающего "перемножение" вероятностей и значимостей разных альтернативных линий развития событий, в (Фоллесдаль 1986) и, с другой стороны, предложенное в (Баранов, Кобозева 1983) правило построения общих вопросов, согласно которому выбор между утвердительной и отрицательной формой определяется тем, какая из альтернатив представляется либо более вероятной, либо более желательной.

² Как известно, русское *считать* (так же, как и *мнение, убеждение*), очень неточно соответствует английскому *believe (belief)*. Наиболее существенное отличие состоит в том, что если человек *знает, что P*, то он не может одновременно *считать*, что *P*, но может одновременно "*believe*", что

P; именно это обстоятельство обеспечивает возможность подобного разложения для английского know (ср. Vendler 1972, с. 90).

³Против толкования *знать* через *считать* высказывается, в частности, А.Вежбицкая (Wierzbicka 1969a); однако предлагаемое ею толкование *знать* – 'мочь сказать истину', хотя и схватывает некоторые характерные особенности употребления глагола *знать* (ср. *Не могу сказать* * *Не знаю*), обладает все же существенным недостатком, а именно, в нем теряется тот элемент смысла, что оценка подчиненной пропозиции как истинной принадлежит – в *знать* в отличие от *мочь сказать истину* – в том числе и субъекту пропозициональной установки. В самом деле, если человек произносит некоторое предложение, выражающее истинную пропозицию P, но при этом сам "не знает, что она истинна", т.е., с его точки зрения, высказывает предположение или догадку, то, очевидно, про этого человека нельзя сказать, что он *знает, что P*.

⁴Ср. подход к предикатам знания – мнения и других пропозициональных установок в семантике возможных миров (в частности, в работах Я.Хинтикки, см. Hintikka 1962 и др.), где, например *X считает, что P* определяется как 'P принадлежит миру мнений субъекта X' (т.е. множеству пропозиций, составляющих этот мир); о понятии концептуального мира субъекта см. (Павиленис 1983).

⁵Ср. определение мнения в (Вендлер 1987, с. 306): *X считает, что P* – "X принимает интеллектуальное представление 'P' в качестве истинного", а также схему значения глаголов *знать, думать, считать, полагать, верить* в (Шатуновский 1988): 'Субъект имеет в уме [P истинно]'.
⁶Показательно, что в значении запланированного будущего возможно, и даже предпочтительно, употребление наст. времени; *Я знаю, что в октябре Иван приезжает в Москву; он знал, что... он становится управляющим.*

⁷Косвенным подтверждением связи глагола *считать* с мнением-оценкой может служить также наличие у него синтаксических моделей, предназначенных для выражения оценки. Ср.: *считать поэзию за вздор; он считается хорошим специалистом; сдерживать себя он не считал нужным; счесть своим долгом; гости сочли за лучшее заночевать здесь; счесть за счастье, за честь*. Ср., с другой стороны, употребления глагола *считать*, в которых на первый план выступает функция установления аналога истины; ср.: *В Кузовках уже с весны считали Панкратова и Марию мужем и женой* (Тендряков); *Это не считается; Прошу считать меня вернувшимся из отпуска и приступившим к работе; Считай, что я этого не говорил* и т.п.

⁸Описанное ограничение на употребление глагола *считать* не действует в 3-м лице, ср.: *Я думаю/ *считаю, что он пошел в библиотеку* и

Его жена *думает/считает*, что он пошел в библиотеку (т.е. в 3-м лице глагол *считать* может выражать оба типа мнения).

⁹Оценке вероятности подлежат те пропозиции, которые не входят в область концептуального мира "знание", и при этом только те из них, которые являются верифицируемыми в настоящий момент или станут таковыми в какой-то момент в будущем. Другими словами, оценка вероятности применяется в равной мере к событиям в прошлом (которые либо произошли либо не произошли, но субъект не обладает знанием по этому вопросу) и к событиям, приуроченным к какому-то моменту в будущем (за исключением "запланированного будущего").

¹⁰Так, слово *уверен* содержит более высокую оценку вероятности, чем *надеяться*. Ср. следующий пример: *Каждый уверен или по крайней мере надеется, что телефон его прослушивается, иначе вы - не личность. Но каждый надеется или даже уверен, что органы понимают: он человек не опасный* (Л. Бородин).

¹¹*X сомневается, что P* ≠ 'X считает, что возможно не P', *X уверен, что P* ≠ 'X считает, что невозможно не P'.

¹²Здесь мы пренебрегаем различием в актуальном членении между формами 'возможно P' и 'P возможно', которое в полном толковании, безусловно, должно учитываться.

¹³Исключение составляет глагол *забыть* и другие глаголы, содержащиеся в ассерции, наоборот, смысл 'X не знает, что P'.

¹⁴Предложенный анализ, как представляется, вносит некоторую ясность в проблему фактивности эмотивных глаголов; так, по-видимому, тем же свойством, что и *радоваться*, обладают английские глаголы *resent* и *regret* - см. обсуждение примеров типа *Bella resents that the present famine in Southern California was allowed to develop, but there is no famine* в статье (Shrage 1981).

¹⁵Подобная трактовка предикатов эмоционального состояния согласуется с распространенным (хотя и не общепринятым) в психологии взглядом, что эмоции возникают на основании того или иного мнения об объекте (см. Prior 1949, с. 79; Solomon 1977, De Sousa 1980, Robinson 1983, Greenspan 1984, Gordon 1974).

¹⁶Ср. (Мур 1984, с. 63) о том, что "добро" нельзя определить как "то, что желаемо".

¹⁷Анализ предикатов желания см. также в работах (Trub 1983, Шатуновский 1989).

¹⁸Отсутствие союза *что* здесь отражает принципиальным образом нементальный характер предиката 'ощущать' (о связи союза *что* с наличием ментального компонента в значении глагола см. гл. I §3.3).

¹⁹ Оценочное суждение (мнение) является частным случаем **мнения-оценки** (см. §1.2) - постольку поскольку ценностное суждение является частным случаем неверифицируемого.

²⁰ Оценка-ощущение иначе называется сенсорной, или гедонистической; к оценочным суждениям относятся оценки разных типов - моральные, эстетические, прагматические и др. (см. Арутюнова 1984).

²¹ Для того, чтобы у субъекта возникло намерение совершить Р, совершенно не обязательно, чтобы его представление о возможности это сделать соответствовало действительности.

²² Ср. понятия "объект интенции" в фон Вригт 1986.

²³ Ср. фон Вригт 1986, с. 134: "...агент полагает, что он знает, каким образом можно реализовать объект своей интенции".

²⁴ Для процессов и состояний - должны быть контролируемы действия, необходимые для их поддержания.

²⁵ О проблеме "тождества действия" см. (Davidson 1966, с. 85-86, где разбирается случай, как человек убил директора банка, думая, что он убивает грабителя; ср. также пример из работы (Петрова 1983, с. 177) *Он нечаянно убил его*, имеющий понимание 'хотел лишь наказать, а нечаянно убил'; о действиях, неконтролируемых в силу того, что они совершаются "по неведению" см. также (Аристотель 1984, с. 98).

²⁶ Ситуации могут быть "частично контролируемыми" и в другом смысле: если контролируемой является лишь одна (начальная или конечная) фаза процесса; таковы, например, ситуации прыжка или смеха (см. Плунгян, Рахилина 1988).

²⁷ Ср. обсуждение вопроса о контролируемости ситуаций интерперсональной каузации в (Givón 1975).

²⁸ Имеются в виду глаголы, которые могут обозначать как контролируемые, так и неконтролируемые ситуации - ср. *Маруся отравилась*, а также примеры типа *Джон прострелил себе руку* из (Апресян 1974, с.177) и (Лайонз 1978, с.377).

²⁹ О сочетаниях типа *нарочно промахнуться* см. гл. I, §2.3.

³⁰ Однако для процессов, в отличие от действий, контролируемость и приложение усилий - это практически одно и то же (ср. Булыгина 1982, с.81).

³¹ Ср. неоднозначность первой реплики следующего диалога (разрешаемую в пользу контролируемого понимания во второй) - *Но... у меня, может быть, в Москве есть женщина, и я могу ее встретить - Ты должен ее встретить и объяснить все* (Л.Бородин).

³² Можно считать, что предложения, содержащие причину-основание, включают имплицитный предикат мнения: *Из того, что она плакала, я заключаю, что она была расстроена* (ср. Разлогова 1988а).

³³ Другим примером пародийной причинной цепи может служить ситуация, описанная в английской балладе "Гвоздь и подкова": *Не было гвоздя - Подкова пропала, Не было подковы - Лошадь захромала. Лошадь захромала - Командир убит. Конница разбита, Армия бежит* и т.д. (пер. С. Маршака).

Г л а в а III

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРЕДИКАТОВ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной главе предлагается описание предикатов внутреннего состояния, сделанное на основе изложенных принципов. Рассматриваются предикатные выражения со значением 'бояться', 'надеяться', 'сожалеть', 'подозревать'. Выбранные глаголы представляют особый интерес в том отношении, что они находятся в "промежуточной области" между чисто эмоциональными и чисто ментальными состояниями - они включают, в различном соотношении, элементы того и другого. Предикаты со значением 'бояться' и 'надеяться' описывают основные эмоции, издавна привлекавшие внимание как философов, так и лингвистов¹. Глаголы со значением 'ждать' представляют интерес, во-первых, с точки зрения соотношения смысла 'ждать' с близким смыслом 'надеяться', во-вторых, как пример глаголов, которые в одном значении описывают эмоциональное состояние, в другом - ментальное, а в остальных вообще не относятся к числу ПВС, т.е. лишь включают компонент внутреннего состояния. 'Сожалеть' и 'подозревать' занимают "крайние точки" рассматриваемой "промежуточной области": 'сожалеть' ближе к чисто эмоциональным состояниям, 'подозревать' - к чисто ментальным.

§ 1. 'Бояться'

Прежде чем переходить к описанию значений конкретных лексем, остановимся на анализе тех противопоставлений, которые релевантны для семантической структуры любой лексической единицы со значением 'бояться', независимо от языка.²

Приведем некоторые из существующих толкований. В статье Л.Н.Иорданской 1970, посвященной анализу слов со значением чувства в русском языке, предлагается следующее толкование: *А боится, что В [случится с А/С]* - 'А испытывает пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, каузированное тем, что: 1) 'А считает, что высоковероятно осуществление события В, 2) А считает, что В является злом для А или для лица С, которое А считает близким себе, 3) А считает, что не способен противодействовать событию В' (Иорданская 1970, с.23). А. Вержбицкая (Wierzbicka 1972, с.63) предлагает толкование английского *to be afraid*, близкое к толкованию русского *бояться*, приведенному выше: *X боится (X feels afraid)* - 'X испытывает то, что испытывает человек, когда считает, что нечто плохое может про-

изойти с ним, чему он не может воспрепятствовать и чего он не хочет [чтобы произошло]’.

На основе этих толкований можно выделить следующие компоненты значения ‘бояться’: 1) X находится в некотором эмоциональном состоянии, 2) событие P плохое, 3) событие P высоковероятно, 4) осуществление P не зависит от воли субъекта X. Эти компоненты, с некоторыми видоизменениями, используются и в нашем анализе.

Приведенные толкования в целом достаточно ясно отражают то, что можно назвать общим значением ‘бояться’. Для перехода к описанию частных значений необходимы некоторые предварительные разграничения.

Первое разграничение касается категориальных свойств 1-го актанта: имя, занимающее позицию подлежащего, может быть одушевленным и неодушевленным. Все значения ‘бояться’, описывающие внутренние состояния (‘бояться I-IV’), требуют одушевленного субъекта; в контексте неодушевленного субъекта реализуется значение ‘бояться V’ (*Эти растения боятся холода*), не принадлежащее к сфере внутренних состояний.

Широкий круг противопоставлений, определяющих наиболее интересные различия между частными значениями ‘бояться’, связан со свойствами 2-го актанта (Объекта).

Первое из них касается референтной отнесенности Объекта, а именно, существенными являются два противопоставления: а) референция к единичной сущности или к классу; б) к предмету или к ситуации.

Эти признаки задают разбиение выражений, обозначающих Объект, на четыре класса:

1. Обозначающие единичный предмет, т.е. выраженные предметным именем в конкретно-референтном статусе (*Я боюсь этого человека, твою собаку*).

2. Обозначающие единичную ситуацию действительного или возможного мира (*Я боюсь ему это говорить, Я боюсь, что он опоздает/опоздал, Я боюсь экзамена*).

3. Обозначающие класс предметов, т.е. выраженные предметным именем в родовом статусе (*Я боюсь таких людей, собак*).

4. Обозначающие класс ситуаций (*Я боюсь ходить по этому переулку, Я боюсь таких разговоров, экзаменов*).

Значения ‘бояться II’ и ‘бояться III’ допускают на роль Объекта только единичную ситуацию. Значение ‘бояться IV’ допускает все четыре типа Объектов, но единичную конкретно-референтную ситуацию - наименее свободно. Значение ‘бояться I’ допускает в качестве Объекта ситуации и классы ситуаций, но не предметы.

Для Объектов, обозначающих единичную ситуацию, существенно различие, которое определяется представлениями Субъекта об осуществлении соответствующей ситуации и ее времени. А именно, различаются следующие случаи⁴:

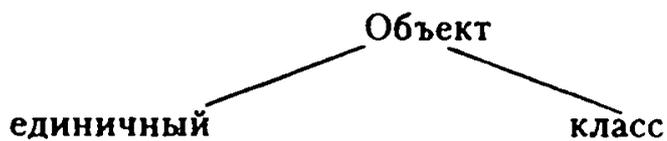
1. Х знает, что ситуация Р имеет место в момент t_0 . Ситуация Р в этом случае обычно статическая - обладание свойством или пребывание в каком-то состоянии (значение 'бояться IV').

2. Х знает, что в момент t_0 Р не имеет места и считает вероятным, что ситуация Р наступит в какой-то момент в будущем (например, *Я боюсь туда идти*, *Я боюсь экзамена* значения 'бояться I-III').

3. Х не знает, имеет ли место ситуация Р в момент t_0 (значение 'бояться III'). Не имея точной информации относительно осуществления Р, Х считает Р в той или иной степени вероятным. Временная отнесенность Р при этом может быть любой (ср. *Я боюсь, что она не сдаст/не сдала экзамена*).

Следующий семантический признак Объекта, различающий частные значения 'бояться', - это "контроль", т.е. контролируемость/неконтролируемость для Х-а ситуации Р. Этот признак различает значения 'бояться I', где ситуация Р является контролируемой, и 'бояться II', где Р неконтролируемо. Во всех остальных значениях 'бояться' ситуация Р неконтролируема.

Рассмотренные семантические противопоставления могут быть представлены в виде классификации типов Объектов при глаголе с общим значением 'бояться' следующим образом

'боя́ться IV'
(*боюсь этого человека*)

'боя́ться IV'
(*боится тараканов, грозы*)

1. X знает, что P имеет место в момент t_0

2. X знает, что P не имеет места в t_0 , и относит P к будущему

3. X не знает, имеет ли место P в t_0

'боя́ться IV'
(*не бойся моей любви*)

'боя́ться III'
(*боюсь, что мы опоздали*)

P контролируемо для X-а

P неконтролируемо для X-а

'боя́ться I'
(*боюсь туда идти*)

'боя́ться II, боя́ться III'
(*боюсь экзамена; боюсь ошибиться*)

'Бояться I'

Значение 'бояться I' реализуется в контексте, где Объект - контролируемая ситуация в будущем. Т.е. значение 'бояться I' описывает состояние субъекта, определяемое его отношением к действию, которое ему, как он сам считает, возможно, предстоит совершить.

Семантическая структура

[през.]: 'X считает вероятным, что он сделает P'

'P контролируемо для X-а'

[асс.]: 'X считает/ощущает, что P для него плохо' (наличие "переживания").

Значение 'бояться I' включает, кроме того, **импликацию**: в момент t_i X боится I сделать P $\rightarrow$ 'к моменту t_i X не сделал P'. Соответственно, в контексте отрицания: после t_i X не боится I сделать P $\rightarrow$ 'к моменту t_i X сделал P'. В терминах Л.Карттунена (Karttunen 1973, с.64-65), 'бояться I' принадлежит к числу **отрицательных имплицативов**, т.е. к группе глаголов (таких, как *забыть*, *избежать*), связанных со следующей парой "постулатов смысла": 1) $v(S) \supset \neg S$, т.е. $v(S)$ - достаточное условие для $\neg S$ и 2) $\neg v(S) \supset S$, т.е. $v(S)$ - необходимое условие для S, где V - глагол, S - подчиненная предикация. Указанный имплицативный компонент присутствует в наиболее явном виде в прошедшем времени, а в русском языке он характерен для формы совершенного вида (*побоялся*). Примеры.

Утвердительные предложения. Импликация 'X не делает P'.

(1) Oh misère de ma vie: une soeur **craindre de de parler** à un frère, et un frère **craindre de faire entendre sa voix** à une soeur! (ChR62) "сестра **боится** говорить с братом, брат с сестрой" (*боится говорить* $\rightarrow$ 'не говорит').

(2) ...cette demande que vous **criguez de me faire** (LL101) (*боитесь попросить* $\rightarrow$ 'не просите').

(3) Et tu te souviens quand elle avait peur **de te frapper?** (FM83) "Ты помнишь, как она **боялась** тебя ударить?"

Отрицательные предложения. Импликация 'X делает P'. В сфере действия отрицания находится компонент 'X считает P плохим' и, если он есть, компонент "переживание".

(4) Je ne **craingis** plus, alors, **de découvrir à Manon notre perte de Chaillot** (PM 75). "Я уже не **боялся** рассказать Манон о нашей потере в Шайло..." (*не боялся рассказать* $\rightarrow$ 'рассказал').

(5) Je ne **crains pas de vous prendre pour juge**: qu'ai-je donc fait? (LL74) (*не боюсь сделать своим судьей* $\rightarrow$ 'делаю своим судьей'). Здесь имеется указание на причину состояния "не бояться": это основание не считать P плохим (qu'ai-je donc fait? "а что я, собственно, сделал?", т.е. "я ничего плохого не сделал").

(6) ...**ne craignant pas de loucher** sur le grand pepin noir piqué le long du mur dans une petite flaque (BG333) Ср. русск. пер.: "и не стесняясь косится в сторону огромного черного зонта, с которого у стены уже натекла лужица" (Эрве Базен. Крик совы. М., 1977, с.9).

Глагол *redouter* в значении 'бояться I' не употребляется.

'Бояться II'

Значение 'бояться II' является основным среди значений 'бояться'; оно реализуется в контексте, где Объект - неконтролируемая ситуация в будущем.

Семантическая структура

[през.:] 'X считает наступление P вероятным'.

'P неконтролируемо для X-а'.

[асс.:] 'X считает (ощущает), что P плохо'

(наличие "переживания")

Компонент "переживание" для значения 'бояться II' в целом является факультативным: о его присутствии с уверенностью можно судить только в случае наличия в тексте специальных указаний (см., например, (8)). Однако для *avoir peur* он, по-видимому, является обязательным. Наиболее типичным способом оформления Объекта является существительное-номинализация (или прономинализованное предложение); возможны также инфинитив с предлогом *de* и придаточное в *Présent de subjonctif*. Примеры:

(7) *C'est que je crains beaucoup, je l'avoue, les conséquences de ce retard pour l'un et pour l'autre* (CA115) "Я очень боюсь последствий этой задержки как для одного, так и для другого".

(8) *En même temps je craignais horriblement de l'affliger* (CA112) "В то же время я ужасно боялся ее огорчить".

(9) *le destin qu'elle redoutait se rapprochait* (BM256) "участь, которой она боялась, надвигалась".

(10) *Elle semblait souffrir. J'avais peur de ce qu'elle allait dire* (SC173) "...мне было страшно того, что она собиралась сказать".

Тот смысл, который входит в значение 'бояться I' в качестве импликации (*X боится P* --> 'X не делает P'), обычно присутствует, хотя и в несколько модифицированном виде и в более скрытой форме, и в значении 'бояться II'. А именно, выражение *X боится II P* обычно имплицитно означает 'X не делает R', где R - контролируемая для X-а ситуация, осуществление которой может, по мнению X-а, привести к P. Наличие имплицитного компонента наиболее характерно для глагола *craindre*, но он может присутствовать и в предложениях с *redouter* и *avoir peur*. Например:

(11) J'avais bien deviné qu'elle **craindrait l'explication scandaleuse** que necessitait un refus: en effet elle prit la lettre (LL96) "Я правильно рассчитал, что она **побойтся** скандала, который произошел бы в случае отказа: и действительно, она взяла письмо". Т.е. она 'боялась II', что произойдет P, и поэтому не сделала R (P - скандал, R - отказ взять письмо), чтобы предотвратить наступление P - так как R, по ее мнению, могло повлечь P. Таким образом, если предложения с 'бояться I' (*X боится P*) содержат смысл 'X не делает P', то предложения с 'бояться II' перифразируются следующим образом: *X боится P - чтобы избежать P, X не делает R*; ср.:

(12) ... mais **craignant l'effet de la surprise et le bruit qu'elle entraine**, j'ai préféré d'éveiller avec précaution la jolie dormeuse (LL303) "боясь шума (-чтобы избежать шума), который мог произойти из-за эффекта неожиданности, я решил разбудить ее осторожно".⁵

Специфика значения 'бояться II' обнаруживается при сопоставлении его с 'бояться III', о котором пойдет речь ниже. Эти два значения состоят из одних и тех же компонентов, а различие между ними заключается в том, что в 'бояться II' эпистемический компонент 'P вероятно' входит в презумптивную часть значения, а оценочный компонент 'P плохо' - в ассертивную, в то время как в 'бояться III' распределение обратное.⁶ Таким образом, смысл предложения с 'бояться II' может быть (приблизительно) передан как 'X считает, что осуществление P плохо', в то время как смысл предложений с 'бояться III' может быть передан как 'X считает, что осуществление P вероятно'. Так, например, в предложении (13) глагол *craindre* может быть переведен просто как "не хотеть":

(13) Oh! mon amie! de quel voile effrayant vous enveloppez le sort de ma fille! et vous paraissez **craindre** que je ne tente de le soulever (LL542) "О друг мой! Каким страшным покровом окутываете вы для меня участь моей дочери! И вы как будто **боятесь**, что я попытаюсь (= не хотите, чтобы я пыталась) приподнять его".

То, что в значении 'бояться II' негативная оценка события P является главным ассертивным компонентом, подтверждается следующими фактами.

В отрицательных предложениях в сферу действия отрицания попадает именно оценочный компонент ('P плохо'); эпистемический компонент ('P вероятно') остается незатронутым. Например:

(14) ... le moyen surtout, j'ose dire peu délicat, dont vous vous êtes servi pour me faire parvenir la dernière [lettre], sans **craindre au moins l'effet d'une surprise** qui pouvait me compromettre (LL115) "...в особенности же тот, смею сказать, неблагоприятный прием, к которому вы прибегли, чтобы до меня дошло последнее из этих писем, причем вы даже не **побоялись** того, что впечатление, произведенное неожиданностью этого поступка, может меня ском-

прометировать". Здесь отрицанию подвергается компонент негативной оценки: *вы не побоялись, что P* = 'не сочли, что P ("впечатление... меня скомпрометирует") плохо', а не: 'не сочли, что P вероятно'.

(15) Mais madame, je m'étonne que vous ne redoutez pas mon influence sur le petit... Vous savez que je pense mal? (FM28) "... меня удивляет, что вы не боитесь моего влияния на ребенка (= 'не считаете, что мое влияние будет плохим'). Ведь вы знаете, что у меня дурной образ мыслей?"

Если в тексте имеется указание на причину "боязни", то для 'бояться II' (так же, как и для других значений, где оценочный компонент является ассертивным) этой причиной является основание считать P негативным. Например:

(16) écartez-le par quelques moyens, ou cherchez-lui querelle: n'en craignez pas les suites, je vous soutiendrai. (LL328) "удалите его от себя каким-нибудь способом или вызовите его на ссору; последствий не бойтесь - я вас поддержу". Обещание поддержки есть основание не считать P (последствия) плохим. Указание на причину негативной оценки содержится также в предыдущем примере (Vous savez que je pense mal?). Ср. также ниже пример (55а,в).

Еще один контекст, подтверждающий, что негативная оценка события P находится в ассертивной части значения 'бояться II', - это наречия plus "больше", moins "меньше", également "в равной мере":

(17) Si vous devez ne me plus trouver digne de votre amitié, je crains moins de la perdre que de la surprendre (LL429) "Если вы не можете больше считать меня достойной вашей дружбы, то я меньше боюсь (= считаю, что лучше) ее потерять, чем злоупотребить ею".

Ассертивный статус оценочного компонента в 'бояться II' обнаруживается также в случае сочинения двух или нескольких предложений, выражающих приблизительно один и тот же смысл. Например:

(18) Je ne voulais pas souffrir, j'avais peur de souffrir (FM120) "Я не хотел страдать, я боялся страдания".

(19) Dès que vous craignez de réussir, mon cher Vicomte, des que votre projet est de fournir des armes contre vous, et vous desirez moins de vaincre que de combattre, je n'ai plus rien à dire (LL92) "С тех пор как вы (1) боитесь добиться успеха, любезный виконт, с тех пор как вы (2) намерены снабдить противника оружием и (3) меньше хотите победить, чем сражаться, мне уже больше нечего вам сказать". Здесь три сочиненных предложения описывают одну и ту же ситуацию, а именно, разными способами выражают упрек в недостаточном желании добиться победы: *с тех пор, как вы боитесь победить* означает примерно "с тех пор, как вы не хотите победить".

'Бояться III'

Это значение реализуется в контексте, где Объект представляет собой неконтролируемое событие, относительно которого субъект не имеет информации (не знает), что оно произошло, т.е. это событие, которое либо относится к будущему, либо к миру мнений субъекта.

Значение 'бояться III' занимает особое место в системе значений 'бояться', поскольку здесь происходит наиболее существенная перестройка семантической структуры основного значения ('бояться II'): компонент 'X считает P вероятным' переходит из презумптивной части значения в ассертивную, т.е. становится главным. Другими словами, если предложение с 'бояться II' представляет собой утверждение о негативности некоторого вероятного события, то предложение с 'бояться III' - это утверждение о вероятности некоторого негативного события⁷.

Семантическая структура

[през.:] 'P неконтролируемо для X-а'

'X считает (ощущает), что P плохо'

[асс.]: 'X считает, что P вероятно'

(наличие "переживания").

Тип ситуации, описываемой предикатом со значением 'бояться III' - установка, т.е. состояние, "не заполняющее" того промежутка времени, в течение которого оно имеет место (см. гл. I § 1.3).

Ассертивный статус эпистемического компонента ('P вероятно') подтверждается, прежде всего, тем, что в отрицательных предложениях именно этот компонент оказывается в сфере действия отрицания - при том, что компонент негативной оценки сохраняется. Например:

(20) *On ne craint point qu'il venge un jour pour son père* (Rac.-R)
"Никто не боится, что он когда-нибудь отомстит за отца (= не считает вероятным, что месть будет иметь место нечто плохое)".

(21) *Vous-même m'avez dit, Monsieur, que je ne devais pas craindre un refus* (LL115)
"Вы сами сказали мне, сударь, что я не должна бояться отказа (= могу считать, что отказа не будет)".

В этих примерах глагол *craindre* может быть переведен на русский язык выражениями типа *считать вероятным*, *допускать возможность*, *считать, что P*. В данном отношении интересен также пример (22), где перевод с использованием слова *бояться* вообще невозможен:

(22) ... *si au lieu de désapprouver des sentiments qui doivent m'offenser, j'avais pu craindre de les partager* (LL78)
"если, вместо того, чтобы осудить чувства, которые оскорбительны для меня, я допускала возможность их разделить". См. также пример (566).

Если в предложении с 'бояться III' содержится указание на причину возникновения данного состояния, то это всегда основание считать событие Р вероятным; это основание может быть выражено различными способами. Например:

(23) Elle voulut aller vers elle, mais elle **craignit** de tomber tant ses jambes etaient devenues molles (MV206) "Она хотела вернуться к себе, но **боялась** упасть, такую слабость она чувствовала в ногах".

(24) Je ne **redoutais** pas une reprimande. J'etais irreprochable (BM154) "Я не **боялась** упреков. Я вела себя безупречно".

Показателен, кроме того, контекст предложений, вводимых противительными союзами и их эквивалентами, так как в случае с 'бояться III' смысл противопоставления состоит в указании на ошибочность представления о вероятности Р (в частности, на то, что Р не имеет места), а не на ошибочность негативной оценки Р. Например:

(25) J'**avais craint** que ma faute ne me ruinât dans son esprit: mais, depuis longtemps, il ne me restait rien à perdre. Je me rasserenai (BM217) "Сначала я **боялась**, что мой поступок уничтожит меня в его глазах: но мне уже давно нечего было терять. Я успокоилась" (раз терять нечего, то возможность пасть в его глазах исключена). Противительный союз *no* вводит утверждение, опровергающее оценку события Р как вероятного, содержащуюся в глаголе *craindre*. См. также русский материал на эту тему в (Зализняк 1983).

Контекст предложений, вводимых уступительными союзами (*même*, *quoique*), также выявляет ассертивный статус эпистемического компонента в значении 'бояться III'; а именно, смысл уступительности состоит здесь в следующем: 'несмотря на отсутствие оснований считать Р вероятным, X считает Р вероятным'. Например:

(26) Même quand Zaza se montrait tout à fait amicale, même quand elle semblait se plaire avec moi, j'**avais peur** de l'importuner (BM167) "Даже когда Заза вела себя наиболее дружелюбно и, как казалось, ей было хорошо со мной, я все равно **боялась** ей надоесть" (= 'считала вероятным ей надоесть в ситуации, когда это было последним, что можно было предположить' - как вытекает из смысла слова *даже*, см. Крейдлин 1975).

(27) Quoique la royauté actuelle ne semble pas viable, je **craains** toujours qu'elle ne vive au delà du terme qu'on pourrait lui assigner (Chat.-R) "Хотя нынешняя власть не производит впечатления жизнеспособной, я все же **боюсь**, что она продержится дольше предполагаемого срока" ('считаю вероятным - несмотря на отсутствие оснований так считать').

Различный статус эпистемического и оценочного компонента в семантической структуре значений 'бояться II' и 'бояться III' особенно ясно проявляется в контексте наречия *напрасно* (которое в сочетании с глаголами

внутреннего состояния имеет значение 'напрасно 3', т.е. является показателем ошибочности мнения - см. гл. IV § 3). А именно, в предложениях с 'бояться II' в сфере действия этого оператора оказывается представление о негативном характере события, а в предложениях с 'бояться III' - представление о его вероятности. Так, предложение (28) *J'ai eu tort de craindre son retour* "Я напрасно боялся его возвращения" может быть понято двояко: с 'бояться II' (28) - 'он вернулся, и при этом ничего плохого не произошло, вопреки тому, что я предполагал' (т.е. ошибочным оказалось представление о негативном характере события - при том, что оценка его как вероятного оправдалась); с 'бояться III' (28) - 'вопреки тому, что я предполагал, он не пришел (т.е. ошибочной оказалась оценка события как вероятного, при том, что его негативная оценка сохраняется).

Объект при 'бояться III' имеет все те же способы оформления, что и при 'бояться II'; кроме того, возможно придаточное в *Passé de subjonctif* и *Infinitif passé* - в том случае, когда ситуация-Объект приурочена к прошлому. В отличие от 'бояться II', для 'бояться III' оформление Объекта существительным-номинализацией нехарактерно (хотя тоже возможно). Примеры.

1. Объект - событие в прошлом.

а) *que + subj.passé*

(28) *Je crains que vous n'ayez oublié quelque chose* (DFC). "Я боюсь, что вы что-нибудь забыли".

(29) *je redoute que ma fille, séduite, n'ait mit le comble à ses égarements* (LL543) "я боюсь, как бы моя обольщенная дочь не дошла в своих заблуждениях до предела".

(30) *Thérèse eut peur qu'elle ait enlevé les cigarettes* (FM81) "Тереза испугалась, что она взяла сигареты".

б) *de + inf.passé*

(31) *Il s'arreta pile, craignant d'en avoir trop dit* (FM283) "Он внезапно замолчал, испугавшись, что сказал лишнее".

(32) *Il a peur d'avoir été impoli* (DFC). "Он боится, что был невежлив".

2. Объект - ситуация в настоящем (статическая).

а) *que + subj.pres.*

(33) *Il craint qu'on ne le comprenne pas* (DFC). "Он боится, что его не понимают".

(34) ... *j'avais si peur que vous ne l'aimiez pas [le caviar rouge]* (BIn167) "Я так боялась, что вы не любите красную икру".

б) de + inf.pres.

(35) Moi je ne demande pas mieux. Je **craignais de te déplaire** (MV142) "Вот и прекрасно. А то я боялся, что ты на меня сердишься".

(36) ... mais comme j'avais **peur de la deviner**, et que ce debut ne me menât à une confidence dont je ne voulais pas, je ne lui ai fait aucune question (LL401) "Поскольку я боялась, что угадываю [в чем дело], и что такое начало могло бы привести к исповеди, которой я не хотела допустить, я не стала его ни о чем спрашивать".

в) существительное (эта конструкция возможна только с глаголом *craindre*)

(37) Paul eut une bronchite si grave qu'on **craignit une pleurésie** (MV 159) "У Поля был такой сильный бронхит, что боялись, как бы это не оказался плеврит".

3. Объект - событие в будущем.

а) que + subj.pres.

(38) je **crains que** sa seule présence ne dissipe l'enchantement de Paris "Боюсь, что одно его присутствие развеет все очарование Парижа".

(39) Le visage de Pierre s'assombrit encore; Françoise **redoutait qu'il** ne se mit vraiment en colère (BIn120) "Пьер помрачнел еще больше; Франсуаза испугалась, что он всерьез рассердится".

(40) j'avais **peur, ... que** mes instances auprès de la mère, pour la faire sortir, ne lui devinssent suspectes (LL156) "я боялась, ... что матери покажутся подозрительными мои настоятельные уговоры отправиться в гости".

б) de + inf.pres.

(41) Il me paraissait si impossible que Manon m'eût trahi, que je **craignis de lui faire injure** en la soupçonnant (PM46) "Мне казалось столь невыносимым, чтобы Манон меня обманула, что я боялся оскорбить ее таким подозрением".

(42) j'avais **peur de ne plus être reçu** chez vous (MuC333) "Я боялся, что меня больше не будут принимать у вас".

Глагол *redouter* в этой конструкции не употребляется.

в) существительное

(43) [Вопрос репортера к рабочим] En 1985, croyez-vous que vous vivrez mieux ou plus mal qu'aujourd'hui? **Craignez-vous le chômage?** "Считаете ли вы вероятным остаться без работы?"

'Бояться IV'

Значение 'бояться IV' имеет два варианта, соответствующие разным денотативным статусам Объекта - конкретному (группа А) и родовому (группа Б).

Различие между употреблениями группы А и группы Б приблизительно соответствует тому различию, которое для глаголов, обозначающих занятия, описывается как противопоставление актуального и узуального значения; ср. *он курит сигару* (в настоящий момент; объект имеет конкретно-референтный статус) и *он курит сигары* (вообще; объект имеет родовой статус).

А. Объектом при 'бояться IV' является единичный предмет (N) или ситуация (P), существующие (точнее, такие, про которые X знает, что они существуют) в момент t_0 .

Семантическая структура

[през.]: 'N/P имеет место в t_0 '
'N/P может повлечь Q'⁸
'Q неконтролируемо для X-а'

[асс.]: 'X считает, что Q для него плохо'
наличие "переживания".

Объект - предмет:

(44) *Vous me forcez à vous craindre, peut-être à vous haïr* (LL79) "Вы заставляете меня вас бояться, быть может, даже вас ненавидеть".

(45) *belle, ardente, vivace, Guite Larivière redoutait ce polytechnicien sévère*. (BM160) "красивая, страстная, живая Гит Ларивьер боялась этого сурового студента".

(46) *Ici Anne, autrefois, avait peur d'un chien qui se jettait toujours dans les roues de sa bicyclette* (FM66) "Здесь Анна когда-то боялась собаки, которая бросалась под колеса велосипеда".

Объект - ситуация (статическая)

(47) *il [mon amour] est tel, que la vertu la plus sévère ne devrait pas le craindre* (LL139) "моя любовь такова, что даже самая суровая добродетель не имеет оснований ее опасаться".

(48) *Elle eut peur de la nuit, revint à sa chambre* (FM78) "Ей стало страшно темноты, и она вернулась в дом".

Объект - ситуация (динамическая)

(49) *Il avait moins peur de la menace de Polyk que du regard étincillant et fier d'Antoinette* (PTR401) "Еще страшнее угрозы Полика был испепеляющий взгляд Антуанетты" (P - речевой акт угрозы, Q - ее осуществление).

Б. Объект при 'бояться IV' имеет родовой статус, т.е. соотносится с классом предметов или ситуаций. В этом случае компонент 'N/P имеет место в момент t_0 ' заменяется на 'N/P существует в мире X-а', а компонент "переживание" модифицируется следующим образом: "переживание" возникает всякий раз, когда X оказывается в контакте с N или когда имеет место P. Примеры.

Объект - класс предметов:

(50) Je **crains** les Grecs même quand ils font des offrandes "Я боюсь да-
найцев, даже дары приносящих"

(51) D'ordinaire, Guillome **avait peur** des vaches qui lèvent la tête et vous suivent longuement du regard comme si elles hésitaient à foncer (FM253)
"Обычно Гийом боялся коров, которые поднимают голову и провожают вас взглядом, как если бы они собирались на вас броситься".

Объект - класс ситуаций:

(52) J'avais besoin d'être prise dans les cadres dont la rigueur justifiait mon existence. Je m'en rendait compte, car je **craignais** le changement (BM86)
"я... боялась перемен"

(53) Aigrie, abrutie par huit heures quotidiennes de machine à écrire, elle **craint** les histoires (FM164) "Ожесточенная, одуревшая от ежедневной восьмичасовой работы за пишущей машинкой, она боится скандальных историй".

(54) Je **redoutais** la nuit, l'oubli; ce que j'avais vu, senti, aimé, c'était un déchirement de l'abandonner au silence (BM199) "...я боялась тьмы, забвения..." Ср. также следующий пример:

(55) *Так же никогда он не боялся (а) правосудия и закона, потому что законы он не нарушал, а правосудие всегда защищало его и поддерживало. И не боялся он (б) разоблачений общественности - потому что общественность тоже была всегда за него. И в областной газете не могла бы появиться неприличная заметка против Русанова, потому что или Кузьма Фотеевич или Нил Прокофьевич всегда бы ее остановили [...] Так и (в) прессы он тоже не боялся (Солженицын).*

Здесь в частях (а) и (в) реализуется значение 'бояться IV' (правосудие и закон, пресса рассматриваются как источники возможных дурных последствий), в (б) - 'бояться III' (разоблачение, имеющее негативную оценку, само по себе рассматривается с точки зрения вероятности его наступления).

Значение 'бояться V' реализуется в контексте неодушевленного субъекта и не относится ко внутренним состояниям: Ce tissu craint la lessive "Эта ткань боится стирки". 'Бояться V' получается из значения 'бояться IV', которое подвергается модификациям, обусловленным неодушевленностью субъекта - а именно, семантические компоненты представлены здесь в более

"объективной" форме; те компоненты, для которых это невозможно, отсутствуют:

[през.]: 'Р вероятно'

[асс.]: 'Р плохо для X' (Субъект оценки в обоих случаях - автор высказывания).

• • •

Итак, нами было выделено четыре значения 'бояться', относящихся к сфере ПВС. Покажем теперь внутреннюю связь между ними, позволяющую языку объединять все эти различные смыслы в рамках одного слова (напр., русск. *бояться* или франц. *craindre*). На основании данных лингвистического анализа предложений русского и французского языков, содержащих предикатные выражения со значением 'бояться', 'пугать' может быть построена следующая модель прототипической ситуации страха.

Имеется, с одной стороны, субъект (человек) и, с другой стороны, последовательность событий, принадлежащих действительному миру или концептуальному миру субъекта, которые составляют причинную цепь, т.е. последовательность ситуаций, каждая из которых, по мнению субъекта, с некоторой вероятностью влечет следующую (количественная оценка вероятности для 'бояться' может находиться в широком диапазоне от допущения возможности до отсутствия уверенности в обратном). Начальной точкой в этой цепи является ситуация действительного мира (точнее, ситуация, принадлежащая миру знаний субъекта о положении вещей в настоящий момент); это звено можно было бы назвать "сигналом опасности" (ср. Изард 1980, с.134). Конечной точкой причинной цепи всегда является чисто оценочная ситуация "X-у плохо", относящаяся к будущему. Промежуточные звенья, которых может быть теоретически сколько угодно, относятся либо к будущему, либо к миру мнений субъекта о настоящем. Для возникновения состояния страха не обязательно наличие у субъекта представления о всех звеньях этой цепи: необходимым является лишь последнее звено и существование самой цепи (так как бывает так называемый "безотчетный страх", когда человек не знает ни того, цепь каких именно событий может привести к конечному звену "мне плохо", ни того, что послужило ему основанием считать, что такая цепь существует).

Можно показать, что все значения 'бояться', выражающие внутреннее состояние, представляют собой различные способы структурирования этой прототипической ситуации страха. Действительно, различия между значениями 'бояться' определяются в первую очередь тем, какое из звеньев описанной причинной цепи событий выбрано на роль актанта-Объекта и выдвинуто, таким образом, на первый план. Так, в случае, когда в качестве Объекта выбирается ситуация действительности, имеющая место в настоящий момент,

т.е. первое звено этой цепи, реализуется значение 'бояться IV' (см. примеры (48) и (56а), где ситуация, имеющая место в момент t_0 рассматривается как средоточие возможных дурных последствий). Если Объектом является не ситуация, а предмет (чаще всего это лицо), происходит в конечном счете то же самое: человек, вызывающий страх, рассматривается как источник возможной последовательности ситуаций, конечным звеном которой является ситуация "X-у плохо".

В этом случае может быть употреблен также глагол типа *пугать*, франц. *faire peur, effrayer, épouvanter* в значении неконтролируемого воздействия. 'Пугать' и 'бояться IV' представляют собой лексические конверсивы, т.е. допускают трансформацию 'X боится IV P' --> 'P пугает X-а'; ср.: *je crains vos sentiments* и *vos sentiments me font peur*; *Любви моей ты боялся зря* и *Тебя напрасно пугала моя любовь*.

При этом между 'пугать' и 'бояться IV' имеется то различие, что у 'пугать' в качестве "сигнала опасности" может выступать ситуация, являющаяся по отношению к остальным звеньям цепи не **каузирующей** причиной, а **причиной-основанием**. Например:

(56) *Quand elle arriva, accompagnée d'une infirmière, la rougeur de ses joues, son regard vide me firent peur: elle ne pouvait pas parler et ne me reconnut pas* (BM88) "Когда она вошла, в сопровождении медсестры, ее чрезмерный румянец и пустой взгляд испугали меня: она не могла говорить и меня не узнавала". (Из того, что ее щеки чрезмерно красны и взгляд пуст, я заключаю, что с ней случилось что-то плохое).

'Бояться IV' в подобном случае употреблено быть не может; ср.: *La rougeur de ses joues me fait peur*, но **J'ai peur de la rougeur de ses joues*; *Ее румянец меня пугает*, но **Я боюсь ее румянца*.

В остальных значениях 'бояться' в качестве Объекта выступает одно из последующих звеньев этой цепи, т.е. какая-то ситуация, относящаяся к будущему или, по крайней мере, не к миру знаний X-а о настоящем моменте. Соответственно, они не могут быть непосредственно трансформированы в предложения с 'пугать' для того, чтобы это сделать, необходимо перевести эту ситуацию-Объект из плана будущего в план настоящего, что достигается путем замены имени самой ситуации именем некоторого ее образа, существующего в сознании X-а в момент t_0 , т.е. при помощи слов типа *мысль о, перспектива, идея* и т.п. Например:

(57) *malgré son vif désir de sauver un homme dont elle déplorait les égarements, l'idée d'engager avec lui une discussion si sérieuse l'effrayait involontairement* (MeN455) "Несмотря на ее искреннее желание спасти человека, чьи заблуждения ее глубоко огорчали, мысль о том, чтобы завести с ним столь серьезный разговор, пугала ее".

(59) Mais j'avais une peur panique de ce qui se passerait dans sa tête. Peut-être se croirait-elle obligée d'avoir une conversation avec moi: cette perspective m'épouvantait, parce que, au silence qu'elle avait toujours gardé sur ces problèmes, je mesurais sa répugnance à les aborder (BM154) "Но я панически боялась того, что могло произойти в ее сознании. Что если она сочтет необходимым поговорить со мной? Эта перспектива пугала меня, так как по тому, что она всегда обходила молчанием эти вопросы, можно было судить об отвращении, которое вызовет у нее их обсуждение".

Последний пример интересен еще и в другом отношении: *бояться* и *пугать* выбирают на роль Объекта разные звенья одной и той же причинной цепи. Рассмотрим еще один такой пример.

(60) je resistai... à (1) un petit nuage d'humeur qui obscurcit toute la soirée cette figure céleste. Je craignis un moment que (2) ses ordres ne fussent révoqués et que (3) sa délicatesse ne me nuisît (LL62) "Я приложил усилия, чтобы рассеять (1) облачко недовольства, омрачавшее в течение всего вечера ее небесное лицо. В какой-то момент я даже испугался, что (2) она отменит свои распоряжения и что (3) ее щепетильность мне повредит". Здесь указаны три ситуации, связанные отношением частичной причинности: (1) ситуация, имеющая место в момент t_0 - "сигнал опасности" (недовольство героини), (2) ее возможное следствие (отмена распоряжений) и (3) конечное звено - чисто оценочная ситуация, описываемая глаголом *nuire* "вредить", т.е. ситуация 'X-у плохо'. Обозначение "сигнала опасности" содержится в предшествующем предложении, а сами следствия, т.е. то, чего, собственно, герой боится, вводятся глаголом *craindre* в значении 'бояться III' как сочиненные придаточные. При этом обращает на себя внимание следующее обстоятельство: эти два придаточных предложения (*что она отменит свои распоряжения* и *что ее щепетильность мне повредит*) на самом деле соотносятся с одной и той же ситуацией, только первое из них описывает ее денотативный аспект (ее содержательные параметры), а второе представляет собой ее оценочную интерпретацию, т.е. содержит **косвенную номинацию ситуации**¹⁰.

Вообще, для значения 'бояться III' характерно, чтобы синтаксическим актантом, соответствующим Объекту, было выражение, содержащее косвенную оценочную номинацию, т.е. такое, в семантике которого квалификативный аспект преобладает над денотативным. То, какая именно ситуация (с точки зрения содержательных параметров) имеется в виду, может оставаться неясным или устанавливаться из более широкого контекста. Приведем некоторые примеры:

(61) Je crains encore d'avoir perdu au change: car plus les femmes vieillissent, et plus elles deviennent riches et sévères. La première lui aurait dit

plus de mal de moi; mais celle-ci lui en dira plus de l'amour (LL363) "Боюсь что от этой перемены я проиграл, ибо чем женщины старше, тем они жестче и строже. Первая наговорила бы ей, конечно, больше дурного обо мне, но зато эта будет говорить ей больше дурного о любви". Здесь оценочной интерпретации подвергается факт смены конфидента дамой, которой добивается герой, - о чем можно узнать из предшествующего текста. При этом происходит следующий интересный сдвиг. Придаточное, вводимое союзом *саг* "так как, ибо", фактически является изложением аргументов, дающих герою основание считать то обстоятельство, что у его дамы в настоящий момент новый конфидент, **негативным**; однако те же самые факты по отношению к ситуации, обозначенной косвенной номинацией *проиграть* (содержащей отрицательную оценочную интерпретацию), очевидным образом являются аргументами в пользу **вероятности** ее осуществления.

Возвращаясь к причинной цепи, формирующей общее значение 'бояться', рассмотрим случай, когда первое ее звено - контролируемая для субъекта X ситуация, например: 'я задаю ему вопрос' --> 'он сердится' --> 'мне плохо'. Если на роль объекта выбирается первое звено этой цепи (контролируемая ситуация), то реализуется значение 'бояться I': *Я боюсь задавать ему этот вопрос*. Если второе (неконтролируемая ситуация) - 'бояться II' (*боюсь его гнева*) или 'бояться III' (*боюсь, что он рассердится*). Теперь, если добавить сюда в качестве "сигнала опасности" причину-основание типа ситуации 'он сегодня мрачен', то полученная цепь может быть отражена в предложении с глаголом *пугать* (что соответствует значению 'бояться IV'); так, можно сказать *Меня пугает его мрачность*, имея в виду, что мрачность дает основания считать вероятным, что если задать вопрос, то он рассердится, и т.д.

§ 2. 'Надеяться'

Пара *надеяться* - *бояться* часто приводится в семантических исследованиях в качестве иллюстрации противопоставления лексических единиц по признаку оценки. Однако, как оказывается, в целом 'надеяться' и 'бояться' очень несхожи по своей семантической структуре; в частности, семантика 'надеяться' гораздо беднее. Этот факт представляет самостоятельный интерес, так как аргументов нет оснований считать, что глагол *надеяться* должен быть устроен принципиально иначе, чем его "антоним" *бояться*. Подобное отсутствие параллелизма может служить еще одним аргументом в пользу тезиса об асимметрии сфер "хорошего" и "плохого" в языке (см. Вольф 1979, Арутюнова 1983, 1984). Значение 'надеяться' интересно, кроме того, с точки

зрения его соотношения со значением 'ждать', так как во многих, в частности, романских языках, эти значения объединяться в одной лексеме (ср. франц. *espérer* 'надеяться', устар. и диал. 'ждать', исп. *esperar* 'ждать', 'надеяться', итал. *sperare* 'ждать', 'надеяться').

В исследованиях по семантике предлагались следующие толкования глаголов со значением 'надеяться'. Иорданская 1970, с.22-23: *А надеется на В* - 'А испытывает положительное эмоциональное состояние, каузированное тем, что 1) А считает, что осуществление В высоковероятно; 2) В желательно для А'; Wierzbicka 1969, с.108: *on ma nadzieję, że S est P* "Он надеется, что S есть P" - 1) Я считаю, что ты знаешь, что он хочет, чтобы S было P. 2) Знай, что он полагает, что S есть P.

Спиноза говорит о надежде следующее: "если мы знаем о будущей вещи, что она хороша и что она может случиться, то вследствие этого душа принимает форму, которую мы называем надеждой" (Спиноза 1957:128). Лейбниц (Leibniz 1975, с.62) определяет надежду как "представление о будущем благе" (*opinio boni futuri*).

Как уже говорилось, семантика 'надеяться' существенно беднее, чем 'бояться'; и хотя мы выделяем несколько значений, наибольший интерес представляет одно из них, основное - 'надеяться I' (имеющее, к тому же, и наибольшую частотность).

'Надеяться I'

Семантическая структура

[през.]: 'X считает, (ощущает), что P хорошо'

'P неконтролируемо для X-а'

[асс.]: 'X считает P вероятным'

(редко: наличие "переживания").

В роли Объекта (P) может выступать только единичная ситуация, относящаяся либо к будущему, либо к миру мнений X-а.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в основном значении 'надеяться' - 'надеяться I' - эпистемический компонент ("вероятность") находится в ассерции, что сближает его с 'бояться III'¹¹: значений, которые соответствовали бы 'бояться I' и 'бояться IV', у 'надеяться' нет; значению 'бояться II' отчасти соответствует редкое 'надеяться II'. Одновременно с этим 'надеяться' обладает другой отличительной чертой, которая, бесспорно, связана с ассертивным статусом эпистемического компонента. А именно, в 'надеяться' очень слабо выражен компонент собственно эмоции ("переживание"): в подавляющем большинстве употреблений он вообще отсутствует, а относительно тех случаев, где он имеется, возникают сомнения в том, что это есть специфическая эмоция надежды (см. об этом

Pitcher 1965 с.338; Изард 1980, с.83-88); ср. в этой связи отсутствие слова *надежда* в Wierzbicka 1972 в числе тридцати шести толкуемых предикатов эмоций). Таким образом, глаголы со значением 'надеяться' могут быть отнесены к числу предикатов ментального состояния.

Другой важный аспект семантики 'надеяться', который требует уточнения - это количественная оценка вероятности; а именно, она может принимать любое значение от нуля до единицы за исключением крайних точек, (т.е. параметр "вероятность" имеет здесь значение 'Р возможно'). Так, человеку часто бывает достаточно отсутствия знания или уверенности, что не-Р, чтобы надеяться, что Р. Интересно, что в этом случае, т.е. когда оценка вероятности максимально низкая, приобретает большую значимость положительная оценка¹². Ср.:

(1) En dépit de tant déceptions, j'espère encore (DFC) "Несмотря на столько разочарований, я все еще **надеюсь**"

Самой высокой оценкой вероятности характеризуются вводные употребления (см. примеры (23)-(25)); компонент "переживание" здесь, наоборот, сведен к минимуму. В этом отношении 'надеяться I' и 'бояться III' устроены аналогично.

Прежде чем переходить непосредственно к анализу семантики 'надеяться', остановимся на вопросе о соотношении 'надеяться' и 'ждать'. Что касается соотношения оценок вероятности Р, то здесь можно сказать следующее. В целом область возможной оценки вероятности у 'ждать' смещена в сторону большей уверенности по сравнению с 'надеяться' - она включает саму точку "знание". Объектом для 'ждать' может быть событие, которое обязательно наступит (т.е. оценкой вероятности которых является знание), а для 'надеяться' - нет. Ср. *Я жду лета, и ?Я надеюсь, что лето наступит* (чтобы последнее предложение было признано правильным, нужен очень "сильный" контекст). Наличие указанного соотношения оценок вероятности наиболее явно обнаруживается в тех случаях, когда глаголы со значением 'надеяться' и 'ждать' употреблены в одном предложении, и особенно если они соединены сочинительной связью. Например:

(2) Dans certains jours, cependant, un tel bien-être de vie la pénétrait qu'elle se reprenait à rêvasser, à **espérer**, à **attendre**... (MV 201) "Иногда, однако, ее охватывало такое ощущение полноты жизни, что она снова начинала мечтать, **надеяться**, **ждать**". Объект здесь не выражен; это некоторое содержательно неизвестное самой героине положительное событие; при этом последовательность "мечтать, надеяться, ждать" отражает количественное нарастание вероятности этого события.

(3) Je n'attends pas même cette pitié, que l'intérêt que vous m'avez témoigné quelquefois pouvait me faire espérer (LL100) "Я не жду от вас этой

милости [остаться], на которую, впрочем, интерес, проявленный вами ко мне, давал мне основания надеяться". Здесь оценка вероятности попадает в ту часть вероятностной шкалы, которая входит в область 'надеяться', но оказывается за пределами области 'ждать'¹³. Однако, области допустимых оценок вероятности у 'надеяться' и 'ждать' имеют довольно большое пересечение, что, по-видимому, и обеспечивает возможность совмещения обоих значений в пределах одной лексической единицы.

Для описания соотношения семантики 'надеяться' и 'ждать' существенно еще одно обстоятельство, а именно, то, что в семантической структуре 'ждать' оценочный компонент 'Р хорошо' является неустойчивым (см. гл. I § 2.3), а в 'надеяться' - "полноценным". Так, при присоединении к глаголам со значением 'ждать' и 'надеяться' имени события, не имеющего оценочного признака, это событие получает от глагола значение "хорошо"; ср. *Я жду ответа* и *Я надеюсь, что ответ будет*: ответ в контексте обоих глаголов обозначает позитивное событие. Если же присоединить к этим глаголам имя события, в семантическую структуру которого входит оценка "плохо", то в контексте 'ждать' оно останется негативным, так как компонент 'Р хорошо', который является для 'ждать' неустойчивым, будет вытеснен оценочным компонентом противоположного знака, содержащимся в имени события; а в контексте глагола 'надеяться', для которого компонент 'Р хорошо' полноценный, это событие, само по себе негативное, приобретет вторичную, контекстно обусловленную оценку "хорошо". Так, например, в предложении *Я жду провала* слово *провал* сохраняет оценочный признак "плохо", а в предложении *Я надеюсь на провал* это же слово под воздействием соответствующего компонента и семантической структуры глагола 'надеяться' переосмысливается как имеющее оценочный признак "хорошо" (ср. пример (13)).

Обратимся теперь к анализу семантической структуры самого значения 'надеяться I'. Тот факт, что эпистемический компонент находится здесь в ассертивной части значения, подтверждается, прежде всего, значением предложений с 'надеяться I' в контексте отрицания. Рассмотрим, например, следующий диалог из пьесы Е.Шварца "Дракон": Генрих. *Ты надеешься, что Ланцелот спасет тебя?* Эльза. *Нет. А ты?* Генрих. *И я нет.* "Не надеюсь" очевидным образом означает здесь 'не считаю, что Р произойдет', а не 'не считаю, что Р хорошо'. Ср. также анализ А.Вежбицкой: "*Я не надеюсь, чтобы S было P* - 1) Я не считаю, что S есть P. 2) Я хочу, чтобы S было P". Воздействие отрицания только на компонент "Я считаю, что S есть P" объясняется тем, что он находится в модальной рамке "Я хочу, чтобы ты знал", т.е. в ассерции (Wierzbicka 1969, с.108). Примеры:

(4) *Son saisissement fut si grand qu'il eut une courte suffocation et il s'en vint vers la maison avec des jambes brisées et un coeur palpitant. Il n'espérait*

pas cependant que ce fût elle. (MC163) "...И все же он не надеялся, что это она" (= 'не считал, что это она').

(5) Mais c'était fini maintenant; ni avant ni après la mort, elle n'espérait plus aucune miséricorde, même imprécise: non, seule à souffrir,.. (Loti-R.) "Но теперь все было кончено; ни до, ни после смерти она не надеялась больше ни на какое милосердие..." (= 'она считала, что снисхождения не будет').

В сочетаниях 'надеяться' с модальными операторами 'мочь', 'хотеть', 'сметь' и т.п. последние воздействуют на эпистемический компонент; так, *можно надеяться* означает 'есть основания считать вероятным'. Например:

(6) Dès qu'on peut espérer de se venger, on recommence de haïr (Stendh.-R.) "Как только у человека появляется надежда на месть, его ненависть разгорается с новой силой".

(7) Je te verrai ce soir, mais te trouverai-je seule? Je n'ose l'espérer (LL486) "Я увижу тебя сегодня вечером, но застану ли я тебя одну? Я не смею надеяться".

Если в тексте имеется какое-либо указание на причину состояния, описываемого словом 'надеяться', то это всегда есть основание считать событие Р вероятным. Например:

(8) Votre air plus tranquille fait espérer que cette lettre vous a causé plus d'étonnement que de douleur (LL98) "То, что вы более спокойны, позволяет надеяться, что это письмо скорее удивило вас, чем огорчило" (= 'то, что вы более спокойны, дает основание считать вероятным, что...').

Показательным является также контекст противительных союзов. Так, союз *но* (mais) вводит утверждение не-Р, обнаруживая несоответствие действительности представления Х-а о высокой вероятности Р. Например:

(9) Mariolle espérait que le père s'en irait bientôt. Mais M. de Pradon ne s'en alla point (MC47) "Мариоль надеялся, что ее отец скоро уйдет. Но г-н де Прадон не уходил".

(10) J'espérais la revoir au souper; mais elle fit dire qu'elle s'était trouvée indisposée et s'était mise au lit (LL72) "Я надеялся увидеть ее за ужином; но она велела сказать, что она плохо себя чувствует и лежит в постели".

В обоих случаях надежды не сбылись - оказались "напрасными", - потому что ожидаемое событие Р не произошло (а не потому, что не оправдалось представление о его желательности). Ассертивный статус эпистемического компонента в семантической структуре 'надеяться' выявляется также и в контексте самих выражений со значением 'напрасно' (*en vain, avoir tort de*). Ср.:

(11) Puisque Thésée a vu les sombres bords, En vain vous espérez qu'un dieu vous le renvoie (Rac.-R.) "Раз Тезей увидел сумрачные берега, напрасно

вы надеетесь, что кто-нибудь из богов вам его вернет" (т.е. 'не вернет'). См. об этом подробнее гл. IV §3.

Как уже говорилось, Объект при 'надеяться' представляет собой единичную неконтролируемую ситуацию, относящуюся к будущему или к миру мнений субъекта. Он может быть выражен придаточным предложением или, при совпадении субъекта состояния с главным участником ситуации, описываемой подчиненной предикацией, - инфинитивным оборотом, а также существительным, представляющим собой номинализацию соответствующей пропозиции. Примеры.

1. Р выражено придаточным предложением

а) Р относится к будущему

(12) *J'espère qu'elle se portera mieux demain* (LL45) "Я надеюсь, что завтра она будет лучше себя чувствовать".

б) Р относится к миру мнений X-а о состоянии мира на настоящий момент. Здесь различаются два случая: Р - единичное событие в прошлом (пример (13) и Р - статическая ситуация в настоящем (пример (14)).

(13) *Elle avait les yeux très battues; j'espère qu'elle avait aussi mal dormi que moi* (LL75) "У нее был очень измученный вид; я надеюсь, что она спала так же плохо, как и я".

(14) *J'espère qu'à présent vous n'êtes plus fâchée* (LL254) "Я надеюсь, что сейчас вы уже больше не сердитесь".

2. Р выражено инфинитивным оборотом, т.е. X является одновременно главным участником Р. Как уже было сказано, ситуация-Объект при 'надеяться' может быть только неконтролируемой¹⁴. Поэтому попадая в контекст 'надеяться', предикат теряет сему контроля: действие и результат оказываются разделены некоторой областью неопределенности. Так, например, в предложении *Я надеюсь вас убедить* описывается ситуация, когда X собирается предпринять некоторые контролируемые действия, описываемые предикатом *убедить*, однако достижение результата - 'собеседник убежден' - неподконтрольно X-у. То же явление характерно для 'бояться III' (см. § 1).

а) Ситуация Р относится к будущему

(15) *J'espère te revoir bientôt* (MV171) "Надеюсь вскоре тебя увидеть".

б) Ситуация Р относится к миру мнений X-а о настоящем; обычно - статическая.

(16) *Nous espérons être arrivés au bout de nos peines* (DFC) "Мы надеемся, что наши несчастья на этом кончились" (для русского языка инфинитивное оформление в этом случае невозможно).

3. Р выражено существительным, номинализующим исходную пропозицию. Здесь возможны два типа синтаксических структур, которым соответ-

ствуется определенное различие в значении. Первый тип - конструкция с прямым дополнением, которое представляет собой отпредикатное имя, обозначающее единичное событие (*успех, победа*, и т.п.), реже - статическую ситуацию (*привязанность*; см. (19)). Значение - то же, что и при глагольном оформлении Р: *Il espère le succès* ('Он надеется на успех') ≠ 'Он считает вероятным, что будет успех'.

(17) *Il n'y eut que moi qui espérait la victoire* (Fenel.-R) "Лишь я один надеялся на победу".

(18) *j'hésite à vous donner ma lettre. Elle contient une demande et vous ne m'avez pas accoutumée à en espérer le succès* (LL114) "...у меня нет оснований надеяться на успех".

(19) *Après avoir éprouvé vos bontés vraiment maternelles, j'ai droit d'espérer d'elle l'amitié tendre d'une soeur* (LL32) "После того, как вы проявили ко мне буквально материнскую доброту, я вправе надеяться на ее сестринскую привязанность".

Второй тип представлен конструкцией с косвенным дополнением с предлогом *en*; субъект подчиненной предикации выражен притяжательным местоимением. Смысловое отличие от прямопереходной конструкции состоит в следующем. Ситуация-Объект как бы "расслаивается": с одной стороны, это статическая ситуация (чаще всего - обладание свойством), которая с некоторой, достаточно большой вероятностью, просто имеет место, например, определенное лицо обладает определенным свойством; с другой стороны, и это есть собственно Объект - какое-то конкретное событие, в котором проявляется это свойство. Так, *Он надеется на свою память* означает, что он одновременно: 1) 'считает, что обладает хорошей памятью' и 2) 'считает, что он нечто запомнит'. Примеры.

(20) *J'espère en votre compréhension* (DFC) "Я надеюсь на ваше понимание".

(21) *Dieu veut qu'on espère en son soin paternel* (Rac.-R.) "Богу угодно, чтобы мы надеялись на его отцовскую заботу".

(22) *Espère en ton courage, espère en ma promesse* (Corn.-L.) "Надейся на свою смелость, надейся на мое обещание". "Обещание" тоже может быть отнесено к рассматриваемому классу случаев, так как оно имеет две стороны: акт дачи обещания, который имеет место к настоящему моменту, и его выполнение, т.е. совершение какого-то поступка, обусловленного тем фактом, что обещание дано; таким образом, ситуация здесь аналогична соотношению наличия свойства и поступка, в котором оно проявляется.

Употребление, проиллюстрированное примерами (20)-(22), представляет собой переходный случай к значению 'надеяться III', где Объектом является другой человек.

В словаре Апресян, Палл 1982 конструкция *X надеется на N* в русском языке рассматривается как синонимичная конструкция с придаточным: *Она надеется на возвращение сына <--> Она надеется, что сын вернется*. Однако, как оказывается, в общем случае, именная и глагольная конструкции с 'надеяться' не вполне синонимичны. Сравним, например, предложения *Я надеюсь, что он приедет* и *Я надеюсь на его приезд*. Если первое предложение означает 'я считаю вероятным то положительное событие, что он приедет', то смысл второго (особенно при логическом акценте на глаголе) должен быть передан примерно следующим образом: 'я считаю, что его приезд с достаточно большой вероятностью повлечет за собой некоторое положительное событие'. При этом вопрос о степени вероятности его приезда (события Р) как бы отходит на задний план, оказывается вне фокуса внимания; главным компонентом оказывается положительная оценка того события, которое может произойти вследствие Р (и тем самым само Р приобретает вторичную положительную оценку). Другими словами, в предложении *Я надеюсь на его приезд* глагол *надеяться* выступает в ином значении, чем то, о котором шла речь до сих пор. Это значение 'надеяться II', у которого соотношение презумптивной и ассертивной частей значения обратное по сравнению с основным значением 'надеяться': эпистемический компонент находится в презумпции, а оценочный - в ассерции. В этом можно убедиться, проанализировав смысл соответствующего отрицательного предложения. Ср.: *Я не надеюсь на эту встречу* ≠ 'считаю, что она не приведет к желаемому результату'.

Осталось понять, почему в одних случаях именная конструкция синонимична глагольной, а в других нет. Ответ здесь, по-видимому, состоит в следующем. В том случае, если существительное в позиции дополнения при *надеяться* содержит оценочный компонент (например, *успех, спасение, выздоровление*) возможно только основное понимание - 'надеяться I' (при котором именная конструкция синонимична глагольной). Сочетание *возвращение сына*, упоминавшееся выше, также имеет прагматически обусловленный оценочный знак "хорошо": если сын не вернулся, значит с ним что-то случилось (плохое). Если же оценочный компонент отсутствует - как в словах *его приезд, эта встреча*, - то возможны оба понимания, причем понимание с 'надеяться II' предпочтительнее; в этом случае синонимия именной и глагольной конструкции отсутствует.

Для французского глагола *espérer* значение 'надеяться II' нехарактерно.

Сравнение 'надеяться' и 'бояться' с точки зрения статуса эпистемического и оценочного компонентов ("вероятность" и "оценка") в основном и не-

основном значении показывает, что они устроены зеркально по отношению друг к другу:

Таблица

презумпция	"вероятность"	"оценка"
ассерция	"оценка"	"вероятность"
	'бояться II' (основное значение)	'бояться III'
	'надеяться II'	'надеяться I' (основное значение)

Возвращаясь к основному значению 'надеяться', следует особо отметить вводное, или парентетическое, употребление, весьма характерное для этого глагола (примеры (23)-(25)). Здесь компонент переживания полностью отсутствует, а оценка вероятности является самой высокой. Вообще говоря, это уже не есть собственно оценка вероятности - вводное 'надеяться' употребляется просто для смягчения категоричности утверждения, см. (Urmsop 1970). Отличительной чертой глагола 'надеяться' во вводном употреблении является то, что он представляет собой средство формирования вопросительного высказывания или осуществления речевого акта вопроса (примеры (25), (26)). См. подробнее (Зализняк, Падучева 1987а, Iordanskaja, Mel'čuk 1990).

(23) Elle se répent, je l'*espère*, la pauvre enfant? (MeN413) "Она рассказывает, я **надеюсь**, эта несчастная девочка?"

(24) vous ne doutez pas, j'*espère*, de mon empressement à vous la remettre (LL102) "вы не сомневаетесь, я **надеюсь**, в моей готовности отдать вам его [письмо] в любую минуту".

(25) Un mémoire que je publierai prochainement ne laissera plus, je l'*espère*, aucune incertitude dans l'esprit de tous les archéologues de bonne foi (MeN473) "Отчет, который я скоро опубликую, рассеет, как я **надеюсь**, последние сомнения у всех добросовестных археологов".

Надеяться III'

Это значение реализуется в контексте дополнения, представленного именем лица: *Я на него надеюсь, Можешь на меня надеяться*; (26) *Nous*

ne pouvons plus espérer qu'en vous (DFC) "Мы можем надеяться только на вас", (27) *Souvenez-vous d'un fils qui n'espère qu'en vous* (Rac.-L.) "Вспомните о вашем сыне, который надеется только на вас". Значение 'надеяться III' отличается от 'надеяться I' тем, что предикат, характеризующий ситуацию-Объект, отсутствует, и ситуация оказывается представленной именем ее субъекта. Таким образом, здесь имя лица употребляется во вторичной синтаксической функции выражения пропозиции (см. об этом Арутюнова 1976, с.122-124). При этом имя лица может скрывать за собой любое из возможных действий этого лица. Предложение *Я на него надеюсь* означает 'Я надеюсь I, что он совершит некоторое действие'. Информация о том, в чем именно состоит это действие, может содержаться в предтексте, но может и отсутствовать.

Интересно, что предложение *Я на него надеюсь* не имеет узуального прочтения - в отличие от предложения *Я его боюсь*, т.е. Объект при 'надеяться III' не может иметь родового статуса. *Я его боюсь* предполагает обобщение всех возможных "плохих" ситуаций, каузированных этим человеком, а в предложении *Я на него надеюсь* имеется в виду лишь какой-то один поступок. Соответствующий смысл выражается другим глаголом: по-русски *полагаться на*, по-французски *compter sur*.

Употребление французского глагола *espérer* в значении 'надеяться III' является редким.

Значение 'надеяться IV' - 'ждать I' или 'ждать IV'. Примеры:

(28) *Je repartis pour l'Est ou Gabriel nous espérait* (Duham.-R) "Я снова отправился на Восток, где нас ждал Габриэль" ('ждать I').

(29) *Jamais je n'ai cessé de t'espérer. Avant de m'endormir, chaque soir, je pensais: s'il revient cette nuit, saura-t-il bien ouvrir la porte* (Gide-R.) "Я никогда не переставал тебя ждать. Каждый вечер, перед тем, как заснуть, я думал: а если он вернется этой ночью, сумеет ли он открыть дверь?" ('ждать IV').

Что касается русского глагола *надеяться*, то заслуживает внимания его употребление в форме деепричастия (*надеясь*), вводящего инфинитивный оборот или придаточное со значением цели и представляющее собой эквивалент союза *чтобы* с ослабленной степенью уверенности субъекта в том, что действие, описываемое глаголом в финитной форме, приведет к результату, описываемому подчиненной предикацией. Сравним два предложения:

(30) *Филипп поехал в Таллин, чтобы привезти оттуда столик карельской березы.*

(31) *Филипп поехал в Таллин, надеясь привезти оттуда столик карельской березы.*

В (30) Филипп уверен, что он привезет столик (например, он знает, что они там продаются, или он уже куплен и лежит у знакомых и т.п.), а в (31) Филипп лишь считает это возможным. Оценочный компонент является общим для *чтобы* и *надеясь*. Другими словами, 'X сделал P_1 , чтобы имело место P_2 ' означает '1) X хочет P_2 ; 2) X считает, что P_1 влечет P_2 ', а X сделал P_1 , надеясь, что будет иметь место P_2 , означает '1) X хочет P_2 ; 2) X считает, что P_1 с некоторой вероятностью влечет P_2 '.

В заключение отметим еще одно свойство, отсутствующее у 'надеяться' и имеющееся у 'бояться': 'надеяться' не имеет значения, требующего неодушевленного субъекта. Это связано с тем, что в основном значении 'надеяться' оценочный компонент находится в презумпции, т.е. он подавлен - а именно этот компонент обеспечивает возможность того метафорического переноса, который происходит при употреблении *бояться* в контексте неодушевленного субъекта (*Это растение боится холода*). Несочетаемость с неодушевленным субъектом связана также с отсутствием у 'надеяться' узуального употребления.

§ 3. 'Ждать'

Глаголы со значением 'ждать' не относятся ни к типичным пропозициональным установкам, ни к типичным эмоциональным состояниям. Они имеют однако, значения как ментального, так и эмоционального состояния. Б. Расселл говорит о "чувстве ожидания" (feeling of expectation) так: "Когда человек считает, что должен произойти взрыв, он находится в некотором состоянии напряжения, которое разрешится, когда взрыв действительно произойдет; а если мнение было ложным, оно сохранится еще в течение некоторого времени, а потом уступит место удивлению. Состояние напряжения может быть названо <<ожиданием>>" (Russell, 1940; с.223-224). Выражение "переживать чувство ожидания" употребляется в статье "ждать" Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н.Ушакова. В данной связи интересна также образная, но точная мысль Ф.Брюно: "Прилагательное, глагол, дополнение видоизменяют облик ожидания. Оно становится нетерпеливым и тревожным, или же спокойным и уверенным; оно превращается в надежду, стремление, или опасение. Но что такое ожидание в чистом виде, само по себе? Расчет или желание?" (Brunot 1953, с.50). Действительно, 'ждать' охватывает весь диапазон состояний от расчета, т.е. крайней ментальной точки, до желания, расположенного среди эмоций.

Поскольку, кроме того, 'ждать' относится к ПВС лишь в некоторых из своих значений, мы будем различать три группы значений 'ждать': 1) значе-

ния, включающие компоненты внутреннего состояния (значения I-II);¹⁵ 2) собственно внутренние состояния (значения III-IV); 3) не внутренние состояния (значение V).

Для описания значений 'ждать', относящихся к первой группе, необходимо ввести ряд параметров, не входящих в общий перечень семантических компонентов, релевантных для ПВС. А именно, для 'ждать' существенным является, во-первых, время наступления Р (момент t_1) и интервал $t_0 \sim t_1$, т.е. временной промежуток между началом ожидания (t_0) и наступлением Р; во-вторых, локализация в пространстве для события Р (место L) и для субъекта X (место L).

'Ждать I'

Семантическая структура:

[през.]: 'X считает, что Р произойдет'

или: 'X знает, что Р произойдет'

или: 'X считает, что Р возможно'

'Р неконтролируемо для X-а'

'Р важно для X-а'¹⁶

('X считает/ощущает, что Р хорошо')¹⁷

[асс.]: 'X находится в промежутке времени $t_0 \approx t_1$ '

('X находится в месте L')

(наличие "переживания").

Значение 'ждать I' является основным; оно реализуется в трех вариантах - в зависимости от характера локализации в пространстве события Р и субъекта X (мы не выделяем эти варианты в отдельные значения, так как различия между ними определяются признаками, не релевантными для ПВС в целом). А именно, с одной стороны, событие Р может быть локализовано или не локализовано в пространстве. К событиям, которые не могут быть локализованы в пространстве, относится наступление тех или иных моментов времени или начало временных периодов - полночь, лето, восход солнца и т.п.; эти события характеризуются также тем, что их наступление детерминировано - они наступают "с вероятностью 1" (признак эпистемической оценки в этом случае имеет значение 'X знает, что Р произойдет'). С другой стороны, для семантики 'ждать I' существенно нахождение X-а в месте L', совпадающем или не совпадающем с L. Значения указанных признаков образуют три допустимых комбинации (за счет того, что для событий, не локализованных в пространстве, второй признак не релевантен):

X нахо- дится в месте L':	P: находится в месте L	не локализовано в пространстве
L'-L	Ia Я буду ждать тебя в 7 часов у входа в кино- театр	Iв Ждать восхода солнца на балконе
L'→L	Iб Я подожду тебя на улице	

Ia. В этом случае асертивный компонент 'X находится в месте L' является обязательным, и притом основным: прекращением ситуации ожидания в этом смысле является уход X-а с места L'. В значении 'ждать Ia' может присутствовать, кроме того, дополнительный смысл 'P произошло позже предполагаемого срока', ср. пример (2).

(1) Ils vont m'attendre à Lyon, où je dois les rejoindre (TR249). "Они будут **ждать** меня в Лионе, где я должен к ним присоединиться".

(2) Mariolle venait d'arriver chez elle. Il l'attendait, car elle n'était pas rentrée (MC53) "Мариоль пришел к ней домой; он **ждал** ее, так как она еще не вернулась".

(3) Il ne vint pas. Ni ce jour-là, ni le lendemain, ou je restai couchée, prétextant une grippe, pour l'attendre (SC175) "Он не пришел ни в тот день, ни на следующий, когда я лежала дома, притворяясь больной, и **ждала** его". Здесь признак эпистемической оценки имеет значение 'X считает, что P возможно'; присутствуют компоненты оценки и эмоции.

(4) L'oncle voyageur attendait Bertrand à la terrasse d'un café (SC15) "Дядя-путешественник **ждал** Бертрана в летнем кафе".

Iб. Здесь основным является компонент 'X находится в промежутке времени $t_0 - t_1$ '; предложения с глаголом 'ждать' в этом значении могут быть перифразированы при помощи выражений типа *провести время* (ср., в особенности, примеры (6), (7), которые вообще не могут быть переведены на русский язык с использованием глагола *ждать*).

(5) Il va falloir **attendre** dans cette chambre ou bien errer dans les rues (Loti-R) "Надо будет **подождать** в этой комнате или же погулять по улице".

(6) Il fut replongé dans cette sombre prison pour **attendre** que l'instrument se son supplice fût prêt (PTR 138) "он был снова брошен в эту мрачную тюрьму в **ожидании** того, когда будет готово орудие его пытки".

(7) Puis on fit un tour dans le jardin pour **attendre** le dîner (MV52) "Потом все пошли прогуляться по саду, чтобы провести оставшееся до ужина время".

Центральное положение компонента 'X находится в промежутке времени $t_0 - t_1$ ' объясняет грамматикализацию выражения *en attendant (que)* как союза со значением "пока не", "пока"; ср.:

(8) Il faut au moins le renfermer en soi-même, **en attendant que** j'arrive à le vaincre (LL83) "Я должен таить [свое чувство], **до тех пор пока** я не смогу его победить".

(9) Tu rencontreras un autre homme. **En attendant**, tu as ton travail (BI162) "Ты встретишь другого мужчину. **А пока** у тебя есть твоя работа".

Ив. Событие P не локализовано в пространстве.

(10) ...des nuits passées dans ce bar à parler, à boire, à **attendre l'aube** (SC104) "...ночи, проведенные в этом баре за разговорами, вином, **ожиданием рассвета**".

(11) Prêtez-moi seulement, vallons de mon enfance, Un asile d'un jour pour **attendre la mort** (Lamart.-R) "Дайте мне долины моего детства, Хоть **однодневный приют, чтобы ждать в нем смерти**".

В значении 'ждать I' может содержаться факультативный имплицативный акциональный компонент *X ждет P* $\rightarrow$ 'до наступления P X не делает R':

(12) Impossible d'**attendre plus longtemps** ma mère et Salomé(P): nous montons(R), pour déboucher dans un grand salon "Дольше **ждать** мать и Саломе уже невозможно; мы поднимаемся и входим в просторную гостиную".

(13) J'**attendrai jusqu'à cinq heures**(P); et si alors je n'ai pas eu de nouvelles, j'irai en chercher moi-même(R) (LL470) "Я буду **ждать** до пяти часов; если новостей не будет, то я отправлюсь за ними сам".

'Ждать II'

Семантическая структура:

[през.]: 'X знает, что P произойдет'

'P неконтролируемо для X-а'

'R контролируемо для X-а'

'R важно для X-а'

'X находится в промежутке времени $t_0 - t_1$ '

[асс.]: 'X находится в промежутке времени $t_0 - t_1$ '

'X не делает R до наступления P'.

Акциональный компонент ('X не делает R') является для этого значения не имплицативным, как в 'ждать I' а основным (ассертивным). Примеры.

(14) *J'attendis deux heures du matin(R) et alors je me rendis à la chambre du rendez-vous(R)* (LL126) "Я дождался двух часов ночи и тогда пошел в комнату, где было назначено свидание".

(15) *de toute façon vous auriez dû attendre d'être plus ingambe(P)* (BC463) "В любом случае вам следовало бы подождать (= не делать того, что вы собираетесь сделать, до тех пор), пока вы будете лучше себя чувствовать" (R - не выражено).

В контексте отрицания имплицативный компонент в 'ждать II' оказывается в сфере его действия, т.е. подвергается следующему преобразованию: *X не ждет P* --> $\neg$ ('X не делает R до наступления P') --> 'X делает R до наступления P':

(16) *Vivez, si m'en croyez, n'attendez à demain(P), Cueillez dès aujourd'hui les roses de la vie(R)* (Rons.-R) "Живите, и поверьте мне, не ждите до завтра, Срывайте уже сегодня цветы жизни". Ср. также: *Мы вышли, не дожидаясь рассвета - Мы вышли до рассвета.*

Ждать III'

Семантическая структура:

[през.]: 'P неконтролируемо для X'

[асс.]: 'X считает вероятным, что P произойдет
(будет иметь место)'

Наиболее существенное отличие значения 'ждать III' от 'ждать I' состоит в том, что эпистемический компонент находится здесь в ассертивной части, т.е. является главным. Поэтому именно он подвергается отрицанию. Так, *Не ждите меня раньше восьми* значит 'я приду не раньше восьми', т.е. не следует считать, что P (мой приход раньше восьми) будет иметь место. Таким образом, глагол *attendre* в значении 'ждать III' относится к предикатам ментального состояния (ср. Рассел 1957, с.461) и может быть переведен словами *думать, полагать, рассчитывать* (см. пример (20)). Значение 'ждать III' в целом безразлично к оценке.

Тип ситуации, соответствующей значению 'ждать III' - **устойчивое состояние**, т.е. ситуация, "не заполняющая" промежутка времени, в течение которого оно имеет место, и не локализуемая в пространстве (см. гл. I § 1.3). Поэтому в 'ждать III' отсутствуют компоненты 'X находится в промежутке времени $t_0 - t_1$ ', и 'X находится в месте L', что проявляется в несочетаемости глагола *attendre* в значении 'ждать III' с обстоятельством времени и ме-

ста, характеризующими главную предикацию. Так, например, в предложении *Je t'attends le soir chez moi* "Я жду тебя сегодня вечером у меня" обстоятельства "сегодня вечером" и "у меня" могут быть поняты только как атрибуты подчиненной, а не главной предикации. Примеры.

(17) *ceux-ci [ces livres] n'appartenaient à l'espèce commune: j'en attendais d'extraordinaires révélations* (BM241) "эти книги были какие-то особенные: я ждала от них неслыханных откровений".

(18) *Je l'attendais rancunière, réservée. Conquérante, elle se met en frais* (BC335) "Я ждал, что она обидится, будет держаться натянуто. А она, победительница, рассыпается в любезностях". Ср. русск. пер.: "Я-то думал, она надуется..." Этот пример заслуживает особого внимания, так как здесь глагол *attendre* выступает в конструкции с подчиненным прилагательным в предикативной функции (*accusativus cum adjectivo*), которая возможна только для глаголов мнения, ср. *Je la croyais rentrée, Je la savais rentrée*, но **Je la voulais rentrée*.

(19) *Je n'attendais pas Bertille dont la tante habite à cinquante kilomètres de Bourges* (BC468) "Я не ждал Бертиль, которая жила у тетки в пятидесяти километрах от Буржа" (= я не рассчитывал на то, то Бертиль придет).

(20) *vous n'attendez pas sans doute, que ce soit moi qui vous instruisse* (LL184) "вы, надеюсь, не ждете (= не рассчитываете), что я буду тем человеком, который вам откроет эту тайну".

Значение 'ждать III' отличается от структурно близких к нему значений 'бояться III' и 'надеяться I' в одном существенном отношении. Если для 'бояться III' и 'надеяться I' важно не столько отнесение события-Объекта к плану будущего, сколько к концептуальному миру мнений (а не знаний) X-а, то для 'ждать III' существенно именно предстояние события в будущем; ср.: *Я жду, что ты принесешь (*принес) мне книгу* при допустимости *Я надеюсь, что ты принесешь (принес) мне книгу*.

Значение, близкое к 'ждать III', может быть выражено во французском языке глаголом *s'attendre à*. При этом между *s'attendre à* и *attendre* в значении 'ждать III' имеется определенное различие. А именно, при отрицании глагола *attendre* ассертивный компонент значения 'ждать III' преобразуется следующим образом: 'X считает, что P произойдет' --> 'X считает, что P не произойдет' (см., например, (19)); а при взаимодействии отрицания с глаголом *s'attendre à* реализуется "третий вариант" - 'X ничего не считает по поводу P', пропозиция P вообще не принадлежит его концептуальному миру (ср. такое же взаимодействие с отрицанием в 'подозревать III'). Например:

(21) *je ne m'attendais pas au premier obstacle que j'y rencontrai* (LL246) "Первое же препятствие, с которым я столкнулась, было для меня

неожиданностью". Неверно, что героиня считала, что никаких препятствий не будет: она ничего не считала по этому поводу.

'Ждать IV'

Семантическая структура:

[през.]: 'X считает, что P произойдет'

реже: 'X считает, что P возможно'

'P неконтролируемо для X-а'

'X находится в промежутке времени $t_0 - t_1$ '

'P важно для X-а'

[асс.]: 'X ощущает, что P хорошо'

наличие "переживания".

Значение 'ждать IV' описывает эмоциональное состояние. Специфика этого значения может быть продемонстрирована на примере предложения (22), где глагол *attendre* употреблен дважды - первый раз в значении 'ждать I', а второй раз - в значении 'ждать IV'.

(22) *Acquérir à force d'immobilité une sorte de hâle doux sur le visage et le corps, attendre sans attendre que les vacances soient finies (SC90)* "Неподвижно загорать на солнце и **ждать, не томясь ожиданием**, конца каникул". Выражение *attendre sans attendre* содержит игру слов, построенную на противопоставлении двух значений 'ждать' - буквально: "находиться в состоянии 'ждать I', не находясь при этом в состоянии 'ждать IV'", т.е. считая, что P произойдет, что P неконтролируемо, и находясь в промежутке времени $t_0 - t_1$, не хотеть, чтобы P произошло и не испытывать соответствующего переживания.

Событие P в значении 'ждать IV' всегда имеет высокую оценку по шкале субъективной важности; кроме того, здесь может быть и собственно оценочная сема. Компонент положительной оценки в 'ждать' является **неустойчивым**, т.е. событие, не имеющее в своем обозначении оценочного признака, приобретает его, оказавшись Объектом при 'ждать IV'; если же в обозначении события-Объекта содержится противоположный оценочный признак, то положительная оценка из значения 'ждать IV' исчезает. Так, в примере (24) нейтральное слово *événement* "событие" приобретает смысл "положительное событие", а в (27) выражение *coup de grâce* "последний удар", содержащее отрицательную оценочную сему, вытесняет из семантической структуры 'ждать' компонент положительной оценки. Для состояния ожидания, описываемого значением 'ждать IV', характерна неоднозначность оценки самого состояния (в отличие, например, от таких состояний, как страх или надежда, где знак оценки события-Объекта всегда соответствует знаку оценки самого состояния. При положительной оценке Объекта ожида-

ние может быть как счастливым (см. (28)), так и мучительным (см. (30)-(32)), а также совмещать в себе элементы того и другого (см. (33), (34)).
Примеры.

1) Обозначение Объекта не содержит оценочного признака:

(23) car elle avait attendu ce jour du départ avec une impatience grandissante (MV15) "она ждала дня отъезда с возрастающим нетерпением".

(27) Au fond de son âme, cependant, elle attendait un événement (FB108) "Однако в глубине души она ждала события".

2) содержит косвенное указание на положительную оценку:

(25) Chez moi, la nouveauté suscitait toujours un espoir. J'attendis la rentrée avec impatience (Bm221) "Все новое рождало во мне надежду. Я ждала начала учебного года с нетерпением".

(26) Louis-Philippe attendit l'événement comme l'araignée attend le moucheron qui se prendra dans sa toile (Chateaub.-R) "Луи-Филипп ждал этого события, как паук ждет, когда муха попадет в его сети".

3) содержит указание на отрицательную оценку:

(27) M.Chasle ... les epaules rondes, les mains aux genoux, semblait attendre le coup de grâce(-) (Mart. du G.-R) "Г-н Шаль, опустив плечи и сложив руки на коленях, казалось, ждал последнего удара".

4) В предложении имеется указание на положительную оценку состояния:

(28) Il marchait dans une attente heureuse(+) (MC53) "Он шел в счастливом ожидании".

(29) La jeunesse est une attente misterieuse(+) (Hugo-R) "Молодость это таинственное ожидание".

5) имеется указание на отрицательную оценку состояния:

(30) Il attendait alors dans une anxiété visible(-) une reponse à son envoi, reponse qui venait ou ne venait pas (From.-R) "Он ждал ответа с видимым беспокойством - ответа, который мог прийти, а мог и не прийти".

(31) Il attend tout frissonnant de la sueur froide et de l'angoisse du cauchemar(-) (Daud.-R) "Он ждет, весь в холодном поту и мучимый кошмарами".

(32) Le supplice(-) d'attendre est l'enfers des amants (Boissy-R) "Мука ожидания - это ад влюбленных".

6) смешанная оценка состояния:

(33) André Mariolle attendait qu'elle parût avec un poignant sentiment d'inquietude et de bonheur(+/-) (MC74) "Андре Мариоль ждал ее появления с острым чувством беспокойства и счастья".

(34) Elle attendit anxieuse, le coeur crispé(+/-), ce je ne sais quoi deviné, et annoncé en termes confus par son père, cette révélation misterieuse de

ce qui est le grand secret de l'amour (MV56) "Она ждала с тревогой, со сжимающимся сердцем... того, что есть откровение величайшей тайны любви".

7) Отрицательная оценка состояния при положительной оценке Объекта:

(35) L'attente d'être heureux(+) devient une souffrance(-) (Muss.-R) "Ожидание счастья становится страданием".

(36) Lorsqu'on doit voir le soir la femme qu'on aime l'attente d'un si grand bonheur(+) rend insupportables(-) tous les moments qui en séparent (Stend.-R) "... ожидание столь великого счастья делает невыносимым все то время, которое от него отделяет".

Для глагола attendre в значении 'ждать IV' актанта, соответствующий Объекту, является факультативным (ср. примеры (34), (35)), что характерно для всех глаголов, обозначающих эмоциональные состояния; в остальных значениях 'ждать' Объект выражается обязательно.

'Ждать V'

Значение 'ждать V' не относится к внутренним состояниям. Оно реализуется в контексте неодушевленного субъекта и имеет два варианта - с предметным и пропозитивным именем в позиции субъекта. Объектная валентность глагола в обоих вариантах чаще всего заполняется именем лица (Y).

Рассмотрим сначала случай, когда субъектная валентность заполняется именем пропозиции (P). *P ждет Y-a* - 'X считает, что Y-у предстоит P'. Таким образом, из общего значения 'ждать' здесь остался только компонент 'X считает, что P будет иметь место', причем субъект этого мнения (X) - это не субъект глагола 'ждать', как в значениях, описывающих внутренние состояния, а говорящий. Например:

(37) Quel enfer l'attend (BI116) "Какой ад ее ждет!"

(38) voyez donc des désagréments qui vous attendent (LL24) "подумайте же о неприятностях, которые вас ждут".

(39) Il commençait ... à me parler du bonheur qui nous attendait (MuC385) "Он начал ... говорить мне о счастье, которое нас ждет".

(40) Газеты утверждали, что шхуну "Св.Мария" ждет неизбежная гибель.

В случае, когда субъектная позиция заполнена именем предмета (N), существующего в момент t_0 , выражение *N ждет Y-a* значит 'N находится в распоряжении Y-a'. На самом деле этот случай сводится к рассмотренному выше (т.е. к случаю с пропозитивным подлежащим), с одним лишь различием. А именно, *N ждет Y-a* значит, что говорящий считает, что возможно осуществление ситуации P, которая состоит в том, что Y как-то использует

N (если у N есть естественная функция, в которой его используют - например, в машине ездят, обед едят и т.д., - то в этой функции, если нет, то в какой-то другой; так, функция беседки в примере (44) состояла в том, что в ней происходили свидания героя с героиней). То обстоятельство, что наступление заданного таким образом P не обязательно, а всего лишь возможно - так как Y может не воспользоваться N, - находится в соответствии с тем, что признак эпистемической оценки в 'ждать' может иметь значение 'X считает, что P возможно'. Примеры:

(41) Le goûter m'attendait sur le guéridon (BC359) "Полдник ждал меня на круглом столике".

(42) La voiture l'attendait sous la marquise (PTR,228) "Карета ждала его у крыльца".

(43) Je vis ... la mer complaisante qui m'attendait (SC113) "Я увидела ласковое море, которое меня ждало".

(44) Ce pavillon vous attend (MC80) "Эта беседка ждет вас".

В значении 'ждать' обращает на себя внимание существование пар типа *Он ждал успеха* ('ждать III') и *Его ждал успех* ('ждать V'). Эти два предложения соответствуют двум возможным способам представления развития событий во времени (см. Lakoff, Johnson 1980): события движутся на неподвижного человека (*Он ждал успеха*, ср. *Он ждал прибытия поезда*) и человек движется навстречу неподвижным событиям (*Его ждал успех*, ср. *На вокзале его ждали двое полицейских*).

Таким образом, общее значение 'ждать' состоит в представлении о субъекте X и событии P, разделенных между собой некоторым пространственно-временным промежутком, который - за счет движения либо того, либо другого - уменьшается просто с течением времени, и, при нормальном ходе вещей, должен сойти на нет, т.е. субъект X и событие P должны соединиться в одной точке. Это представление, в той или иной форме, присутствует в 'ждать' всегда. При этом в разных частных значениях разные элементы этой картины выступают на первый план: сама встреча субъекта X и события P в одной пространственно-временной точке ('ждать I'), идея "предстояния" этой встречи в сознании субъекта X ('ждать III') или в "чужом" сознании ('ждать V'); в остальных значениях развиваются, кроме того, дополнительные смыслы ("действие" - в 'ждать II', "переживание" - в 'ждать IV').

§ 4. 'Сожалеть'

В данном параграфе будет рассмотрена семантика французских глаголов *regretter* и *se repentir*, существительного *regret*, а также русских глаголов и предикатных выражений - *сожалеть, жалеть, жалко, жаль, к сожалению*.¹⁸

Изложим сначала некоторые соображения, касающиеся смысла 'сожалеть' в целом. Наиболее характерной чертой сожаления является представление о некоей альтернативе тому событию, которое реально имело место, представление о том, что "все могло быть иначе". Как сказал П.Валери, *Il est naturel et absurde de regretter les belles choses qui ne sont pas faites, et qui nous semblent encore avoir été possibles, bien après que l'événement a démontré qu'il n'y avait pas de place pour elles dans le monde*¹⁹. Идея о существовании такого возможного мира, в котором имеет место не-Р, не входя непосредственно в семантическую структуру предикатов со значением 'сожалеть', обуславливает многие их семантические свойства, в частности - необъяснимое на первый взгляд расхождение между его значениями. Остановимся на этом подробнее.

Приведем сначала некоторые существующие определения сожаления. А.Вежбицкая предлагает следующее толкование: *X feels regret = X feels as one does when one thinks that what one desires not to have happen has happened* "X чувствует сожаление = X чувствует то, что чувствует человек, когда считает, что то, чего он хотел, чтобы не произошло, [на самом деле] произошло" (Wierzbicka 1972, с.64). Т.е. согласно Вежбицкой, сожаление есть переживание того, что произошло нечто неприятное. Лейбниц говорит, что "раскаяние (сожаление) есть страдание из-за совершенной ошибки или греха (*Poenitentia est dolor de comisso errore seu peccato*) - Leibniz 1975, с.64.²⁰

С другой стороны, имеется определение Декарта, которое выглядит следующим образом: "ушедшее благо (*le bien passé*) вызывает в нас сожаление, что есть разновидность печали". "Сожаление есть вид печали, которая [...] имеет особую горечь, так как она связана с воспоминанием об удовольствии, которое давало нам обладание вещью" (Descartes 1919, с.378,484, Декарт 1950, с.628,698).

При сопоставлении этих толкований обращает на себя внимание их несходство между собой: действительно, у Лейбница (как и у А.Вежбицкой) речь идет о том, что в прошлом имело место нечто плохое, а у Декарта - нечто хорошее. При этом определения обоих типов соответствуют языковому употреблению; так, можно, с одной стороны, *сожалеть о дурном поступке*, а с другой - *сожалеть о счастливых годах юности*; *regretter ses fautes* и

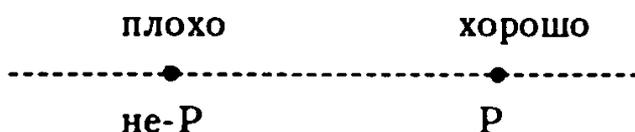
regretter sa jeunesse. Таким образом, оказывается, что у глагола, в семантике которого оценочный компонент является главным, ситуация-Объект может иметь оценку как "плохо", так и "хорошо".

Итак, речь пойдет о соотношении между значениями, которые мы будем называть, соответственно, 'сожалеть I' и 'сожалеть III' (значение 'сожалеть II' отличается от 'сожалеть I' по другому признаку, см. ниже); 'сожалеть I' содержит оценочный компонент 'Р плохо', 'сожалеть III' - 'Р хорошо' (полное описание семантической структуры этих значений приводится ниже).

В значении 'сожалеть I' семантический актанта Объект представляет собой ситуацию, имеющую место в настоящий момент (в частном случае, это может быть событие, происшедшее в прошлом, но результат которого ощущается субъектом как актуальный в настоящий момент: например, *Я сожалею, что доставил вам огорчение*); в любом случае Объект - это существующее в настоящий момент положение вещей Р. Эта ситуация Р имеет оценку "плохо", а альтернативная к ней, т.е. отсутствие Р, или не-Р, имеет оценку "хорошо" т.е. Р и не-Р следующим образом располагаются на оценочной шкале:

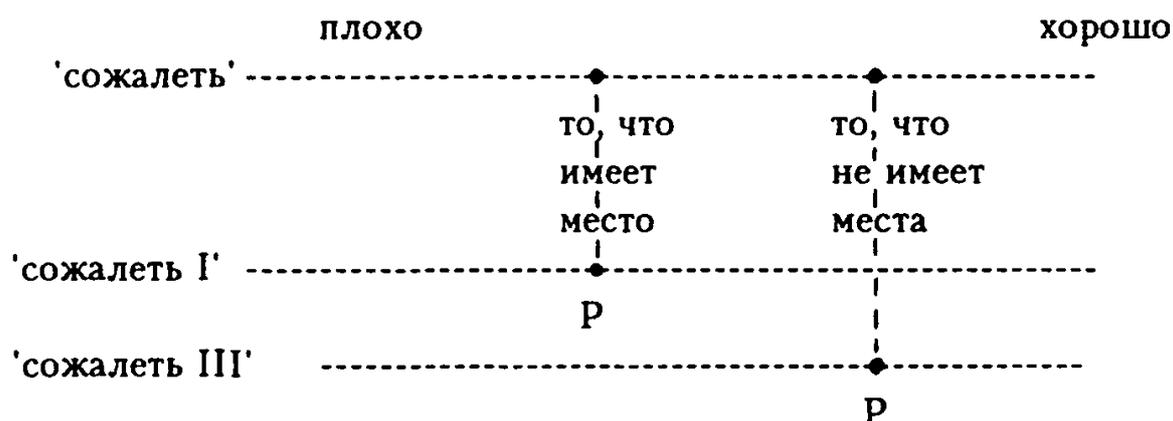

Рассмотрим теперь значение 'сожалеть III'. Здесь Объект (например, *счастливые годы юности*) - это ситуация Р, имевшая место в прошлом и не имеющая места в настоящем. Р имеет оценку "хорошо", а не-Р - "плохо", т.е. Р и не-Р расположены на оценочной шкале следующим образом:

Противоположность ценностного соотношения Р и не-Р в значениях 'сожалеть I' и 'сожалеть III' объясняется тем, что для семантики 'сожалеть' релевантно не сравнение Р и не-Р, т.е. ситуации-Объекта и ее отсутствия, а сравнение положения вещей, **имеющего место в настоящий момент**, т.е. некоторой ситуации действительного мира, с альтернативной к ней ситуацией **не имеющей места в настоящий момент**, т.е. относящейся к одному из возможных миров (в 'сожалеть I' это неосуществившаяся ситуация, в 'сожалеть III' - относящаяся к прошлому). Таким образом, в обоих случаях то, чего

нет, оказывается лучше того, что есть. Это и есть общая семантика сожаления. 'Сожалеть I' и 'сожалеть III' различаются тем, какая из этих двух ситуаций - ситуация **действительного мира** или одного из **возможных миров** - выбирается в качестве актанта-Объекта: в 'сожалеть I' Объектом оказывается ситуация, имеющая место в настоящий момент, а альтернативная к ней не получает языкового выражения, а в 'сожалеть III' в качестве актанта предиката выбирается несуществующая ситуация.

Тем самым, в первом случае мы сожалеем о том, что есть и что плохо, а во втором - о том, чего нет и что хорошо. Ср.: *Он сожалел, что он больше не студент* (сожалеть I) и *Он сожалел о студенческих годах* ('сожалеть III'). При этом Объектом в первом случае является **факт**, а во втором - **ситуация** (см. гл. I, § 3.3).

Перейдем теперь к описанию семантической структуры каждого из значений 'сожалеть'.

'Сожалеть I'

Семантическая структура:

[през.]: 'X знает, что P имеет место'²¹,

[асс.]: 'X считает, что P плохо',

или: 'не-P лучше, чем P',

или: 'X ощущает: P плохо'

(наличие "переживания").

Признак контролируемости P для этого значения 'сожалеть' нерелевантен, но чаще P бывает неконтролируемым.

Значение 'сожалеть I' является основным из частных значений 'сожалеть'. Семантический актанта Объект может выражаться придаточным предложением, инфинитивным оборотом (чаще всего), или существительным-номинализацией. 'Сожалеть I' охватывает определенный диапазон смыслов. На одном его конце находится соответствующее переживание: оценочный компонент реализуется здесь в варианте 'X ощущает: P плохо'. В этом случае

предложения с глаголом, имеющим значение 'сожалеть I', могут быть перифразированы при помощи выражений *X-а огорчает, X-у неприятно, X-у грустно*. Приведем некоторые примеры такого употребления:

(1) *j'aperçus à ce moment-là que j'avais un peu oublié Luc. Je le regrettai.* (SC 20) "Я почувствовала в этот момент, что немного забыла Люка. Я об этом **пожалела** (*мне стало грустно)".

(2) *J'ai dormi quatre heures. - Ne t'affole-toi, dit Luc, nous n'avons rien à faire. - Tu le regrettes? demandai-je. - Je n'aime que ça.* (SC116) "... Ты об этом **сожалеешь?** (*Тебя это *огорчает?*) - Это единственное, что я люблю". Указанием на то, что глагол *regretter* здесь обозначает именно эмоциональную оценку, является его употребление в контексте противопоставления глаголу эмоциональной оценки *aimer* 'любить, нравиться' (в данном употреблении они различаются только по знаку оценки); ср. также пример (16), где противопоставляются *regretter* и *être soulagé*.

(3) *Je vous assure que je regrette bien plus de ne pas être avec vous que le spectacle* (LL45) "Я вас уверяю, что я больше **сожалею** о том, что я не увижусь с вами, чем о том, что я пропущу спектакль". Ср. русский перевод: "меня больше огорчает то..."²²

На другом конце диапазона, охватываемого значением 'сожалеть I', находится состояние, ориентированное на оценочное суждение 'Р плохо' и не предполагающее эмоции (переживания). В значение 'сожалеть I' может входить, кроме того, компонент выражения состояния его субъектом. Это употребление близко к перформативному: оно реализуется только в 1-м лице наст. времени и является показателем того, что можно было бы назвать речевым актом выражения сожаления (ср. Urmsom 1970, с.225-226). Этот же речевой акт осуществляется при употреблении выражений *quel dommage* (см. пример (8)), по-русски - *как жаль, жалко, к сожалению*. При этом русское *к сожалению* (так же как и английское *I regret*) есть способ сообщения новой информации, в то время как выражения *quel dommage, жаль, жалко* обычно представляют собой способ высказать оценку уже известного факта; глагол *regretter*, как и *сожалеть*, может употребляться в обеих функциях, ср. (4), где сообщается новый факт, и (5), где оценивается известный.

(4) *Je regrette de ne pouvoir vous rendre ce service* (DFC) "К **сожалению**, я не могу оказать вам эту услугу".

(5) *Je regrette de vous avoir fait attendre* (R) "Весьма **сожалею**, что я заставил вас ждать".

(6) - *Vous restez déjeuner, ma mère? - Hélas, non, je regrette, il faut que je sois rentrée à Paris pour deux heures* (BC335) "Вы останетесь завтракать, мама? - **К сожалению**, нет: мне к двум часам нужно вернуться в Париж".

(7) *Ma chère Dominique, je regrette, mais je vais être obligé de partir* (BI157) "Дорогая Доминика, мне очень жаль, но я буду вынужден уехать".

(8) *Quel dommage que Simone ne soit pas un garçon: elle aurait fait Polytechnique! J'avais souvent entendu mes parents exhaler ce regret* (BM247) "<<Как жалко, что Симона не мальчик: она могла бы поступить в Политехнический институт>>. Я часто слышала, как мои родители высказывали это сожаление". Этот пример интересен тем, что он содержит сам речевой акт сожаления и его описание: произнесение предложения с *quel dommage* описывается далее как "высказывание сожаления".

В русском языке значение 'сожалеть I' выражается словами *жаль*, *жалко*: *Жаль, что вас не было с нами; Мне жалко, что теперь зима и комаров не слышно в доме* (Мандельштам). Глаголы *сожалеть* и *жалеть* в первом лице имеют квазиперформативное употребление, о котором шла речь выше, в не 1-м лице они употребляются в этом случае для передачи чужого высказывания (реального или потенциального) со словом *жаль* или *жалко*. Так, нельзя сказать **Я жалею, что сейчас зима и нельзя кататься на лыжах*, **Я жалею, что пошел дождь* (надо сказать *жалко* или *жаль*), но можно - для передачи чужого состояния (скорее всего, выраженного словами) *Он (по)жалел, что сейчас зима*. Ср.: *Он пожалел, что теперь осень и холодно, что он в сапогах, в свитере, а то найти бы уголок на этом или на другом острове, где скалы и песочек, и прозрачная вода, лежать бы на солнце и ни о чем не думать* (Ю.Казаков).

'Сожалеть II'

Отличие значения 'сожалеть II' от 'сожалеть I' состоит в том, что ситуация-Объект здесь контролируема для X-а, т.е. представляет собой некоторый совершенный X-ом в прошлом поступок, результат сознательного выбора. Определяющим для семантики 'сожалеть II' является представление о том, что этот выбор был сделан неправильно.

Семантическая структура:

[през.]: 'X знает, что P имеет место',

'P контролируемо для X-а',

[асс.]: 'X считает, что P плохо'

или: 'не-P лучше, чем P'

или: 'X ощущает: P плохо'

(наличие "переживания").

Для семантической характеристики значения 'сожалеть II' существенно установление его соотношения с 'раскаиваться' - смыслом, очень близким к 'сожалеть II', но не тождественным ему. Различие между состояниями, соответствующими 'сожалеть II' и 'раскаиваться' состоит, в конечном счете, в

качестве переживаемой эмоции. Мы, однако, укажем лишь те различия, которые могут быть описаны в терминах используемых нами семантических компонентов, характеризующих типичную ситуацию возникновения того и другого состояния. Общая семантика 'сожалеть II' и 'раскаиваться' может быть представлена следующим образом: это состояние, в котором находится человек, когда, думая о некотором своем поступке P, он считает, что если бы можно было "вернуться назад" и снова принимать решение, делать или не делать P, он бы не сделал P.

Различным же является следующее. Во-первых, для 'раскаиваться' компонент переживания является обязательным (это главный ассертивный компонент), а для 'сожалеть II' он факультативен. Во-вторых, существенно различным образом устроен оценочный компонент: в 'раскаиваться' он может выступать только в варианте 'P плохо', т.е. только в форме абсолютной оценки, а в 'сожалеть II' возможна как абсолютная, так и относительная оценка ('не-P лучше, чем P'). В 'сожалеть II', кроме того, отрицательная оценка ситуации P может быть вторичной, т.е. P может расцениваться как плохое, потому что оно влечет плохое событие Q; в 'раскаиваться' оценивается непосредственно P. Это различие проявляется, в частности, в том, что Объектом при 'раскаиваться' не может быть ситуация, которая имеет оценочный знак (+), а при 'сожалеть II' это возможно, так как ситуация-Объект оценивается не сама по себе, а лишь как средство - более или менее эффективное - для достижения какой-то цели: в этом случае очевидно, что ситуация, сама по себе положительная (содержащая оценочную сему "хорошо") может оказаться плохим средством для достижения какого-то результата. Так, можно *сожалеть о своем благородном поступке* (ср. (18)), но нельзя **раскаиваться в своем благородном поступке* (по крайней мере, в собственном смысле слова *раскаиваться*).

'Сожалеть II' и 'раскаиваться' различаются еще и тем, что состояние 'сожалеть II' может вызываться просто изменением мнения X-а о ценностном соотношении P и не-P и не обязательно предполагает какое-то переживание²³, а раскаяние есть именно специфическое переживание того обстоятельства, то некоторый сознательно совершенный поступок есть абсолютное и непосредственное зло.

Различие между устройством оценочного компонента в 'сожалеть II' и в 'раскаиваться' столь велико, что, по-видимому, компонент рациональной оценки 'X считает, что P плохо' в 'раскаиваться' следует отнести к презумпции; в ассертивной части находится компонент "переживание" (как уже отмечалось, здесь эмоция качественно иная, чем в 'сожалеть'), а также имплицитруемый им компонент эмоциональной оценки ('X ощущает, что P плохо') Так, *Он не раскаивается в этом поступке* означает приблизительно 'счи-

тая, что Р плохо, не испытывает соответствующей эмоции', а *Он не сожалеет об этом поступке* = 'не считает, что Р плохо'. Отнесение оценочного компонента 'Р плохо' к презумптивной части значения 'раскаиваться' соответствует толкованию А.Вежбицкой, которая включает в смысл 'раскаиваться' компонент 'Х знал, что Р плохо, когда делал Р' (Wierzbicka 1972, с.64).

Итак, семантическая структура 'раскаиваться' выглядит следующим образом:

'Раскаиваться'

[през.]: 'Х знает, что Р произошло',
 'Р контролируемо для Х-а'
 'Х считает, что Р плохо'
 [асс.]: 'Х ощущает, что Р плохо',
 наличие "переживания".

Характер оценочного компонента в 'сожалеть II' и 'раскаиваться' проявляется в сочетаемости этих значений с оператором *напрасно*. Сочетание 'сожалеть II' с *напрасно* возможно, потому что 'сожалеть II' может включать рациональную оценку - оценочное суждение 'Х считает, что Р плохо'. *Напрасно* реализует в этом случае значение 'напрасно 2', т.е. является показателем ошибочности этого суждения. Действительно, рациональная оценка, будучи вторичной, может быть оспорена - указанием на отсутствие той причинно-следственной связи, которая является ее основанием. Так, например, предложение *Ты напрасно сожалеешь, что не пошел на этот фильм*, за вычетом *напрасно*, означает следующее: [през.]: 'Х не пошел на фильм', [асс.]: 'Х считает, что лучше было пойти, чем не пойти'. Смысл 'напрасно 2' взаимодействует с ассертивным компонентом значения 'сожалеть II' следующим образом: 'У (автор высказывания с *напрасно*) считает, что неверно, что Х-у лучше было бы пойти на фильм, чем не ходить'. Разногласие касается здесь не собственно оценки фильма, а правильности устанавливаемой Х-ом причинно-следственной связи между двумя ситуациями: 'Х пошел в кино' --> 'Х-у хорошо'. У оспаривает именно наличие этой связи: *Ты напрасно сожалеешь, что не пошел* - 'если бы ты пошел, то не получил бы удовольствия' (потому что фильм, по мнению У-а, плохой или по какой-то еще причине).

'Раскаиваться' включает компонент эмоциональной оценки, т.е. оценочное ощущение, которое, в отличие от оценочного суждения, не может быть оспорено. 'Раскаиваться', таким образом, не содержит компонента мнения и поэтому оно не сочетается с 'напрасно 2'. Так, можно сказать *Ты напрасно сожалеешь об этом поступке*, и это будет значить 'твое мнение, что Р (твой поступок) плохо, ошибочно' (потому что твой поступок не повлек -

или я считаю, что не повлечет, - никаких дурных последствий); но нельзя сказать **Ты напрасно раскаиваешься в этом поступке* - так как здесь речь идет об ощущении X-а, что его поступок дурной, и это ощущение не может быть оспорено. Тот факт, что 'раскаиваться' не содержит ассертивного компонента мнения, подтверждается также отсутствием у соответствующего глагола конструкции с придаточным *что* (ср. гл. I § 3.3).

Смысл 'сожалеть II' выражается по-французски как глаголом *regretter* (реже - *avoir le regret*), так и глаголом *se repentir*. По-русски это значение передается словами *сожалеть*, *жалеть*, но не *жалко*, *жаль*. Ср. *Я жалею, что отказался от поездки* и *Жалко, что я отказался*. В первом предложении содержится тот смысл, что выбор был сделан неправильно, и тем самым, если бы можно было выбирать заново, то следовало бы поступить иначе (значение 'сожалеть II'); второе предложение этого смысла не содержит, т.е. здесь контролируемость ситуации Р оказывается нерелевантной (значение 'сожалеть I'). См. также о синонимии 'сожалеть II' и оценочного 'напрасно З' в гл. IV § 3. Глагол *раскаиваться* также может употребляться в значении 'сожалеть II' - см. пример (19).

Объект при 'сожалеть II' может быть выражен во французском языке инфинитивным оборотом (реже - придаточным) или отпредикатным существительным. Примеры:

а) глагольное оформление Объекта:

(11) Il **regrettait amèrement** de n'y être pas allé (R) "Он горько **сожалел** о том, что не пошел туда".

(12) Le spectacle d'un tel bonheur me fit **regretter de n'en avoir pas essayé encore** (CA90) "Зрелище такого счастья заставило меня **пожалеть** о том, что сам я еще ни разу не попробовал".

(13) Il sortit ensuite, prit une voiture, et regagna Montingy, troublé et tourmenté par ce qu'il avait fait, et le **regrettant déjà** (MC163) "Потом он вышел, сел в машину и вернулся в Монтиньи, взволнованный и терзаемый тем, что он сделал, и уже **сожалея** об этом".

(14) Elle **se repent d'avoir été trop bavarde** (DFC) "Она **сожалеет** о том, что слишком много сказала".

(15) Il y a peu de femmes si parfaites qu'elles empêchent un mari de **se repentir du moins une fois le jour d'avoir une femme**, ou de trouver heureux celui qui n'en a point (La Bruy.-R) "Существует мало жен, которые были бы столь совершенны, чтобы муж не **пожалел**, хотя бы раз в день, о том, что у него есть жена, или не позавидовал тому, у кого ее нет".

б) именное оформление Объекта:

(16) J'ai **regretté l'erreur** qui a été commise (ZB222) "Я **сожалел** о совершенной ошибке".

(17) Je n'avais pas prononcé cette phrase que je la regrettais (SC107)
 "Не успела я произнести эту фразу, как я уже пожалела о ней" (- о том, что ее произнесла).

(18) Je crains que tu ne cède... à un mouvement genereux que tu regretteras quand il sera trop tard (Chard.-R) "Боюсь, что ты поддашься благородному порыву, о котором ты будешь сожалеть, когда будет уже слишком поздно".

Ср. также русский пример:

(19) *В тридцать лет люди обыкновенно женятся - я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться* (Пушкин).

'Сожалеть III'

Семантическая структура:

[през.]: 'X знает, что P имело место в прошлом и не имеет места в настоящем',

[асс.]: 'X ощущает: P хорошо и отсутствие P плохо',
 наличие "переживания".

Признак контролируемости P здесь нерелевантен.

Говоря менее формально, 'сожалеть III' описывает эмоциональное состояние, которое человек может²⁴ испытывать, думая о чем-то хорошем, что было и прошло, чего нет в настоящий момент. Это то состояние, к которому относятся слова Декарта об "ушедшем благе".

Объектом при 'сожалеть III' обычно бывает какой-то законченный промежуток времени, период жизни, который не может повториться (детство, молодость, прошлое). Как говорит Декарт, "мы сожалеем лишь о тех благах, которыми мы обладали, а затем утратили без надежды на возвращение" (Декарт 1950, с.698). Примеры:

(20) Certes il les regrettait, ses deux années de désert. Quel dommage de n'être pas resté là-bas (MB18). "Конечно же, он горько сожалел об этих двух годах, проведенных в пустыне. Как жаль, что он не остался там. Ср. русск. перев.: "Право же, это были счастливые годы..."²⁵

(21) Je sortais de l'âge ingrat; au lieu de regretter mon enfance, je me tournai vers l'avenir (BM207) "Я вышла из неблагоприятного возраста; вместо того, чтобы предаваться сожалению о своем детстве, я обратилась к будущему".

(22) Quoi! je perdrai la douce habitude de vous voir chaque jour! Ah! du moins ne cesserai jamais de la regretter (LL83) "Как, я буду лишен этой чудесной привычки видеть вас каждый день! Ах, по крайней мере я никогда не перестану о ней сожалеть".

(23) Emma, rentrée chez elle, se plut d'abord au commendement des domestiques, prit ensuite la campagne en dégoût et regretta son couvent (FB79) "Когда Эмма вернулась домой, то поначалу ей доставляло удовольствие управлять слугами, но вскоре деревенская жизнь ей разонравилась и она **пожалела** о монастыре" (в русск. пер. - "стала скучать по монастырю").

Обозначение Объекта при 'сожалеть III' не может содержать сему отрицательной оценки; так, *regretter le temps perdu* "сожалеть о потерянном времени" может иметь лишь значение 'сожалеть II'.

Состояние, с которым соотносится 'сожалеть III', является собственно эмоциональным, причем оно относится к числу таких эмоциональных состояний (типа грусти), для которых Объект необязателен. Сожаление (в значении 'сожалеть III') может отрываться от своего Объекта и существовать независимо. Например:

(24) *Et peu a peu, les physionomies se confondirent dans sa mémoire ... quelques details s'en allèrent, mais le regret lui resta* (FB101) "Но постепенно лица смешались в ее памяти, ... какие-то детали стерлись, но **сожаление** осталось".

Для остальных значений 'сожалеть' подобное опущение синтаксического актанта, соответствующего Объекту, невозможно.

Отрицание может взаимодействовать со значением 'сожалеть III' по-разному. В любом случае в сфере его действия оказывается компонент эмоции, а для оценочного компонента возможно два варианта: 'неверно, что Р хорошо' (примеры (25), (27)) и 'неверно, что отсутствие Р плохо' (пример (26)).

(25) *ce passé terrible auquel la tendresse m'arrache ne m'a laissé que des remords, et pas un regret* (Daud.-R) "от этого ужасного прошлого ... у меня остались только угрызения совести, и никакого **сожаления**" (= не было ничего хорошего).

(26) *Je ne regrettais point auprès d'Ellénore ces plaisirs de la vie sociale* (CA111) "Возле Элеоноры я не **сожалел** об удовольствиях светской жизни" (= не ощущал, что отсутствие этих удовольствий плохо).

В русском языке значение 'сожалеть III' имеют предикативы *жаль*, реже *жалко*, существительное *сожаление*. Глаголы *сожалеть* и *жалеть* в этом значении употребляются редко.

(27) *Уж не жду от жизни ничего я, И не жаль мне прошлого ничуть* (Лермонтов)²⁶

(28) *Мне, знаешь, больше всего жаль часов, когда собирался я на свидание. Сами свидания подзабыл, да и они-то, в общем, похожи, а вот эти часы, когда готовишься, ждешь и такую чувствуешь полноту жизни - эти часы удивительно помню* (Л.Зорин).

Здесь обращает на себя внимание связь значения 'сожалеть III' с памятью: в последнем примере предложение с *помню* является почти перифразой предложения с *жалъ*. Вообще можно сказать, что воспоминание - это семантическая доминанта значения 'сожалеть III'. Ср. стихи Е.Клячкина:

*Ни о чем не жалеть это значит уйти,
зачеркнув навсегда
Все, что было с тобой, значит память убить
И убить свою жизнь за годами года.*

'Сожалеть IV'

Семантическая структура:

[през.]: 'X не находится в контакте с Y' (Y - человек)

'X раньше был в контакте с Y'

[асс.]: 'X ощущает: не быть в контакте с Y плохо'
наличие "переживания".

Значение 'сожалеть IV' реализуется в контексте имени лица, т.е. оно описывает состояние, которое испытывает человек по отношению к другому человеку - которого нет (в этом случае *regret* обозначает практически то же самое, что *douleur*, т.е. "горе"), или с которым прекращены отношения. В русском языке это значение для глагола *сожалеть* нехарактерно; переводы, приводимые ниже, носят несколько условный характер (за исключением, по-видимому, примера (32)).

(29) *J'eus un maître autrefois que je regrette fort* (R) "У меня был когда-то учитель, о котором я очень **сожалею**".

(30) *Regretter sa maitresse* (R) "сожалеть о своей бывшей любовнице".

(31) *Cette femme était très généreuse, on la regrettera longtemps* (DFC) "Это была очень добрая женщина, о ней будут долго вспоминать с **сожалением**".

(32) *Oublie Gilbert, il ne mérite pas que tu le regrette* (BI161) "Забудь Жильбера, он не заслуживает того, чтобы ты о нем **сожалела**".

Как уже говорилось, определяющим для семантики сожаления является представление о возможности иного развития событий по сравнению с тем, которое имело место на самом деле: поэтому сожаление "естественно". Однако оно одновременно и "абсурдно", потому что эта возможность уже не осуществилась. Последнее обстоятельство объясняет характерную сочетаемость слов со значением 'сожалеть I' и 'сожалеть III' со смыслом 'напрасно 1' ('тщетно, не приводя ни к какому результату'). В отличие от сочетания с 'напрасно 2', о котором шла речь выше, семантический механизм этого взаимодействия представляет собой дублирование семы, имплицитно содержа-

щейся в 'сожалеть'. Так, предложения *Не стоит предаваться сожалениям* (о том или ином поступке, об ушедшей молодости) и *Не стоит предаваться напрасным сожалениям* практически синонимичны: сожаление всегда напрасно. Действительно, любое сожаление лишь омрачает человеку жизнь мыслью о том, что "все могло быть иначе" и... лучше, чем есть. Наоборот, ни о чем не жалеть значит не хотеть вернуться назад, т.е. вообще не обращаться в прошлое в поисках какой-то лучшей альтернативы к существующему положению вещей.

§ 5. 'Подозревать'

У лексических единиц с общим значением 'подозревать'²⁷ можно выделить три частных значения, которые различаются наличием оценочного компонента и фактивной презумпции. Во всех трех значениях ассертивным является компонент 'X считает, что P возможно'. Количественная оценка вероятности в 'подозревать' довольно низкая; она выше, чем в 'сомневаться', однако ниже, чем в 'догадываться' (см. примеры (10) и (27)).

'Подозревать I'

Семантическая структура:

[през.]: 'X считает, что P плохо'

'P неконтролируемо для X-а'

'P контролируемо для субъекта ситуации P'

[асс.]: 'X считает, что P возможно'

(наличие "переживания").

Презумптивный статус компонента отрицательной оценки в составе значения 'подозревать I' подтверждается тем, что отрицательная оценка P сохраняется в контексте отрицания: предложение *Se n'est pas que je soupçonne votre maîtresse d'inconstance* "я не подозреваю вашу возлюбленную в непостоянстве" имеет семантический компонент 'Непостоянство - это плохо', как и соответствующее утвердительное.

Отрицательная оценка ситуации P может быть либо выражена эксплицитно, либо входить в значение языкового выражения, соответствующего P; ср.: *si disposée à croire le bien qu'elle ne peut pas même soupçonner le mal* (Boss.-L) "Она столь расположена к тому, чтобы верить в хорошее, что не может даже заподозрить о дурном"; *Вы подозреваете меня черт знает в чем; Вы, наверное, подозреваете во мне что-нибудь очень дурное; чувство, какое испытывает человек, когда его подозревают в чем-то нехорошем*²⁸; *soupçonner quelqu'un de mensonge, de trahison; d'avoir participé a*

plusieurs vols (DFC) "подозревать кого-то во лжи, в участии в кражах"; *Есть основания подозревать ее в знакомстве с охранкой* (М.Горький); *Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих* (Пушкин). В том случае, когда обозначение ситуации Р нейтрально или знак оценки сам по себе неясен, отрицательная оценка Р обусловлена исключительно наличием соответствующего компонента в семантической структуре глагола, выступающего в значении 'подозревать I'; ср. être soupçonné de ne savoir pas, au besoin, sacrifier une femme (LL) "быть подозреваемым в неспособности, при необходимости, пожертвовать женщиной"; *Ты как будто подозреваешь меня в симпатии к этому человеку*. Обратим внимание на то, что в конструкции *подозревать в ком/где что* глагол имеет значение 'подозревать II', лишенное оценочного компонента (в отличие от *подозревать в ком кого*, ср. *Каждый подозревал в другом возможного врага*). Поэтому отрицательная оценка, содержащаяся в предложениях типа *Зная казацкую тактику, мы подозревали здесь засаду и обман*, возникает, наоборот, лишь из значения слов, называющих ситуацию Р (*засада, обман*) - ср. в нем *подозревали талант*, а также пример (17), где отрицательная оценка отсутствует.

Французский глагол soupçonner может иметь значение 'подозревать I' в следующих синтаксических конструкциях²⁹: 1) X soupçonne Y de Nom (P) (где Y - субъект ситуации Р, а Nom (P) - номинализация пропозиции, соответствующей Р); 2) X soupçonne Y de Inf (P); 3) X soupçonne que S (P) (где S (P) - предложение, обозначающее Р). Из этих трех моделей первые две наиболее однозначно выражают значение 'подозревать I'. Примеры.

X soupçonne Y de Nom (P)

(1) Si pourtant vous deviez me soupçonner de faiblesse, j'appellerais votre jugement à l'appui du mien (LL461) "Но если вы все же заподозрите меня в слабости, я призову на помощь ваши же рассуждения".

(2) Peut-être nous avais-tu soupçonnés d'une rencontre clandestine à Bordeaux? (FM150) "Может быть, ты подозреваешь нас в том, что мы тайно встречались в Бордо?".

(3) Elle... avait soin qu'on ne pût la soupçonner d'aucune liaison, d'aucune amourette, d'aucune intrigue (MC21) "Она очень заботилась о том, чтобы ее не могли заподозрить ни в какой любовной интриге".

X soupçonne Y de Inf (P)

(4) On ne peut pas soupçonner le prince d'avoir voulu affaiblir la discipline militaire (Montesq.-L) "Невозможно подозревать князя в том, что он хотел ослабить военную дисциплину".

(5) Ou me soupçonnez-vous de vous avoir affligée volontairement? (LL434) "Или вы подозреваете меня в том, что я огорчил вас нарочно?".

(6) ... la soupçonnant d'ailleurs de s'être empli les poches, d'un tour de doigts si habile, qu'il lui échappait (ZB289) "подозревая ее в том, что она совершила кражу, причем так ловко, что он ничего не заметил".

X soupçonne que S (P)

(7) le soupçon qu'elle aimait quelqu'un d'autre le détournait de se poser cette question relative à Forcheville (PC308) "подозрение, что она любит кого-то другого..."

(8) Ajouter un mot de plus pourrait vous faire soupçonner que j'ai l'orgueil d'y compter encore (LL340) "Если я добавлю еще слово, вы можете заподозрить, что я имею дерзость и сейчас рассчитывать [на ваши дружеские чувства]".

Если содержание подозрения стандартно или восстанавливается из контекста, оно может вообще не указываться, ср. *Она рассказала, что муж давно уже подозревал ее, но избегал объяснений*. Или:

(9) Il sentait pour la première fois cette angoisse confuse de l'époux qui soupçonne (MB223) "Он впервые почувствовал эту смутную тревогу мужа, который подозревает".

(10) Je ne sentais ni colère ni jalousie, et cependant une douleur sans bornes. Je ne soupçonnais pas, et pourtant je doutais (MuC437). "Я не чувствовал ни гнева, ни ревности, но лишь бесконечное страдание. Я не подозревал, однако все же сомневался".

Возможность опущения актанта, соответствующего Объекту, говорит о том, что значение 'подозревать I' описывает состояние, близкое к эмоциональному (см. гл. I, §3.1). Это, в свою очередь, является следствием наличия в семантической структуре 'подозревать I' оценочного компонента: для значений 'подозревать II' и 'подозревать III', где оценка отсутствует, опущение Объекта невозможно. Наличие оценочного компонента обеспечивает также возможность выражения смысла 'подозревать I' различными описательными конструкциями, характерными для обозначения эмоциональных состояний: *его мучили подозрения*; *ce soupçon le torturait*; *un soupçon le troublait continuellement*; *un soupçon horrible l'effleura*; *Si je me hâtai de désavouer mon directeur, ce fut pour conjurer l'atroce soupçon qui pendant un instant enténébra le ciel* (BM189) "Если я поспешила осудить нашего директора, то лишь для того, чтобы рассеять облако подозрения, на какое-то мгновение затмившее свет".

'Подозревать II'

Семантическая структура

[през.]: 'P неконтролируемо для X-а'

[асс.]: 'X считает, что P возможно'

Значение 'подозревать II' отличается от 'подозревать I' отсутствием презумптивного оценочного компонента 'Р плохо'. В качестве факультативного компонента здесь может возникать презумпция 'Р - нечто тайное', неизвестное или маловероятное (ср.: *Я подозреваю, что тут не без романа; Я давно подозревал, что собака гораздо умнее человека*). Примеры:

X soupçonne Y de Inf(P)

(11) on n'osait pas jurer que la liason continuât, seulement on les soupçonnait de se voir, de loin en loin (ZB362) "Никто не готов был утверждать, что их роман продолжается: но подозревали, что они время от времени встречаются".

(12) Cela m'apparaît à moi-même tellement étrange que je me soupçonne d'arranger à mon insu l'histoire, de la mettre en forme (FM321) "Все это кажется мне столь странным, что я даже подозреваю, что я сам невольно придумал эту историю".

X soupçonne que S(P)

(13) Je soupçonne entre nous que vous croyez en Dieu (Gilb.-L) "Я подозреваю, между нами, что вы верите в Бога".

(14) Je m'imaginai qu'il m'aimait: je ne le soupçonnait pas, je le croyait (Magiv.-L) Я вообразила, что он меня любит; я не то что подозревала это, я в это верила".³⁰

(15) J'ai quelque soupçon que c'est votre ami qui a téléphoné (DFC) "У меня есть подозрение, что это звонил ваш друг".

X soupçonne Loc Nom(P); Loc - обстоятельство места

(16) Nomais soupçonnait là-dessous quelque histoire de jeune homme, quelque intrigue. Mais il se trompait; Léon ne poursuivait aucune amourette (FB180) "Омэ подозревал здесь какую-то любовную историю, какую-то интригу. Но он ошибался: у Леона не было никакого романа".

Ср. также:

(17) Впрочем, нам и в голову не приходило подозревать в нем что-то похожее на робость (Пушкин).

'Подозревать III'

Семантическая структура

[през.]: 'говорящий знает, что Р имеет место'

'Р неконтролируемо для X-а'

('X считает, что Р плохо')

[асс.]: 'X считает, что Р возможно'

В отличие от 'подозревать I, II', 'подозревать III' имеет **фактивную презумпцию**: 'говорящий знает, что Р имеет место'. Оценочный компонент

'Р плохо' является в 'подозревать III' факультативным, т.е. 'подозревать III' - это фактивный аналог одновременно к 'подозревать I' и к 'подозревать II'.

Значение 'подозревать III' обычно реализуется в контексте отрицания явного или подразумеваемого. Время глагола чаще всего прошедшее, а в случае 1-го лица субъекта X - только прошедшее (поскольку иначе фактивная презумпция теряет смысл), ср.: *А я и не подозревал, что это комедия, признак ума, которого я отнюдь не подозревал; Я подозревал о его махинациях* (имеется в виду: 'сейчас я точно знаю, что они имели место') *Дубов и не подозревал о сложных Морозкиных переживаниях.*

Следует подчеркнуть специфический характер взаимодействия значения 'подозревать III' с отрицанием: отрицанием для ассертивного компонента 'X считает Р возможным' является не 'X не считает Р возможным', а 'X ничего не считает по поводу Р' (т.е. пропозиция Р отсутствует в концептуальном мире X-а). Примеры:

(18) *Personne ne devait soupçonner leur affection, car on se serait moqué d'eux* (ZB171) "Никто не должен был подозревать об их любви..."

(19) *Le porte-plume, je le connaissais bien... Le cahier, je n'en soupçonnais pas l'existence* (BC475) "Эту ручку я хорошо знал, ... но тетрадь - я даже не подозревал о ее существовании".

(20) *Souvent, en effet, elle avait flairé et dévoilé les liaisons avant que dans la société on les eût encore soupçonnées* (MC64) "И действительно, часто бывало так, что она чутьем обнаруживала роман, о котором никто еще не подозревал".

(21) *Il crut même comprendre, une fois, que cette légèreté des mœurs d'Odette qu'il n'eût pas soupçonnée, était assez connue* (PC303) "У него в голове как будто даже укладывалось, что эта легкость поведения Одетты, о которой он сам никогда бы не заподозрил, широко известна".

(22) *Jamais elle ne se serait soupçonnée d'être elle-même la cause inconsciente de cet ennui continu dont elle souffrait* (MC38) "У нее не могло даже возникнуть подозрения, что причина ее постоянной скуки была в ней самой".

(23) *On a vu, avec des lunettes, de très petites gouttes d'eau de pluie, remplis de petites poissons que l'on n'aurait jamais soupçonné d'y habiter* (Fonten.-L) "Мы увидели... маленьких рыбешек, про которых нельзя было даже подозревать, что они здесь водятся".

(24) *J'appris l'histoire aussi docilement que la géographie, sans soupçonner qu'elle pût davantage prêter à discussion* (BM178) "Я учила историю так же послушно, как и географию, не подозревая о том, что она может быть предметом споров".

(25) *je le fis sans hesiter, ne soupçonnant même pas que desormais je pusse etre malheureux (ChR52) "я сделал это не колеблясь, не подозревая, что это может принести мне несчастье".*

Ср. также:

(26) *Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник (Пушкин).*

(27) - *Да неужели, - продолжал я, - отец не догадался, что она у вас в крепости? - То есть, кажется, он подозревал (Лермонтов).*

Отметим, что для 'подозревать III' возможна конструкция с "косвенным восклицанием", ср.:

(28) *Zaza ne soupçonnait pas combien je la vénérais (BM166) "Заза не подозревала о том, как я ее боготворила".*

(29) *Левушка с минуту хохочет, сам не подозревая, как он в эту минуту добр и разумен (Салтыков-Щедрин).*

Конструкция с косвенным вопросом для современного русского языка находится на грани возможного ([?]*Я подозреваю, куда он пошел - Падучева 19886*); ср. однако:

(30) *Я не подозревал, что было причиною ее горести (Пушкин).*

Примечания

¹Так, Декарт и Спиноза относят страх и надежду к "основным страстям"; ср. также включение страха в число "фундаментальных эмоций" в книге К.Изарда "Эмоции человека" (Изард 1980). Лингвистический анализ пары 'бояться' - 'надеяться' см., например, в Wierzbicka 1969: 198, Кифер 1978: 351.

²Этот и следующий разделы были написаны до появления фундаментального исследования о глаголах *бояться* и *надеяться* Л.Иорданской и И.Мельчука (Iordanskaja, Mel'čuk 1990), поэтому их результаты здесь не учтены.

³Значения 'бояться I' (*Я боюсь к нему обращаться*) и 'бояться II' (*Он боится экзамена*) соответствуют значению *бояться₁* из работы Зализняк 1983. Значение 'бояться III' (*Боюсь, что я забыл ключи*) - это *бояться₂* из той же работы. Значения 'бояться IV' (*Она боится тараканов*) и 'бояться V' в этой работе не рассматривались.

⁴X - субъект внутреннего состояния, P - ситуация, обозначенная подчиненной предикацией и выполняющая роль Объекта. Выражение X *знает, что...* употребляется здесь и далее в смысле 'X находится в состоянии зна-

ния', см. гл. II §1. Символом t_0 обозначается некоторый условно фиксированный момент внутри промежутка времени, в течение которого имеет место данное внутреннее состояние. В семантических структурах в скобках указан факультативный компонент. В примерах глагол, выражающий обсуждаемое значение, выделен жирным, словосочетание или предложение, соответствующее Объекту, обозначается подчеркиванием - кроме тех случаев, когда этим способом выделяется какой-то другой элемент предложения.

⁵Наличие имплицативного компонента вида *X боится P* $\rightarrow$ 'X не делает R' в основном значении 'бояться' позволяет объяснить значение союзных слов *par crainte de, de peur de* "чтобы не". Например, *puis il se tut par crainte de compromettre ses interets* (MV 115) "потом он замолчал, чтобы себе не навредить": боясь себе навредить (P), больше ничего не говорил (не делал R).

⁶Ср. различие между глаголами *accuse* 'обвинять' и *criticize* 'осуждать', описанное в (Fillmore 1970).

⁷Именно значение 'бояться III' является *de facto* объектом толкования во многих работах, в которых анализируется глагол со значением 'бояться'. Ср. (Wierzbicka 1969, с.109): *On się obawia, że S est P* "Он боится, что S есть P" - '1) Я считаю, что ты знаешь, что он хочет, чтобы S не было P; 2) Знай, что он полагает, что S есть P'. См. также анализ глагола *to fear* в работе Кифер (1978, с.350-351).

⁸Ситуация Q представляет собой основание, или причину страха - ср. Wittgenstein 1953, с.135 о различии между объектом страха (*target*) и причиной страха (*cause*). Ситуация Q не соответствует никакому синтаксическому актанту глагола со значением 'бояться IV', однако указание на нее может содержаться в более широком контексте.

⁹Вопрос о природе страха имеет давнюю традицию изучения, которая берет свое начало в философской этике. Так, Б.Спиноза говорит о страхе следующее: "если мы полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом" (Спиноза 1957, с.128). Подобным же образом Лейбниц (Leibniz 1975, с.62) определяет страх как "представление о будущем зле" (*opinio mali futuri*). Заметим, что определение Спинозы ближе всего к нашему 'бояться II', т.е. к основному значению 'бояться' и сформулировано в соответствии с современной лексикографической традицией: находящийся в презумпции смысл "вероятность" выражен депривацией (*могущая наступить*), а асертивный смысл "негативность" - предикативной формой (*дурна*).

¹⁰Косвенная номинация формируется за счет употребления слов, содержащих оценочную сему в своей структуре (*прогадать, ошибиться, повредить, неправ, несправедливый, бесполезный* и т.д.), чисто оценочных

слов (*плохо, плохой, хуже*), а также слов-классификаторов типа *способ, случай, меры* и т.п. (см. подробнее Зализняк 1991а).

¹¹ Общими с 'бояться III' являются также следующие свойства 'надеяться I': 1) Объект - единичная ситуация, относящаяся к будущему или миру мнений X-а; 2) P неконтролируемо 3) семантический тип обозначаемой ситуации - устойчивое состояние; 4) способность к вводному употреблению.

¹² Аналогичная взаимно дополнительная роль суждения о вероятности и чисто оценочного суждения наблюдается, как было показано в работе (Баранов, Кобозева 1983), в совершенно другой сфере - в семантике общего вопроса, где возрастание важности одного компонента ведет к подавлению другого.

¹³ Однако вне контекста сопоставления с 'надеяться' значение 'ждать' может включать и крайне низкую оценку вероятности: так, можно ждать чуда, можно ждать возвращения человека, пропавшего без вести двадцать лет назад.

¹⁴ Это подтверждается, например, следующим фактом. В русском языке глагол *надеяться* сочетается лишь с совершенным видом подчиненного инфинитива: *Я надеюсь туда пойти*, но не **Я надеюсь туда идти* (за исключением случаев, когда глагол несовершенного вида обозначает повторяющееся действие, ср. *Я надеюсь видеть вас чаще*). Что же касается глагола *бояться*, то он допускает подчиненный инфинитив и того и другого вида, так как в одном значении он сочетается с контролируруемыми событиями, в другом - с неконтролируемыми (о корреляции между контролируемостью и глагольным видом в русском языке см. гл. II, § 3).

¹⁵ Так, Лейбниц рассматривает ожидание (*expectatio*) среди "действий, близких к страстям" - *passionum affines actus* (Leibniz 1975, с.64).

¹⁶ Для 'ждать' в целом релевантен в первую очередь не собственно оценочный компонент, т.е. не оценка по шкале "хорошо/плохо", а именно характеристика ситуации P по шкале субъективной важности; ср. определение Лейбница: "ожидание - это мнение о событии в близком будущем, касающемся нас" (*expectatio est opinio futuri propinqui ad nos pertinentis*; Leibniz 1975, с.64).

¹⁷ Компонент положительной оценки является обязательным для 'ждать I' в том случае, когда признак эпистемической оценки имеет значение 'X считает, что P возможно' и сама величина вероятности минимальна (см. пример (3)); ср. подобную взаимодополнительность "вероятности" и "оценки" в 'надеяться'. Заметим, кроме того, что положительная оценка в 'ждать' является неустойчивым признаком, т.е. она может подавляться при наличии в языковом выражении, соответствующем P, слов с отрицательной оценочной семой - см. пример (6).

¹⁸ Семантика слов со значением сожаления исследуется автором в несколько иной модели в работах Зализняк 1988а (на материале русского языка) и Zalizniak 1991 (на материале французского языка).

¹⁹ "Сколь естественно и одновременно абсурдно сожалеть о чем-то прекрасном, чего мы не совершили, - и нам все еще продолжает казаться, что это было возможно, даже после того, как ход событий показал, что нет для этого места в мире".

²⁰ Имеется в виду состояние, обозначаемое словом *poenitentia*, которое совмещает смыслы 'сожалеть' и 'раскаиваться'; о различии между ними см. ниже.

²¹ Как уже отмечалось выше, Р может быть как состоянием, имеющим место в настоящий момент, так и событием в прошлом, результат которого актуален в настоящем. Кроме того, Р может быть ситуацией в будущем - в том случае, если Х "знает": что она будет иметь место (например, *Жалко, что вас в это время не будет в Москве*), т.е. если эта ситуация принадлежит нормальному ходу вещей (см. гл. I, § 4). Ср. Levinson 1983, с.180: "имеет смысл сожалеть только о событии, которое случилось или с определенностью случится".

²² Аббат Прево. Манон Леско. Шодерло де Лакло. Опасные связи. БВЛ, М., 1967, с.184.

²³ По-видимому, именно этот случай имеет в виду Лейбниц, говоря о "другом смысле" слова *poenitentia*: *animus resipiscendi qui potest esse sine dolore* ("ощущение перемены мнения, которое может и не сопровождаться страданием"; Leibniz 1975, с.64).

²⁴ Здесь причинно-следственная связь между наличием "типичной ситуации" и возникновением эмоции менее детерминирована, чем для других эмоций; наличие эмоции 'сожаления III' в большей степени определяется индивидуальными особенностями субъекта.

²⁵ Ги де Мопассан. Избранные произведения в 2-х тт. Т1. М., 1954, с.240. Заметим, что первое предложение в этом примере само по себе неоднозначно: выражение *regretter les deux années de désert* может быть понято как содержащее смысл 'сожалеть II' - 'зря потратил время'. Выбор понимания с 'сожалеть III' здесь обусловлен контекстом. Вообще подобная неоднозначность для глагола *regretter* весьма характерна. Ср. значение сочетания *regretter une habitude* в примере (22) и в следующем: *On évita de se parler, de se trouver ensemble dans le bar. Je regrettais cette habitude que nous avions déjà prise de manger à la même table* (M.Dugas) "Мы избегали встреч... я сожалел о том, что у нас уже стало привычкой обедать за одним столом".

²⁶ Обратим внимание на смысловой параллелизм этих двух строк: здесь *ждать* ≠ 'считать, что нечто хорошее **будет**' (ср. выше), *жаль* ≠ 'считать, что нечто хорошее **было**'.

²⁷ Семантико-синтаксический анализ русского глагола *подозревать* см. в работе Кобозева, Лауфер 1974.

²⁸ В русских примерах использована картотека Словаря русского языка Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

²⁹ О моделях управления для *soupçonner* и др. французских глаголов мнения см. Бурнацева 1982.

³⁰ На этом примере видно, что мнение 'Р возможно', входящее в 'подозревать', имеет **основание**: именно на этом основано здесь противопоставление 'подозревать' - 'верить'.

Глава IV

НЕКОТОРЫЕ ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ ПРЕДИКАТОВ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ

§ 1. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом)

За время, прошедшее после появления известной статьи П. и К. Кипарских о фактивных глаголах (Kiparsky 1970), стало понятно, что противопоставленные им нефактивные глаголы бывают нескольких типов - причем эти типы различаются признаками той же природы, что и те, которые были положены в основу определения самого понятия фактивности. Речь идет об имплицативных отношениях, связывающих истинность главной предикации с истинностью подчиненной. Этой проблематике посвящен ряд работ Л. Карттунена (см., в частности, Karttunen 1971, Карттунен 1985); несколько шире - а именно, в плане соотношения истинности предложения в целом с истинностью какого-либо из компонентов его смысла - ставится задача у А. Богуславского (Bogusławski 1977, с. 44-55) и в работе (Разлогова 1982), где строятся исчисления типов этих соотношений. См. также работы (Givón 1972, Hajičová 1974).

Ниже строится исчисление возможных типов требований, или импликаций, относительно истинности подчиненной предикации, содержащихся в значении глаголов с пропозициональным актантом - мы будем называть их **имплицативными типами**, - которое позволяет произвести классификацию глаголов.

Имплицативный тип глагола с пропозициональным актантом есть пара $\langle V(ПП)^+, V(ПП)^- \rangle$, где $V(ПП)^+$ - это истинностное значение подчиненной предикации (ПП) в утвердительном предложении, а $V(ПП)^-$ - истинностное значение ПП в соответствующем отрицательном предложении. Параметр истинности для ПП полагается при этом принимающим три значения: И - 'истина', Л - 'ложь' и Ø - 'нейтральность' (для случая, когда ПП не охарактеризована по параметру истинности). Например, пара $\langle И, Л \rangle$ соответствует ситуации, когда в утвердительном предложении с данным глаголом ПП истинна, а в отрицательном - ложна: так, для предложения *Ему удалось победить* истинно 'он победил', а для *Ему не удалось победить* 'он победил' ложно. Значения И и Л в характеристике имплицативного типа говорят о наличии в семантике глагола **импликации** относительно истинности его ПП: в случае И это будет **фактивная импликация** (импликация истинности ПП), в случае Л - **контрфактическая** (импликация ложности ПП). Ø означает отсутствие в семантике глагола какой-либо импликации от-

носителем истинности его ПП. Если глагол имеет одинаковую импликацию в утвердительном и в отрицательном предложении, то мы имеем дело, очевидным образом, с презумпцией¹ - соответственно, фактивной <И И> и контрфактической <Л, Л>.

Почти все девять возможных комбинаций реально представлены в русском языке - см. Таблицу ниже.

Замечание 1. Обратим внимание, что в определении имплицативного типа для подчиненной предикации фигурирует ее истинностное значение, а для предложения в целом (для главной предикации) мы - вслед за Карттуненом - пользуемся противопоставлением, касающимся его логической формы: "утвердительное - отрицательное". Такой подход представляется нам лингвистически более оправданным, так как он изначально ориентирован на семантику языковых единиц: импликация относительно истинности ПП рассматривается как свойство языкового выражения, а не метаязыковой сущности, каковой является предложение с приписанным ему истинностным значением.

Замечание 2. Говоря об истинности, мы имеем ввиду ее субъективный аналог - "ощущение истинности", или "знание" говорящего (см. гл. II, § 1). Это важно прежде всего применительно к глаголам пропозициональной установки; в прочих случаях истинность ПП может пониматься как существование ситуации, описываемой ПП, к моменту, с которым соотносится действие главного глагола (см. Карттунен 1985); ср. также параметр "реализованность/нереализованность действия зависимого глагола в момент реализации действия главного глагола", положенный в основу классификации глаголов с предикатным актантами в книге Типология конструкций с предикатными актантами (с. 40). Более детальная разработка этого параметра содержится в работе (Givón 1972).

Замечание 3. Глаголы пропозициональной установки рассматриваются нами только в конструкции с придаточным с *что* (т.е., например, конструкции с *как* и с косвенным вопросом вообще из рассмотрения исключаются). В сочетании с инфинитивом типа *догадался спросить* глаголы пропозициональной установки выступают в "диатетическом" (по Bally 1942) значении, т.е. не являются глаголами пропозициональной установки. Предлагаемая классификация глаголов по имплицативным типам независима от деления глаголов на фактивные, semifактивные и нефактивные в (Vendler 1980), которая проводится по другому основанию (по способности глагола сочетаться с различными с точки зрения фактивности вводимой ПП типами придаточных).

Таблица

NN импли- кативн. типов	Истинностное значение ПП в утверд. в отрицат. главном главном предл. предл.		Примеры	
			Глаголы пропо- зициональной установки	Прочие
1	И	И	<i>знать</i> <i>сожалеть</i> <i>помнить</i> <i>догадаться</i> <i><что></i> <i>забыть<что></i> <i>рад</i> <i>удивлен</i>	
2	И	Л		<i>заставить</i> <i>суметь</i> <i>удаться</i> <i>осмелиться</i> <i>успеть</i> <i>догадаться<+инф.></i>
3	И	∅	<i>доказать</i> <i>обнаружить</i>	
4	Л	И	<i>лгать</i> <i>врать</i> <i>заблуждаться</i> <i>ошибаться</i> <i>выдумывать</i>	<i>помешать</i> <i>избежать</i> <i>забыть<+инф.></i> <i>постесняться</i> <i>постыдиться</i> <i>побояться</i> <i>полениться</i> <i>кончить</i>
5	Л	Л	<i>хотеть</i> <i>ждать</i> <i>предчувствовать</i> <i>сниться</i> <i>мечтать</i>	
6	Л	∅	(англ. <i>pretend</i>)	

7	∅	И		стыдиться <+инф.> стесняться <+инф.> бояться <+инф.> лениться
8	∅	Л		решиться согласиться пытаться
9	∅	∅	думать считать полагать бояться <что> надеяться сомневаться говорить отрицать уверждать	заставлять мешать стараться

Комментарии к Таблице.

Тип 1 <И, И> включает фактивные глаголы и не нуждается в комментариях.

Типу 2 <И, Л> соответствуют в классификации Карттунена имплицативные глаголы (см. пример 1); глаголов пропозициональной установки, которые относились бы к этому типу, нам обнаружить не удалось. Типу 4 <Л, И> соответствуют отрицательные имплицативы: помимо диатетических глаголов - таких как *избежать*, *забыть* <+инф.>, которые называет Карттунен, сюда же следует отнести, например, глагол *лгать*; ср. *Он солгал, что встретился с ней случайно* (ПП ложна) и *Он не солгал, что встретился с ней случайно* (ПП истинна). Заметим, что остальные четыре класса, выделяемые Карттуненом (if-глаголы, only-if-глаголы и т.д.) в русском языке отсутствуют, так как английские глаголы, составляющие эти классы, расщепляются в русском языке на два видовых значения, в которых реализуются разные имплицативные типы. Так, например, английскому prevent (отрицательный if-глагол) в русском языке соответствует сов. вид. *помешать* (отрицательный имплицатив, т.е. тип 4) и несов. вид. *мешать*, не содержащий никаких импликаций относительно истинности ПП (тип 9); ср. (Арутюнова 1976, с. 60, Zuber 1973, с. 13).

Примером имплицативного типа 3 <И, ∅> может служить глагол *доказать*. Ср.: *Иван доказал, что он невиновен* (ПП истинна) и *Иван не доказал, что он невиновен* (истинностное значение ПП - ∅).

Имплицативный тип 5 <Л, Л> реализуется, прежде всего, в глаголах "перспективной" семантики, т.е. таких, у которых подчиненная предикация

соотносится обязательно с будущим событием. Поэтому сюда относятся *ждать*, но не *надеяться* (так как *надеяться* может сочетаться с именем уже совершившегося события; например: *Надеюсь, что все кончилось благополучно*). С другой стороны, к типу 5 относятся такие глаголы как *мечтать* - предполагающие несоответствие действительности ситуации, описываемой ПП, а также модальные глаголы *мочь* и *должен*.

Русских глаголов, относящихся к предикативному типу 6, нам обнаружить не удалось. Отметим, что нужными свойствами обладает англ. глагол *pretend* (ср. Lakoff 1970, с.231).

Примеры на другой редкий тип 7 <Ø, И> - *стыдиться, стесняться* - принадлежат И.М. Богуславскому (1985, с. 37). Однако для отнесения этих глаголов к типу <Ø, И> необходимо дополнительное условие: глагол в подчиненной предикации должен быть в форме несов. вида, так как при сов. виде подчиненного инфинитива истинностное значение ПП в утвердительном предложении - Л, а не Ø; ср.: *Иван стесняется рассказывать о своем прошлом* (рассказывает или не рассказывает), но *Иван стесняется рассказать* (не рассказывает).

Тип 8 <Ø, Л> представлен глаголами *решиться, согласиться, пытаться*. Так, предложение *Он решился рассказать отцу о своем намерении* не содержит импликаций относительно истинности подчиненной предикации (может быть, уже рассказал, а может быть, еще нет) - в то время как из *Он не решился рассказать...* следует, что не рассказал (т.е. в отрицательном предложении присутствует контрфактическая импликация). Заметим, что семантически близкие к перечисленным глаголы *решить* <+инф.> и *стараться* не относятся к этому имплективному типу: *решить* <+инф.> (под отрицанием: *не решил* <делать или нет>) принадлежит к типу 5 <Л, Л>, *стараться* - к типу 9 <Ø, Ø>; ср.: *Маша старалась хорошо учиться* (возможное продолжение: *...и была первой ученицей в классе* или: *...но ей никак не давалась география*); *Маша не старалась хорошо учиться* (...у нее это получалось само собой или: *...и ее не огорчали плохие отметки*).

Имплективные типы 7 и 8 не встречаются среди глаголов пропозициональной установки.

К типу 9 <Ø, Ø> относится большинство глаголов мнения: и в утвердительной и в отрицательной форме они нейтральны относительно истинности подчиненной предикации. Этим же свойством обладают глаголы *заставлять* и *мешать*.

Ниже приводятся несколько примеров, иллюстрирующих использование понятия имплективного типа при семантическом анализе. А именно, мы покажем, что многие случаи неоднозначности глаголов пропозициональной установки обусловлены способностью глагола в разных контекстах (т.е.

в разных употреблениях или значениях) принадлежать к разным имплицативным типам.

Глагол *понимать*, в своем основном значении фактивный, может утрачивать фактивную презумпцию. Ср.:

(1) а. Он *понял* \, что мне это не понравилось (факт.)

б. Он / *понял*, что мне это не понравилось \. (нефакт.)

В (1б) глагол *понимать* не имеет никаких импликаций относительно истинности ПП (так, продолжением для (1б) может быть ...но он ошибается или: ...и он не ошибся).

Реальность существования такого нефактивного значения у глагола *понимать* подтверждается также наличием сочетания *неправильно понял*. Понимание здесь представлено как "ощущение понимания" - как определенное состояние концептуального мира субъекта установки безотносительно к истинности. В самом деле, только такое "нефактивное" понимание может быть неправильным, и при этом все же оставаться пониманием. В случае использования этого глагола в его исходном, фактивном значении та же ситуация должна быть описана не как *Ты меня неправильно понял*, а как *Ты меня не понял*².

Как оказывается, не исключено даже нефактивное употребление глагола *знать* - употребление, ориентированное исключительно на эпистемическое состояние субъекта установки, ср.: [Мать пишет в письме сыну] *Высылаю тебе сто рублей (отец знает, что тридцать)*. При более стандартном словоупотреблении глагол *знать* здесь должен быть заменен на *думать (полагать, уверен)*.

Утрата фактивной презумпции - характерное явление в классе глаголов восприятия; при этом меняется лексическое значение глагола - от восприятия к мнению, основанному на чувственных данных:

(2) а. Я *вижу*, что на дороге появился всадник (факт.)

б. Я *вижу*, что ты недоволен (нефакт.) Для некоторых глаголов восприятия возможна еще одна ступень семантической деривации, на которой глагол снова становится фактивным:

(3) а. Я *чувствую*, что у меня не хватает дыхания (факт.)

б. Я *чувствую* /, что меня обманывают \ (нефакт.)

в. Иван *чувствует* \, что его обманывают (факт.)

Наоборот, некоторые нефактивные глаголы могут приобретать фактивную презумпцию (см. об этом в Крейдлин 1983); ср. (4а) и (4б):

(4) а. Я *сказал*, что ты ничего не знаешь (нефакт.)

б. Я *сказал* \, что ты ничего не знаешь (факт.)³

Противопоставление фактивного и нефактивного употребления глагола выражается различием во фразовом ударении: фактивному пониманию

соответствует акцент на глаголе (придаточное предложение, составляющее презумпцию, является безударным), а нефактивному - наоборот, на придаточном (глагол в этом случае коммуникативно менее значим - он выступает лишь в функции показателя пропозициональной установки; см. об этом Падучева 1977, Дмитриевская 1985а, Шатуновский 1988). Ср. нормальное фразовое ударение в предложении с типичным фактивным глаголом (*знать*) и с типичным нефактивным (*думать*):

(5) *Она знает* \, что встреча назначена на девять.

(6) *Она думает* /, что встреча назначена на девять \.

Рассмотрим теперь глаголы *казаться* и *воображать*. У *казаться* следует различать по крайней мере два значения. Так, чтобы объяснить осмысленность диалога

(7) - *Мне показалось, что ты чем-то расстроен.* - *Тебе это показалось, достаточно сказать, что в первой реплике употреблено *казаться*₁, безразличное к истинности ПП (тип 9), а во второй - *казаться*₂, принадлежащее к типу 4, т.е. содержащее контрфактическую импликацию в утвердительном предложении и фактивную - в отрицательном, как видно из примера (8) *Тебе это не показалось - это так и есть.**

Глагол *воображать* имеет совершенно иной набор значений. Первое - фактивное (*Вообрази: я здесь одна, никто меня не понимает*). Кроме того, имеется еще два значения: оба они содержат контрфактическую презумпцию (тип 5), но различаются тем, разделяет ли субъект установки знание говорящего о ложности ПП. В *воображать*₂ (*Он воображает, что установил мировой рекорд*) контрфактическая презумпция принадлежит только говорящему (ср. Падучева 1985, с. 113, Шатуновский 1988, с. 272)⁴, в *воображать*₃ (*Вообразите, что вы идете не со мной, а с кем-нибудь другим*) также и субъекту установки.

Тем самым близкие на первый взгляд глаголы *казаться* и *воображать*, как оказывается, вообще не имеют значений, которые принадлежали бы к одному и тому же имплицативному типу. Особо следует отметить различие между *казаться*₂ и *воображать*₂: ср. фактивную импликацию в отрицательном предложении (9) и контрфактическую в (10) *По крайней мере, он не воображает, что установил мировой рекорд.*

Наконец, глагол *подозревать*. В своем основном значении этот глагол - как и остальные глаголы мнения - нефактивный, т.е. нейтральный относительно истинности подчиненной предикации (тип 9):

(10) *Я подозреваю, что это сделал Вася.* Однако этот глагол допускает и фактивное употребление (формально оно противопоставлено нефактивному характером фразового ударения - ср. выше):

(11) а. *Иван подозревает*↗, что его обманули↘ (нефакт.)

б. *Иван подозревает*↘, что его обманули (факт.)⁵.

При этом отрицательное предложение (12) имеет только одно понимание - при котором оно является отрицанием к (11б):

(12) *Иван не подозревает, что его обманули.* Предложение (12), как и (11б), предполагает истинность ПП 'его обманули' - т.е. в сочетании с отрицанием глагол *подозревать* всегда фактивен. С другой стороны, это означает, что глагол *подозревать* в своем исходном нефактивном значении вообще не присоединяет отрицания.

Возможность присоединения отрицания лишь к одному из вариантов прочтения утвердительного предложения - а именно, к такому, при котором фразовое ударение приходится на глагол, - не является уникальным свойством глагола *подозревать*. Это верно также, например, и для упоминавшегося уже глагола *чувствовать*: предложение *Иван не чувствует, что его обманывают* является отрицанием к (Зв). Ср. анализ примеров типа *Мешок не весит 50 кг*, предложенный И.М. Богуславским: дополнительный по сравнению с 'неверно, что весит 50 кг' смысл 'весит меньше' возникает из-за того, что отрицание здесь присоединено к предложению с акцентом на глаголе, которое само обозначает 'весит 50 кг или больше' (Богуславский 1985, с. 23-29).

Заметим, что в прош. времени в контексте отрицания фактивная импликация возникает у большинства глаголов мнения: высказывания *Я/он не ожидал (не рассчитывал, не предполагал, не надеялся, не думал), что она нам поможет* уместны лишь в том случае, когда ситуация 'она нам помогла' имеет место. В утвердительном предложении мнения в прош. времени тоже (хотя и с меньшей обязательностью) присутствует смысл противоречия передаваемого мнения действительности - т.е. наоборот, контрфактическая импликация. Так, странным является предложение *Я/он думал, что она придет во вторник, и так и случилось* (ср. Дмитриевская 1985, с. 11, Шатуновский 1988, с. 274).

Список глаголов, допускающих - в тех или иных условиях - изменение своего имплицативного типа, может быть продолжен. Мы, однако, на этом остановимся, но в заключение перечислим факторы, которые могут вызывать изменение имплицативного типа.

1. Вид глагола в главной предикации: для глаголов, в значение которых входит компонент 'достижение результата': *заставлять* - *заставить*; а также для глаголов более сложной семантики: *бояться* - *побояться*.

2. Вид глагола в подчиненной предикации (для конструкции с инфинитивом): *стесняется рассказывать* - *стесняется рассказать*.

3. **Время, лицо, контекст отрицания:** см. выше анализ глаголов *воображать, подозревать* и прочих глаголов мнения.

4. Контекст **"миропорождающих операторов"** (т.е. сослагательного наклонения, условных союзов, а также подчиняющих операторов типа *сниться*). Это универсальный, но одновременно тривиальный способ снятия фактивности.

§ 2. Прилагательные эмоционально-ментальной сферы во французском языке

При взгляде на прилагательные, значение которых связано с внутренними состояниями человека, обращает на себя внимание та их особенность, что состояние, описываемое прилагательным, всегда испытывает человек, а соответствующий признак может приписываться как самому человеку, так и другим объектам действительности. Так, например, грустным (*triste*) может быть человек, известие, взгляд, пейзаж и т.д., скучным (*ennuyeux*) может быть спектакль, роман, разговор, собеседник (т.е. в том числе и человек - но не тот, которому скучно). Это явление в русском языке упоминается в книге (Апресян 1974) как пример регулярной многозначности прилагательных: 'имеющий свойство S - каузирующий свойство S' (см. также Арутюнова 1976, с.157). Здесь предлагается описание данного аспекта семантики прилагательных эмоционально-ментальной сферы на основе анализа актантной структуры предикатов внутреннего состояния, к которым они восходят (см. гл. I, §3.1).

Итак, определяемым именем в конструкциях с обсуждаемыми прилагательными может быть как Субъект, так и Объект исходного предиката, а также имена различных предметов и ситуаций, не являющихся актантами. Оставляя пока в стороне этот последний случай, рассмотрим классы, на которые разбиваются прилагательные в зависимости от того, с каким из семантических актантов исходного предиката внутреннего состояния они могут быть связаны определительным отношением. В Таблице 1 помещены примеры прилагательных рассматриваемых классов; прочерк означает, что для данного прилагательного соответствующее употребление невозможно.

Как показал проведенный анализ, разбиение прилагательных по этим "актантным" классам определяется морфологической структурой прилагательного, его семантикой, устройством лексической системы языка, а также просто языковой нормой.

Таблица 1.

Классы прилагательных	Определяемое имя является:	
	Субъектом	Объектом
1	un homme oublieux 'забывчивый человек'	-
2	-	un bruit effrayant 'ужасающий шум'
3	une jeune fille triste 'грустная девушка'	un paysage triste 'грустный пейзаж'

С точки зрения морфологии отглагольные прилагательные противопоставлены всем прочим, т.е. отыменным и неизменяемым⁶. Для отглагольных прилагательных существенны следующие два признака: тип суффикса и синтаксический тип мотивирующего глагола; а именно, различаются глаголы "активные" - с Субъектом в позиции подлежащего и Объектом в позиции дополнения (*douter* 'сомневаться', *craindre* 'бояться' и т.п.) и "пассивные" - у которых, наоборот, Объект является подлежащим, а Субъект - дополнением (*effrayer* 'пугать', *degoûter* 'внушать отвращение' и т.п.). Отглагольные прилагательные могут относиться только к какому-то одному актанту (т.е. распределяются между первым и вторым классом); то, какой это актант, определяется комбинацией значений указанных двух признаков. Исключение составляют прилагательные, образованные от "пассивных" глаголов при помощи суффикса *-able*, так как они могут определять не только Субъект, но и Объект - имеются в виду слова типа *effroyable*, которое обозначает 'пугающий', а не 'пугливый', как можно было бы ожидать; это обстоятельство является фактом нормы. См. Таблицу 2.

Для отыменных и неизменяемых прилагательных распределение по интересующим нас классам не имеет никакой формальной корреляции. Так, среди прилагательных с одним и тем же суффиксом *-eux* *douteux* обозначает 'вызывающий сомнение' (Объект), *sourçonneux* обозначает 'склонный к подозрительности' (Субъект), а *joyeux* - 'испытывающий радость' и 'вызывающий радость' (Субъект и Объект). Тем самым отнесение к одному из трех классов неотглагольного прилагательного определяется остальными факторами.

Таблица 2.

Прилагательные, образованные от:

"активного" глагола		"пассивного" глагола		
-ant ⁷	-able	-ant ⁷	-able	-part.pass. ⁸
Класс 1: прилагательные, определяющие Субъект				
méfiant 'недовер- чивый'	-	-	émotionnable 'впечатли- тельный'	ému 'растро- ганный'
méprisant 'презри- тельный'			irritable 'раздражи- тельный'	ravi 'восхи- щенный'
				fatigué 'усталый'
				surpris 'удив- ленный'
Класс 2: прилагательные, определяющие Объект				
-	redoutable 'страшный, опасный'	effrayant 'страшный'	effroyable épouvantable 'страшный, пугающий'	-
	regrettable 'достойный сожаления'	étonnant 'удиви- тельный'		
	haissable 'ненавист- ный'	offensant 'оскорби- тельный'		
	desirable 'желанный'	amusant 'забавный'		

Рассмотрим сначала влияние лексической системы и нормы. Здесь могут быть сформулированы следующие правила.

1. Если в данном языке есть другое прилагательное, восходящее к тому же предикату, то каждое из них обычно является определением только к одному из актантов. При этом вопрос о том, как они распределяются между первым и вторым классом, решается следующим образом:

- если прилагательное, "парное" к рассматриваемому, образовано от глагола и тем самым содержит в своей форме указание на то, какой актант оно может определять (см. Табл. 2), то рассматриваемое прилагательное занимает оставшееся "пустое место", т.е. является определением к другому актанту. Так, inquiet 'беспокойный' при наличии inquiétant 'беспокоящий' может относиться только к Субъекту; ср. также: nerveux - enervant, stupéfait - stupéfiant, haïeux - haïssable, envieux - enviable.

- если "парное" прилагательное также неотглагольное, то распределение членов данной пары прилагательных по классам диктуется исключительно нормой; например, soupçonneux - 'человек, склонный к подозрительности', suspect - 'объект, вызывающий подозрение'. Сюда же относятся случаи "супплетивизма", т.е. наличие в языке "парного" прилагательного, образованного от другого корня. Так, в ответ на просьбу образовать от глагола douter прилагательное с значением 'тот, кто сомневается' француз отвечает: sceptique; прилагательное douteux, таким образом, может характеризовать только объект, вызывающий сомнение.

2. Если в языке отсутствует прилагательное, "парное" к рассматриваемому, то отнесение прилагательного к одному из первых двух классов или к третьему (т.е. способность или неспособность сочетаться с обоими актантами) определяется исключительно языковой нормой.

Что касается однозначных прилагательных, то их распределение между первым и вторым классом обусловлено отчасти характером внутреннего состояния или свойства, с которым они соотносятся (естественной "выделенностью" одного из участников), отчасти - выбором перспективы. Так, в ситуациях, описываемых прилагательными affectueux 'ласковый, любящий, нежный', content 'довольный', dédaigneux 'высокомерный, пренебрежительный', jaloux 'ревнивый', fier 'гордый', anxieux 'озабоченный', oublieux 'забывчивый', Субъект естественным образом выделен: чтобы представить ту же ситуацию "с точки зрения" другого участника (Объекта), потребуются более сложные, описательные средства, если это вообще возможно (так, трудно себе представить, что могло бы быть "конверсивом" для слов типа *довольный*, *озабоченный* и др.). Наоборот, для таких прилагательных, как craintif 'боязливый' (класс 1), pitoyable 'жалкий' (класс 2), существен именно выбор перспективы, так как соответствующие ситуации в принципе могут рассматриваться с разных точек зрения (ср. 'боязливый' - 'страшный', 'жалкий' - 'жалостливый').

Можно указать также на некоторые дополнительные различия в семантике между прилагательными первого и второго классов.

Одно существенное различие состоит в том, что прилагательные, характеризующие Субъект, могут обозначать как свойство, так и состояние⁹, в то время как прилагательные, относящиеся к Объекту, обозначают исключительно свойства. Так, фраза *il est nerveux* может обозначать 'он нервничает' (состояние) и 'он нервный' (свойство), а фразы *cette interpretation est douteuse* 'эта интерпретация сомнительна', *ton voisin est ennuyeux* 'твой сосед скучен'¹⁰ могут обозначать только свойства.

Кроме того, прилагательные со значением эмоциональных и прочих внутренних состояний, ориентированные на Субъект, часто содержат в своем значении дополнительные семы - характеристики поведения, внешнего вида и прочих форм проявления описываемых эмоций. Так, например, слово *confus* 'смущенный' содержит указание на выражение лица, *affectueux* 'любящий' - указание на определенный тип поведения, и т.д. Прилагательные, ориентированные на Объект этих сем не имеют.

Неоднозначные прилагательные (т.е. способные определять как Субъект, так и Объект) составляют во французском языке немногочисленную группу. Наиболее "чистые" случаи представлены словами *triste*, *mélancolique* 'грустный' и *gai*, *joyeux* 'веселый, радостный'. Примеры:

определение к Субъекту

Je suis triste comme un
lendemain de fête

Les gens tristes sont
peu appréciés dans
la société

un homme rêveur et
mélancolique

un joyeux garçon
il est toujours gai

определение к Объекту

Le ciel est triste et
beau comme un grand
reposoir

Dans ce triste corridor, je
réalisais obscurément que
mon enfance prenait fin

Le changeant mois de mars
était arrivé, et avec lui
l'enivrement du printemps,
joyeux pour les jeunes,
mélancolique pour ceux qui
declinent

une joyeuse nouvelle
une chanson gaie

В русском языке кроме прилагательных с тем же значением (ср. пример из Арутюнова 1976, с. 157: *Это событие обрадовало мальчика* --->

радостное событие и радостный мальчик), к числу неоднозначных относятся также слова *подозрительный, нервный, беспокойный, хлопотливый*. Соответствующие французские прилагательные обсуждаемой многозначностью не обладают.

Как уже указывалось выше, прилагательные эмоционально-ментальной сферы могут служить определением также и к существительным, не являющимся актантами предиката внутреннего состояния, к которому они восходят. Такое употребление возможно только для прилагательных первого и третьего классов, т.е. для тех, которые могут определять Субъект.

Эти существительные довольно разнообразны по своей семантике. Наиболее обширную группу составляют слова, обозначающие различные аспекты внешнего вида и поведения (речи) человека: *un visage* 'лицо', *un regard* 'взгляд', *une attitude* 'поведение, позиция, отношение'. В прилагательном при этом происходит перенос значения 'испытывающий S - выражающий S.' (ср. Апресян 1974, с. 212, Вольф 1978, с. 58): *un air chagrin, un regard envieux, un geste craintif, un oeil soupçonneux, des paroles inquiètes*. Прилагательные третьего класса (неоднозначные) при сочетании с существительными этого типа сохраняют оба "актантных" значения: выражение *une lettre triste* обозначает одновременно 'письмо, выражающее грусть [писавшего]' и 'письмо, вызывающее грусть [у читающего]'. Ср. *des lettres affectueuses*, где возможно лишь понимание 'письма, выражающие нежность, любовь'.

Отметим особо выражение *une attitude honteuse*, которое, в отличие, например, от *une attitude dédaigneuse* - 'поведение, выражающее презрение, отвращение', обозначает не 'поведение, выражающее стыд', т.е. поведение человека, которому стыдно, а 'поведение, вызывающее стыд [у других людей за этого человека]'; или даже 'поведение, которое, по мнению субъекта оценки, должно вызывать чувство стыда у самого человека'.

Другую группу составляют имена, являющиеся сирконстантами - темпоральными или локальными - предиката внутреннего состояния. Здесь происходит перенос значения 'испытывающий S' - 'время, когда/место, где [кем-то] было испытано состояние S': *l'âge heureux de l'enfance* 'счастливая пора детства', *les jours tristes que nous avons passés* 'печальные дни, пережитые нами', *un pays malheureux* 'несчастливая страна', *des champs heureux et paisibles* 'счастливые мирные поля'. Это употребление характерно для прилагательных третьего класса и близких к ним *heureux* 'счастливый' и *malheureux* 'несчастный'.

Третья группа - имена "мероприятий", имплицитно содержащие в своем значении указание на людей, испытывающих описываемое состояние: *une fête* 'праздник', *un dîner* 'обед', *un anniversaire* 'юбилей' и т.д.

§ 3. ПВС в контексте наречия *напрасно*

Исследование семантики глагольных определителей - в частности, наречий - помимо самостоятельной лингвистической ценности представляет интерес в силу того, что сочетаемость наречия с глаголом является эффективным инструментом семантического анализа глагола. При этом картина осложняется возможной многозначностью как глагола, так и самого наречия, поэтому правильнее было бы говорить о сочетаемости определенных значений глагола и наречия (ср. анализ слова *всегда* в Падучева 1985б). Наречие *напрасно*, о котором здесь пойдет речь, представляет в данной связи особый интерес - по причине своей многозначности и одновременно широкой сочетаемости¹¹.

Рядом с *напрасно* в русском языке существует слово *зря*, в большинстве своих употреблений очень близкое к *напрасно*, ср. (1) *Он зря/напрасно это сделал*, (2) *Ты зря/напрасно его боишься* и т.п. (однако имеющее одно существенно отличное от *напрасно* значение, ср. (3) *Что вы, ребяташки, зря/*напрасно сидите, подрались бы лучше* /Горький/). Поэтому в наш материал включены также те примеры употребления слова *зря*, где оно может быть заменено на *напрасно* с сохранением семантической правильности и собственно смысла предложения; соответственно, говоря о наречии *напрасно*, мы будем иметь в виду *напрасно* или такое *зря*, которое может быть заменено на *напрасно*.¹²

Наречие *напрасно* имеет три значения¹³.

'Напрасно 1' (значение неэффективности действия)

Примеры:

- (4) *Я несколько раз напрасно пытался заснуть* /Тургенев-К/
 (5) *Напрасно (а) упрашивал его Азамат согласиться, и (б) плакал, и (в) лгнул ему, и (г) клялся* /Лермонтов/
 (6) *Увы! Напрасно деду гордой Я предлагал свою любовь. Ни наша жизнь, ни наша кровь Ее души не тронет твердой* /Пушкин/
 (7) *В молодых летах, - сказал он, - я ослеп. И с той поры не знал ни дня, ни ночи До старости: (а) напрасно я лечился И зелием и тайным нашептаньем; (б) Напрасно я ходил на поклоненье В обители к великим чудотворцам; (в) Напрасно я из кладезей святых Кропил водой целебной темны очи; Не посылал господь мне исцеленья* /Пушкин/.
 (8) *Он напрасно останавливал, потрясая нагайкой, бегущих солдат* /Станюкович-К/

(9) *Столько лет клад ищешь - и все зря* /К/

(10) *Напрасно он ухаживает... от меня ему ничего не дожидаться* /Островский-К/.

(11) *Напрасно Печорин целовал ее холодные губы - ничто не могло привести ее в себя* /Лермонтов/.

(12) *Слушая сейчас Соколова, Николай Петрович с досадой думал, что пришел сюда совсем напрасно: Соколову он ничем помочь не может* /К/.

Значению 'напрасно 1' может быть предложено следующее толкование¹⁴ (данное толкование дается для случая, когда глагол, связанный с *напрасно*, стоит в форме несов. вида прош. времени; прочие случаи будут особо оговорены ниже):

X напрасно P - [през.]: 'имеет место P(X)

X хочет, чтобы было Q

X считает, что P приведет к Q

[асс.]: P не привело к Q'.

Значение 'напрасно 1' включает представление о двух ситуациях: одна ('P') - ситуация, описываемая семантически подчиненным наречию глаголом P (в примерах он выделен жирным шрифтом), которая представляет собой некоторое действие субъекта X, и другая ситуация ('Q'), являющаяся для субъекта X целью 'P'¹⁵. Причинно-результативная связь между 'P' и 'Q' может быть более или менее сильной; соответственно, более или менее тесной может быть связь семантики глагола P с ситуацией 'Q'. Мы будем различать здесь следующие случаи.

А. 'P' и 'Q' связаны синтагматически, а именно, таким образом, что глагол (предикат) Q заполняет объектную валентность глагола P (тем самым обозначение ситуации 'Q' присутствует в предложении одновременно с обозначением 'P'). Сюда относятся, с одной стороны, глаголы со значением стремления (*стремиться, пытаться, стараться, хотеть <что-то сделать>*, см. пример (4)) - и, с другой стороны, глаголы каузативной семантики (*просить, уговаривать, предлагать, призывать, заставлять <кого-то/кому-то что-то сделать>*, см. примеры (5а), (6)).

Б. 'P' и 'Q' связаны парадигматически. Это могут быть два члена видовой пары с семантическим противопоставлением 'попытка' - 'успех' (см. Маслов 1984, с. 59-61), или 'действовать с целью' - 'цель реализована' (см. Гловинская 1982, с. 89-91), т.е. пары типа *решать - решить, лечить - вылечить, ловить - поймать, останавливать - остановить*; см. примеры (7а), (8). Но это могут быть также пары разных глаголов с близким семантическим соотношением: глагол P обозначает действие, направленное на результат, Q - желаемый результат (при этом представление о 'Q' входит в се-

мантику глагола Р); ср.: *искать - найти, смотреть - увидеть, звать (X, Y) - прийти (Y), угощать (X, Y, Z) - есть (Y, Z), спрашивать (X, Y Z) - знать (X, Z)*; см. примеры (9), (10). При этом сам глагол Q в поверхностной структуре обычно отсутствует, однако в предложении может содержаться описательное обозначение отсутствия 'Q' или ситуации, из которой следует отсутствие 'Q'.

В. Связь между 'P' и 'Q' устанавливается на уровне предложения или текста, т.е. 'Q' никак не следует из смысла самого P - ср. *позвонил ('P'), чтобы узнать ('Q') пришел, чтобы помочь; сказал, чтобы произвести впечатление* и т.д.. Указание на ситуацию 'Q' здесь обычно содержится в предложении (часто - в отрицательной форме). См. примеры (11), (12), а также (56-г), (76,в).

Что касается вида глагола P, то здесь нужно сказать следующее. В случаях А и Б форма несов. вида является единственно возможной. Дело в том, что в обоих этих случаях представление о 'Q' входит в семантику P (а именно, 'Q' является результатом действия 'P'); с другой стороны, в значении формы сов. вида глагола P здесь входит смысл 'достижение результата', т.е. наступление 'Q' - что непосредственно противоречит толкованию 'напрасно 1'. В случае В возможна также форма сов. вида: здесь представление о 'Q' не входит в семантику глагола P, поэтому, даже если сов. вид вносит значение достижения результата, то это касается результата действия 'P', который не совпадает с 'Q' - и тем самым противоречия со смыслом 'напрасно 1' не возникает.

Время (а также наклонение) глагола P большого значения не имеет (здесь достаточно довольно несложного пересчета по сравнению со значением, реализующимся в контексте прош. времени, которое является семантически первичным). Единственное существенное обстоятельство, которое следует упомянуть, состоит в том, что в наст. времени ассертивный компонент в 'напрасно 1' может, помимо автоматического изменения (а именно, добавления смысла '...к настоящему моменту'), приобретать импликацию 'говорящий считает, что Q вообще не наступит' - см. пример (10).

Рассмотрим теперь некоторые более сложные случаи реализации значения 'напрасно 1'.

Первый из них состоит в том, что вместо единичной ситуации 'Q' выступает множество ситуаций, обладающих свойством 'наступить в результате P'; соответственно, реализация любой из них рассматривается как "успех" 'P'. В этом случае *X напрасно P* означает 'не существует такого Q, которое наступило бы в результате P', т.е. действие 'P' не повлекло за собой никаких (релевантных) изменений в мире, которые не наступили бы при отсутствии 'P'. Так, например, если человек поехал в магазин, чтобы купить себе пальто,

а подходящего пальто не оказалось, то это еще не обязательно означает, что он съездил напрасно - так как он мог купить в том же магазине шляпу или приобрести по дороге выигранный лотерейный билет, или встретить на улице хорошего знакомого. Таким образом, для того, чтобы сказать *Я съездил напрасно* иногда бывает недостаточно неосуществления того 'Q', которое было целью действия 'P': нужно, чтобы 'P' не имело никаких релевантных последствий.

Другой вариант значения 'напрасно 1' может быть проиллюстрирован следующими примерами:

(13) *Не читаешь? Книги зря стоят?* /К/.

(14) *Стыдно признаться, что сорок лет прошли зря* /К/.

Здесь значение 'напрасно 1' реализуется в контексте глаголов, обозначающих неконтролируемые ситуации. Возможность такого употребления объясняется тем, что в предложениях типа (13) и (14) оператор 'напрасно 1' применяется не к тому предикату, который связан с соответствующим наречием поверхностно-синтаксическим отношением, а к другому, образующему структуру, которая является в некотором смысле исходной для данного предложения, и этот предикат обозначает контролируемую ситуацию. Так, для (13) такой исходной структурой может быть (13') *Кто-то поставил сюда книги <чтобы ты их прочел>* или даже (13'') *Книги пишутся <для того, чтобы их читали>*; для (14) это может быть (14') *Бог (природа) дает человеку жизнь <чтобы он совершил нечто>*; ср. также пример (15), сохраняющий следы исходной агентивной структуры: (15) *Но грустно думать, что напрасно была нам молодость дана* /Пушкин/.

Как легко убедиться, если предложение, обозначающее неконтролируемую ситуацию, не допускает подобной агентивной реконструкции, то употребление *напрасно* обычно невозможно (даже если между 'P' и 'Q' имеется причинно-результативная связь того же типа, что и в примерах, рассмотренных выше), ср.: [?] *Снег зря лежит: никто не лепит из него снежную бабу;* [?] *Напрасно шли дожди - грибов в ту осень так и не было.*

Примеры (14) и (15) обладают еще одной особенностью - субстанциональной неопределенностью ситуации 'Q' (единственное свойство 'Q', которое можно назвать, состоит в том, что это такая ситуация, что если бы она наступила, то можно было бы сказать, что 'P' было не напрасно).

Интересно, что существуют глаголы, в значение которых входит смысл 'напрасно 1' (в варианте с неопределенным 'Q') - такие как *пропадать, терять, губить* (ср. неправильность выражений типа **пропадает не зря*)¹⁶. Весьма характерное для этих глаголов сочетание с наречиями *напрасно* и *зря* является - с точки зрения собственно смысла - плеонастическим (т.е. наречие здесь факультативно; см. ниже пример (16), для которо-

го очевидна синонимия выражений *пропадает зря* и *пропадает*). Наречие *напрасно* (*зря*) в сочетании с перечисленными глаголами служит для коммуникативных целей, а именно, для распределения информации внутри предложения: дублируя некоторую часть значения глагола, оно позволяет сделать логическое ударение именно на этой части. Ср.:

(16) *...образованная, начитанная, романтическая, она страдала еще и оттого, что пропадают зря ее знания, ум, натура, как пропадает душа /Рощин/.*

(17) *Но увлечение живописью все чаще и чаще сменялось тревогой. Не зря ли теряю время? /Тендряков/.*

В варианте с неопределенным 'Q' значение 'напрасно 1' максимально приближается к значению 'зря' (т.е. такому, для выражения которого может быть использовано только слово *зря*, но не *напрасно*). Между ними, однако, сохраняется различие, которое может быть описано приблизительно следующим образом: если 'напрасно 1' имплицитно подразумевает наличие у данного действия некоторого результата - ради которого оно и совершается - то *зря* вводит в рассмотрение действие, изначально замкнутое на самом себе, не предполагающее никакого результата, помимо себя самого; ср. выше пример (1), а также (18) *В лес придет, зря ветки не сломит.*

Третье отклонение от стандартного значения 'напрасно 1' обусловлено переосмыслением ассертивного компонента. Дело в том, что утверждение 'P не привело к Q' может быть истинно не только в том случае, когда 'P' наступило, а 'Q' нет, но и в случае, когда 'Q' наступило **независимо** от 'P'. Как оказывается, этот смысл тоже может выразиться наречием *напрасно*:

(19) *Ведаю доблесть твою и о ней говоришь ты напрасно /Гнедич-К/.*

(20) *Мамонтов напрасно начинал разговор издали, колхозники соглашались сразу /Солоухин-К/.*

(21) *Зря напоминаешь, хорошее не забывается /Ажаев-К/.*

'Напрасно 3' (оценочное значение)

Для удобства изложения мы рассмотрим следующим то значение слова *напрасно*, которое в соответствии с естественной логикой нумерации значений должно быть последним. Это оценочное значение, представляющее собой новообразование современного, прежде всего разговорного, языка. Приведем примеры.

(22) *Напрасно отказалась от ресторана. Сидела бы сейчас в веселии и празднике, выпила бы шампанского, помирилась с Егоровым /В.Токарева/.*

(23) *Зря* послушал я Лизавету, купил этот дурацкий барский дом /Горький-К/.

(24) *Плохие стихи. Зря* вы их пишете /К/.

(25) Я завел свинью. - *Напрасно*. Лучше бы лошадь. /Чехов-К/.

(26) Ну как, Панкратов, сепаратор работает! - Не знаю, не интересуюсь. - *Напрасно*. Так вот, работает. /А.Рыбаков/.

(27) Я в винах плохо разбираюсь, - смутился Липман. - *Напрасно*, - сказал Сталин, - в винах надо разбираться /А.Рыбаков/.

Для значения 'напрасно З' предлагается следующее толкование:

X напрасно P - [през.]: 'имеет место P(X)

[асс.]: 'говорящий считает, что P плохо'

или: '...что некоторое R, которое могло быть вместо P, лучше, чем P (в частном случае R = отсутствие P)'.

Оценка, вводимая 'напрасно З', - всегда рациональная (она предполагает основание) и сравнительная (она предполагает выбор) - см. гл. II, §2. Основанием оценки служит либо представление говорящего о "пользе" для субъекта X (ср. Вольф 1985, с. 76), либо некий общий норматив.

Для оценочного *напрасно* основным является употребление в контексте глаголов, обозначающих контролируемые действия: примеры (22)-(25); ср. (Вольф 1985, с. 141). Поскольку совершение любого действия означает выбор - между какими-то альтернативными возможностями или просто между действием и его отсутствием - высказывание с оценочным *напрасно* равносильно утверждению, что выбор был сделан неправильно; при этом неосуществившаяся положительная альтернатива часто бывает указана в том же предложении или в ближайшем контексте (см. примеры (22), (25)). В этом отношении оценочное *напрасно* сближается с глаголом *жалеть* (*сожалеть*) - ср. гл. III § 4. А именно, синонимия между *напрасно* и *жалеть* возникает в случае совпадения субъекта действия и субъекта оценки, поэтому, например, при переводе высказывания от 1-го лица в высказывание от 3-го лица для указания на то, что оценка принадлежит субъекту действия, а не говорящему, *напрасно* следует заменить на *жалеть*; ср. *Напрасно я отказался* --> *Он жалеет, что отказался*, но не: *Напрасно он отказался* (за исключением случая несобственно-прямой речи, ср. пример (22)).

Как уже отмечалось, оценочное *напрасно* является новообразованием современного разговорного языка; оно распространяется, захватывая все более широкие контексты. Прежде всего это касается возможности употребления оценочного *напрасно* в контексте неконтролируемых ситуаций (см. примеры (26), (27)); однако, как можно убедиться, требование контролируемости, имплицитное этим наречием, и здесь не исчезает бесследно.

Наиболее характерные сочетания оценочного *напрасно* с неконтролируемыми глаголами составляют "отрицательные" внутренние состояния и свойства - 'не знать', 'не интересоваться', 'не разбираться' и т.п. При этом контекст *напрасно* "наводит" смысл ответственности человека за наличие у него данного состояния (свойства) - вводя в рассмотрение некоторое контролируемое действие. Так, *Напрасно ты этого не знаешь* содержит смысл 'мог бы принять меры к тому, чтобы знать' (т.е. у кого-то спросить или где-то прочесть); *Напрасно не разбираешься в винах* - 'мог бы поучиться' и т.д. (в отличие от "положительных" внутренних состояний, которые и не сочетаются с *напрасно*, - ср. **Напрасно ты это знаешь*).

Следует особо отметить, что оценочное *напрасно* является модификатором предложения (а не модификатором глагола, как другие значения этого наречия) и служит для оценки фактов. Поэтому для оценочного *напрасно* характерно употребление без синтаксической связи с глаголом, а именно, оно либо стоит в начале предложения, либо составляет отдельное предложение (в ответной реплике в диалоге), либо присоединяется к анафорическому заместителю предложения - см. примеры выше.

Кроме того, в отличие от 'напрасно 1', которое сочетается преимущественно с несов. видом глагола, значение 'напрасно 3' (в его основном варианте, т.е. в контексте контролируемых ситуаций) сочетается преимущественно с сов. видом - (ср. Арутюнова 1985, с. 19 о свойствах оценки факта). Поэтому глагольный вид может служить основанием для различения 'напрасно 1' и 'напрасно 3', ср. (28) *Зря я вписывал сюда латинский текст: все равно пришлось все переделывать* ('напрасно 1') и (28') *Зря я вписал сюда латинский текст: оказывается, его можно было впечатать* ('напрасно 3').

Однако в целом контекста одного предложения часто бывает недостаточно для выбора между двумя рассматриваемыми значениями. Приведем некоторые примеры.

(29) [Что могли сделать несколько студентов?] *Напрасно* они погубили себя /Герцен-К/.

(30) *Школы, говоришь, зря заводят?* [-Зря. Грамота мужику не к делу] /К/.

(31) *Десять лет замираний и криков, Все мои бессонные ночи Я вложила в тихое слово И сказала его - напрасно. Отошел ты и стало снова на душе и пусто и ясно* /Ахматова/.

Пример (29) может быть прочтен двояко: при понимании с 'напрасно 1' здесь высказывается мнение о том, что некоторый поступок (обозначенный как "они погубили себя") был безрезультатным; однако для (29) возможно также понимание с 'напрасно 3' - тогда это будет мнение о том, что

поступок не стоило совершать (безрезультатность выступает в этом случае лишь как основание оценки). Лишь более широкий контекст (*Что могли сделать несколько студентов?*) разрешает эту неоднозначность в пользу 'напрасно 1'.

В примере (30), где присутствует та же неоднозначность, контекст указывает, наоборот, на понимание с 'напрасно 3' (*грамота мужику не к делу*, т.е. школы заводить неправильно) - ср. другое возможное продолжение для (30), имплицитное понимание с 'напрасно 1': *...Зря. Все равно грамоте мужика не научишь*. В примере (31) неоднозначность между 'напрасно 1' и 'напрасно 3' так и остается неразрешенной.

'Напрасно 2' (значение ошибочности мнения)

Это значение реализуется в контексте глаголов, содержащих в своей семантической структуре компонент мнения; сочетание с *напрасно* означает в этом случае несогласие говорящего с данным мнением (т.е. говорящий либо придерживается противоположного мнения, либо обладает знанием, опровергающим это мнение). Например:

(32) *Напрасно думают, что романы могут быть вредны для сердца* /Карамзин-К/ (говорящий думает иначе).

(33) *Зря кое-кому на Западе кажется, что можно скрыть от широкой европейской общественности ту опасность, которую представляет собой политика США* /К/.

(34) *Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями, - напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров* /Лермонтов/.

Толкование для 'напрасно 2':

X напрасно P - [през.]: 'X считает, что P' (P' входит в семантику P)

[асс.]: говорящий считает (или знает), что не P'.

Сочетаемость с 'напрасно 2' определяется наличием и местом в семантической структуре глагола следующих двух компонентов (соответствующих двум типам мнения): 'X считает, что P возможно/вероятно' и 'X считает, что P хорошо/плохо'. Мнение первого типа - экзистенциальное мнение, или просто мнение - противопоставлено знанию; поэтому 'напрасно 2' не сочетается с глаголами *знать, понимать, помнить, догадаться* и т.п. Мнение второго типа - оценочное мнение, или "рациональная" оценка - противопоставлено оценочному ощущению ('X ощущает: P хорошо/плохо'); поэтому 'напрасно 2' не сочетается с глаголами, обозначающими "чисто эмоциональные" состояния и отношения: *нельзя *напрасно любить, раскаиваться, испытывать отвращение*. Ср. гл. II § 1.2, § 2.2.

Глаголы, с которыми сочетается 'напрасно 2', можно разделить на следующие классы.

I.1. Глаголы, обозначающие собственно мнение: *думать, считать, полагать, верить, быть уверенным, казаться, ожидать, рассчитывать* и др. Здесь мнение является единственным асертивным компонентом, и с ним и взаимодействует слово *напрасно*. К этой же группе относится глагол *воображать*; поскольку в его семантику входит представление о ложности мнения, содержание которого составляет подчиненная пропозиция, при сочетании этого глагола с 'напрасно 2' наречие дублирует сему, уже присутствующую в глаголе (ср. выше о глаголах типа *пропадать* в контексте 'напрасно 1' - примеры (16), (17)). Так, оба предложения (35) и (35') - обозначают 'X считает, что P & X ошибается':

(35) *Человек только воображает, что беспредельно властвует над вещами /Тэффи/.*

(35') *Человек напрасно воображает, что беспредельно властвует над вещами.* Ср. также:

(36) *Во-первых, я скажу ей, что она напрасно воображает, что я ее люблю /Чехов-К/.*

I.2. Глаголы, в которых помимо асертивного компонента экзистенциального мнения имеется презумптивный компонент - оценочное мнение: *надеяться, бояться* (в значении 'считать вероятным'), *подозревать, сомневаться*. *Напрасно* здесь взаимодействует именно с асертивным компонентом, т.е. служит для опровержения экзистенциального мнения; презумптивный компонент остается незатронутым. Ср.: (37) *Ты напрасно его подозреваешь (он тут ни при чем)*; ср. также примеры (34) и (38).

(38) - *Я не хотел с вами знакомиться, - продолжал я, потому что вас окружает слишком большая толпа поклонников, и я боялся в ней исчезнуть совершенно. - Вы напрасно боялись! Они все прескучные /Лермонтов/.*

I.3. Глаголы, обозначающие эмоциональные состояния и отношения, основанные на оценочном мнении, которое является здесь, наоборот, асертивным компонентом. Эффект взаимодействия с 'напрасно 2' состоит в этом случае в выражении несогласия говорящего с этим оценочным мнением. Сюда относятся глаголы: *бояться* (в значении 'испытывать страх'), *волноваться, злиться, сердиться, огорчаться, радоваться, уважать, жалеть, сожалеть, завидовать, осуждать* (в значении, не включающем компонент речи) и др. Например:

(39) *Любви моей ты боялся зря, Не так я страшно люблю /Н.Матвеева/ (в глаголе содержится оценка "плохо"; говорящий ее опровергает).*

(40) Ты напрасно жалеешь, что не поехал с нами за город: поездка оказалась неудачной (жалеешь, что не Р ≠ 'считаешь, что Р хорошо'; я утверждаю: Р плохо').

(41) Во всяком случае, сеньор, вы напрасно волнуетесь. Суда вам, конечно, не избежать, но наверное вас оправдают /Чехов-К/.

Многие глаголы этой группы содержат, кроме того, презумптивный эпистемический компонент (экзистенциальное мнение); так радоваться, огорчаться, сердиться, сожалеть можно по поводу того, что, как человек считает, имеет место; бояться - того, что может произойти. Этот компонент, будучи презумптивным, с *напрасно* не взаимодействует, т.е. экзистенциальное мнение не опровергается. Например: (42) Ты зря боишься этого экзамена (то, что экзамен предстоит, не подвергается сомнению; оспаривается именно оценка этого события как плохого).

Оспаривание оценки часто происходит в форме выдвижения нового параметра, по которому оценка имеет противоположный знак, и этот параметр, как представляется говорящему, более существенный. Например: (43) Ты напрасно его за это осуждаешь: он действовал из самых лучших побуждений (субъект установки считает, что некоторый поступок плох; говорящий пытается опровергнуть это мнение указанием на другой параметр, который кажется ему более существенным: намерения были хорошие). Другой способ спорить с оценкой состоит в указании на последствия обсуждаемого события, которые имеют противоположный оценочный знак. Например: (44) Напрасно торжествуют враги пролетариата, напрасно радуется правительство. День всенародного восстания недалек.

Как уже говорилось, среди глаголов эмоционального состояния и отношения граница между допускающими и не допускающими сочетание с 'напрасно 2' проходит в зависимости от характера оценочного компонента, а именно, от того, включают они оценку как мнение или оценку как ощущение (см. гл. II §2).

Для примера сравним отношения 'любить' и 'не любить' (имеется в виду значение с идиоматическим отрицанием - см. Богуславский 1985). Нельзя сказать - имея в виду смысл 'напрасно 2' - Ты напрасно любишь Васю¹⁷, но вполне допустимо Ты напрасно не любишь Васю (он хороший человек). Это значит, что эти отношения устроены не симметрично: если любить, как известно, можно "просто так", ни за что, то для того, чтобы не любить, нужно какое-то основание типа мнения 'считать плохим'; с этим мнением можно спорить. Отношение 'любить' не предполагает никакого мнения - поэтому здесь не с чем спорить и следовательно нельзя употребить 'напрасно 2'.

Итак, первые две группы образуют глаголы мнения, в сочетании с которыми *напрасно* указывает на ошибочность экзистенциального мнения, третью - глаголы эмоционального состояния и отношения, в сочетании с которыми *напрасно* указывает на ошибочность оценочного мнения. Во всех трех случаях здесь в глаголе имеется лишь один ассертивный компонент, с которым и взаимодействует слово *напрасно*; результат этого взаимодействия для каждого глагола однозначен.

Но существуют, кроме того, глаголы, включающие компонент мнения наряду с другими компонентами, тоже ассертивными. В этом случае значение сочетания с *напрасно* для одного и того же глагола может быть различным - в зависимости от того, с каким из этих компонентов наречие взаимодействует. Наиболее широкий класс составляют случаи совмещения мнения с речью; здесь могут быть выделены те же три группы.

II.1. Глаголы, содержащие два ассертивных компонента - экзистенциальное мнение и речь. Это, прежде всего, глагол *говорить*, а также *утверждать*, *возражать*, *отрицать*, *называть* и др. Рассмотрим глагол *говорить/сказать*. В случае актуализации компонента мнения реализуется значение 'напрасно 2':

(45) Ты напрасно говоришь, что с годами реакция на хамство притупляется. Наоборот, она обостряется (глагол *говорить* обозначает мнение; *напрасно* указывает на несогласие с этим мнением).

(46) Денотат *уводит вперед сигнификат*. А может быть, я это зря сказал (человек усомнился в правильности высказанного мнения).

Если актуализируется компонент речи, то речь, являясь частным случаем действия, может рассматриваться с точки зрения своей эффективности; тогда реализуется значение 'напрасно 1' (действие не достигло результата):

(47) Напрасно говорю я себе, что я не мог ожидать такой мгновенной развязки /Тургенев/ (говорю с целью убедить; цель не достигается).

(48) И напрасно слова покорные *Говоришь о первой любви*. Как я знаю эти упорные *Несытые взгляды твои!* /Ахматова/ (то же: ты говоришь, чтобы я поверила; я не верю).

Речь как разновидность действия может сочетаться также и с оценочным значением 'напрасно 3' (в этом случае в тексте часто содержится обоснование оценки):

(49) Зря она сказала, что никто не знает сейчас "мирискусников": Михаил Юрьевич огорчился /А. Рыбаков/ (плохо сделала, что сказала; лучше было не говорить).

(50) Напрасно он с тобой говорил, - ответила дочь. - Это касается только его и меня /Набоков/.

По аналогии с *воображать*, к группе II.1 относится глагол *клеветать*, тоже содержащий смысл ложности мнения; соответственно, в сочетании *напрасно клеветать* также происходит дублирование смысла; ср.: (51) *Но я напрасно клеветцу на себя* /Тургенев/.

Далее, группе I.2 соответствует группа II.2, куда относятся глаголы, имеющие презумптивный оценочный компонент и два ассертивных - экзистенциальное мнение и речь. Это, прежде всего, глагол *обвинять*, а также имеющие более сложную структуру глаголы *упрекать*, *оскорблять*, *обижать*. Ср.:

(52) *Постойте - вы должны узнать, что обвинили Меня напрасно... что ни в чем не виновата Ваша жертва* /Лермонтов/.

(53) *Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упрёком и подозрением* /Пушкин/.

II.3. В эту группу входят глаголы, имеющие презумптивный компонент экзистенциального мнения и два ассертивных - оценочное мнение и речь: *хвалить*, *ругать*, *осуждать*, *жаловаться*, *роптать*, *восторгаться* и др. Здесь возможны все три значения. Наиболее характерным является значение 'напрасно 2', ср.: (54) *На климат свой напрасно мы жалуемся* (т.е. климат не такой плохой) /Вяземский-К/. 'Напрасно 3': (55) *Зря восторгаешься, ни к чему эти восторги* /К/. Понимание с 'напрасно 3' и с 'напрасно 1' обычно требует более сильного контекста; ср. (56) *Ты напрасно его ругал: он так расстроился, что на него жалко смотреть* ('напрасно 3') и (56') *Ты напрасно его ругал: он продолжает делать то же самое* ('напрасно 1': действие не достигло результата). Другой пример контекстного разрешения неоднозначности для глаголов этой группы: (57) *Михаил не зря делал комплименты Натали: она действительно необыкновенно хороша* ('напрасно 2'); (57') *Михаил не зря делал комплименты Натали: кажется, он добился у нее успеха* ('напрасно 1').

Одновременно с мнением глагол может содержать вместо речевого компонента также и некоторые другие, например, компонент выражения эмоции, ср.: (58) *Ты напрасно плачешь: я не стою твоих слез* ('напрасно 2') и (58') *Ты напрасно плачешь: слезами ты ничего не добьешься* ('напрасно 1').

Возможны также и более сложные случаи - когда присоединение к глаголу слова *напрасно* служит для указания на то, что описываемое им действие было основано на неправильном мнении. Ошибочность мнения влечет за собой неэффективность этого действия и одновременно служит основанием для его переоценки. Например:

(25) *Ничего не нашли. Скорее всего, это была кишечная колика. - Значит, напрасно разрежали?* /В. Токарева/ (основанием для действия -

операции - было определенное мнение о характере болезни; это мнение оказалось неправильным). Ср. также:

(26) *Напрасно я вчера дал жене телеграмму, что приеду. Может быть, еще убьют завтра.* /Вересаев-К/.

(27) *Но вы напрасно обратились с этой вещью ко мне. Вам надо было обратиться в какой-нибудь музей или кунсткамеру* /Катаев-К/.

Эффект взаимодействия со словом *напрасно* для глаголов, содержащих компонент мнения, может быть представлен в виде следующей таблицы (условные обозначения: МН - экзистенциальное мнение, ОЦ - оценочное мнение, Н1 - 'напрасно 1', Н2 - 'напрасно 2', Н3 - 'напрасно 3'):

Таблица

группы глаголов	презюмтивные компоненты	ассертивные компоненты	примеры глаголов	значения слова <i>напрасно</i>
I.1.	-	МН	<i>думать</i>	Н2
2.	ОЦ	МН	<i>надеяться</i>	Н2
3.	МН	ОЦ	<i>сожалеть</i>	Н2
II.1	-	МН, РЕЧЬ	<i>говорить</i>	Н1/Н2/Н3
2.	ОЦ	МН, РЕЧЬ	<i>обвинять</i>	Н2
3.	МН	ОЦ, РЕЧЬ	<i>ругать</i>	Н1/Н2/Н3

Обратим внимание на еще одно различие между значениями *напрасно*, а именно, на их отношение к отрицанию. В значении неэффективности действия и ошибочности мнения *напрасно* свободно присоединяет отрицание (ср. *Я съездил напрасно* и *Я съездил не напрасно*; *Я зря его боялся* и *Я не зря его боялся*). В оценочном же значении *напрасно* не допускает отрицания: предложение *Я не напрасно отказался* не может быть понято как содержащее 'напрасно 3'. Это свойство объединяет оценочное *напрасно* со многими другими оценочными наречиями (*не великолепно, *не к счастью, **не лучше <было согласиться>* и т.п. - см. Вольф 1985, с. 95, Арутюнова 1983).

Иначе ведет себя оценочное значение *напрасно* и по отношению к отрицанию при глаголе. А именно, будучи модификатором предложения, 'напрасно 3' может характеризовать предложение как положительное, так и отрицательное по форме (ср. Арутюнова 1985, с. 14) - при том что употребление двух других значений этого наречия в контексте отрицания при подчиненном глаголе является достаточно редким, так как оно ограничено случа-

ями, когда *не P* не означает 'неверно, что P'. Сюда относятся, в частности, конструкции с "подъемом отрицания" *Ты напрасно не считаешь это возможным*, сочетания типа *не любить* (с идиоматическим отрицанием), а также сочетания отрицания с акциональными глаголами, приобретающие контекстно обусловленное значение единого действия, ср. *Я напрасно не выходил из дома <чтобы избежать встречи с Васей>: он сам ко мне пришел*.

Если попытаться выделить некий семантический инвариант значения 'напрасно', то на первый взгляд это будет смысл, который ближе всего к оценочному 'напрасно 3'. Действительно, *напрасно P*, вообще говоря, всегда означает, что "лучше было бы не P": лучше не совершать действий, не имеющих релевантных последствий; лучше не иметь мнений, не соответствующих действительности. Тем самым оценочный смысл содержится во всех трех значениях *напрасно* - но, за исключением значения 'напрасно 3', которое к нему сводится, он везде является вторичным, производным.

У всех значений *напрасно* имеется, однако, и другой, более фундаментальный инвариант. Он может быть сформулирован следующим образом: употребляя выражение *напрасно P*, говорящий утверждает, что то 'Q', которое составляет *raison d'être* этого 'P', не существует. Для 'напрасно 1' 'Q' представляет собой цель, которую хочет достичь субъект действия 'P' путем совершения 'P'; для 'напрасно 2' 'Q' - это действительное (с точки зрения говорящего) положение вещей: именно оно является основанием, оправданием для существования соответствующего мнения 'P'; для 'напрасно 3' 'Q' - это некоторое положительное последствие 'P', которое является основанием для положительной оценки самого 'P'.

Примечания

¹ Ср. определение понятий *entailment* и *presupposition* в (Levinson 193, с. 174-179).

² Аналогичная потенциальная неоднозначность глагола лежит в основе спора о том, является ли неправильное решение все же решением - т.е. прав ли школьник, говоря, что он "решил задачу, но неправильно", или учитель, утверждающий, что "решил неправильно" не бывает, так как это значит - не решил.

³ Для предложения (46) возможно и такое употребление, при котором оно не является фактивным: когда презумпция истинности подчиненной пропозиции заменяется прагматической презумпцией (презумпцией известности); ср.: *Я сказал \, что ты ничего не знаешь - как мы с тобой договорились*.

⁴ В контексте неverifiedируемых пропозиций вместо знания выступает мнение-оценка (см. гл. II, § 1) - и тем самым контрфактическая презумпция реализуется в виде противоречия между мнением говорящего и субъекта установки; ср. известный пример Г.Фреге *Бebelъ воображает, что возвратом Эльзаса и Лотарингии можно умерить реваншистские устремления Франции*.

⁵ В фактивном значении глагол *подозревать* не может быть употреблен в форме 1 л. наст. времени *Я подозреваю, что меня обманули. Объяснение этого запрета состоит в следующем: знание, что Р, составляющее здесь презумпцию, несовместимо с мнением, что Р возможно, - а именно это совмещение и должно было бы произойти при совпадении субъекта установки с говорящим в 1 л. наст. времени. В прош. времени это противоречие, естественно, снимается.

⁶ Имеется в виду "синтаксическая деривация", т.е. синхронные словообразовательные связи с сохранением лексического значения при изменении синтаксической функции (см. Курилович 1962а), т.е., например, *aimable* не возводится к *aimer*, *terrible* считается непроеизводным.

⁷ Суффикс, совпадающий с суффиксом активного причастия.

⁸ Отделить прилагательные этого типа от пассивных причастий довольно затруднительно; разграничение проводится в соответствии со словарем: J. Dubois et al. *Dictionnaire du français contemporain*. P., 1971.

⁹ Противопоставление, реализующееся только в предикативном употреблении.

¹⁰ Обратим внимание, что в роли Объекта может выступать в том числе и человек, ср. *Mon père fut perspicace: tout de suite je lui devins suspecte* (ВМ) 'мой отец сделался проницательным, и сразу же я стала ему подозрительной', т.е. 'стала вызывать подозрения'. Поэтому при описании сочетаемостных ограничений прилагательных им недостаточно приписывать признак "+/-одушевленность (личность)", как это делается, например, в (Stephany 1981).

¹¹ Рассматриваются только употребления, характерные для современного русского языка; примеры из авторов XIX в. привлекались лишь в случае их соответствия современной норме. Буквой К помечены примеры из картотеки Словаря русского языка ЛО Института языкознания АН СССР.

¹² Т.е. мы пренебрегаем нарушением стилистических, коммуникативных или чисто конвенциональных требований, которое может происходить при замене *зря* на *напрасно*. Так, слово *зря* является в целом более "современным" и разговорным, чем *напрасно*; *напрасно* менее свободно, чем *зря*, сочетается с отрицанием: некоторые позиции в предложении являются более

предпочтительными для одного или другого из этих слов. Все эти различия носят характер тенденций и останутся за пределами нашего рассмотрения.

¹³ Значения, приблизительно соответствующие нашим 'напрасно 1' и 'напрасно 3', выделяются в (Петрова 1986), где проводится анализ семантики наречий и наречных выражений со значением 'напрасно' в португальском и французском языках.

¹⁴ В левой части толкования находится сочетание наречия *напрасно* с глаголом, значение которого оно модифицирует; заметим, что этот глагол не обязательно должен быть связан с наречием синтаксически.

¹⁵ Из того, что субъект целеполагания совпадает с субъектом действия, описываемого подчиненным наречию глаголом, следует, что это действие должно быть контролируемым (см. гл. II, § 3).

¹⁶ В предложениях типа *Я не зря потерял время в сфере действия отрицания* находится целиком сочетание наречия с глаголом: 'неверно, что зря потерял'.

¹⁷ В употреблениях типа *А вы зря Костю любите. Вы его поменьше любите. Не бегайте так за ним. Найдите себе кого-нибудь.* /Петрушевская/ реализуется другое значение - оценочное. Об этом свидетельствует, в частности, характерное для этого типа оценки указание на положительную альтернативу, а также имплицуемый контекстом семантический сдвиг в сторону контролируемости (ср. примеры (26), (27)).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная идея этой книги заключалась в том, что в значении глаголов, описывающих внутренние состояния человека, могут быть выделены повторяющиеся более элементарные семантические сущности, которые мы назвали **семантическими компонентами**. Каждому отдельному значению глагола может быть сопоставлен определенный набор этих компонентов, который, не давая исчерпывающего представления смысла лексемы, позволяет, однако, предсказывать ее существенные лингвистические свойства, объединяющие ее при этом с другими лексемами данного класса. Так, наличие в семантической структуре компонента 'говорящий знает, что Р' определяет класс фактивных глаголов; наличие компонента мнения (т.е. 'X считает ...') - определяет эффект взаимодействия с некоторыми подчиняющими операторами, в частности, со словом *напрасно*; наличие ментального компонента ('X считает...' или 'X знает...') - допустимость конструкции с придаточным с *что*; наличие компонента 'возможно' (в отличие от 'вероятно') препятствует трансформации "подъема отрицания"; наличие компонента "переживание" обеспечивает сочетаемость с некоторыми видами обстоятельств; присутствие требования неконтролируемости ситуации, обозначенной подчиненной предикацией, регулирует выбор вида подчиненного инфинитива, и т.д.

Помимо состава компонентов, для функционирования глагольной лексемы существенным является также их статус в семантической структуре, так как взаимодействие с контекстом определяется тем компонентом, который находится в ассерции. Разграничение ассертивных и презумптивных компонентов позволяет выявить различия между весьма близкими, но все же разными смыслами, которые могут выражаться иногда одним и тем же предложением (так, например, во фразе *Я боюсь его прихода* в одном понимании ассертивным является компонент 'плохо', в другом - 'вероятно'). При этом внутри одного глагола значение, где ассертивным является оценочный компонент, описывает состояние, преимущественно эмоциональное, а значение с ассертивным эпистемическим компонентом - состояние, преимущественно ментальное.

Применяемый метод анализа позволяет объяснить и более сложные случаи неоднозначности, возникающие при наличии в глаголе нескольких ассертивных компонентов, каждый из которых может по-своему взаимодействовать с контекстом. Так, фраза *Напрасно он ее утешал* может означать: 1) * 'утешал, но не утешил' (*напрасно* взаимодействует с компонентом речи и имеет значение неэффективности действия); 2) * 'высказывал мнение, что все не так плохо, и ошибался' (*напрасно* взаимодействует с компонентом мнения); 3) * 'лучше было не утешать' (*напрасно* является модификатором предложения и выражает отрицательную оценку действия в целом).

Проведенное исследование потребовало разработки целого ряда проблем металингвистического характера. Это соотношение знания и мнения как когнитивных установок и как семантических единиц, разграничение разных типов мнения, типов оценки (эмоциональная vs. рациональная, непосредственная vs. вторичная); понятие контролируемости как семантического свойства ситуации и как семантического признака слова; проблема референции выражений с пропозитивным значением, определение факта и фактивной презумпции; типы взаимодействия семантических компонентов (понятие неустойчивого семантического компонента); понятие причинной цепи, нормального хода вещей и др. Эти понятия могут быть использованы при анализе широкого круга проблем лексической и синтаксической семантики.

SUMMARY

The subject of this book is semantics of inner state predicates, i.e. of verbs and other predicative expressions denoting human emotional and mental states (such as 'to know', 'believe', 'be afraid', 'hope', 'expect', 'suspect', 'regret', 'remember' etc).

The main idea is that semantics of these predicates can be presented as being composed of simpler elements, or **semantic components**, which appear in different combinations in the semantic structure of different verbs (or different meanings of the same verb) and determine their linguistic properties.

The book is organized as follows. Chapter I deals with some metalinguistics problems. Chapter II contains a general description of the main semantic components of inner state predicates. Chapter III gives detailed description of semantics of some inner state predicates in Russian and in French. Chapter IV discusses some specific problems in the semantics of inner state predicates.

Among the general problems of semantics of an inner state predicate (ISP) are:

1. Organization of the semantic structure of inner state predicates.

The semantic structure of an ISP comprises a set of **semantic components** arranged in a certain way. Semantic components in the semantic structure are marked as to their communicative status: assertive or presuppositional. The assertive component plays the central role in the semantic structure: it constitutes the scope of negation and determines semantic interaction of the verb with its context.

Thus the Russian verb *bojat'sja* 'to be afraid' has two different meanings. In its first meaning (e.g. *Ja bojus' tuda idti* 'I am afraid to go there'), *bojat'sja* denotes an **emotional state** (fear). In its second meaning (e.g. *Ja bojus', čto on opozdaet* 'I am afraid he will be late'), it expresses an inner state that is **mental par excellence**: a kind of supposition. This denotational distinction is induced by the following peculiarity of the semantic structure of the verb *bojat'sja*: both meanings of this verb contain an axiological component 'X (subject) believes that P (propositional object) is bad', and an epistemic component 'X believes that P is probable' but their communicative status in the semantic structure is different. In the "emotional" meaning of *bojat'sja*, the axiological component constitutes an **assertion**, and the epistemic one plays the role of a **presupposition** (thus, in the sentence *Ja ne bojus' tuda idti* 'I am not afraid to go there', it is the idea of "badness" that is denied, while the idea of probability remains intact). On the contrary, in the "mental" meaning of *bojat'sja*, the epistemic component (the idea of probability) is predominant, i.e. it constitutes the assertion, while the axiological component becomes a presupposition (thus, *Gor'kix slov ot nego uslyxat' ne bojus'* 'I am not afraid

that he will say some bitter words to me' means: 'I am sure that he won't say any bitter words to me'). It is just the idea of probability which is denied here, not that of badness.

Usually an ISP has only one assertive component (on the other hand, the number of presuppositional components is almost always more than one). But there exist predicates with a complex structure, which have several assertive components; each of them can be highlighted and come to the foreground in a certain context. Thus, in the Russian sentence, *On dolgo eë xvalil* 'He praised her for a long time', the adverb *долго* 'for a long time' interacts with the 'speech' component of the verb *xvalit'* 'to praise', but in the sentence *On nezasluzhenno eë xvalil* 'He gave her undeserved praise' the adverb interacts with the axiological component ('X believes that P is good') of the same verb. If the context itself is polysemous, the whole sentence can be ambiguous. For example, the sentence *On naprasno eë utešal* ("He consoled her in vain") can mean: 1) * 'consoled unsuccessfully' (*naprasno* * 'in vain' interacts with the component 'speech' of the verb *utešat'* 'to console' and expresses the failure of the action); 2) 'issued an opinion that the thing is not so bad, and was wrong' (*naprasno* interacts with the 'opinion' component); 3) * 'it would be better not to console her' (*naprasno* modifies the sentence as a whole and has the meaning of the negative evaluation of the action by the speaker).

Some ISPs also contain an **implicative** component (i.e. a component with the logical status of implication), which describes the association of the given inner state with some action. This component has the form 'X is in the inner state S because P - X does not do Q' (in some cases Q - P), e.g.: *I am still afraid to tell him smth.* --> 'I still do not tell...' This component in some meanings can be not implicative, but assertive, e.g.: *postesnjalsja sprosit'* (* 'was too shy to ask') means 'did not ask, because...'

2. The inner structure of a semantic component. Semantic components are built of the meanings that are supposed to be semantically primitive (such as 'know', 'believe (that smth)', 'good', 'probable', etc.) connected by predicate argument relations (e.g. 'X believes that P is bad'). Most of the semantic components are in fact values of some parameters (such as 'probability', 'evaluation' or 'control'). Others do not constitute any class of mutually exclusive units.

3. The notion of a cancellable semantic component. For the purpose of semantic analysis, we widely use the method of combinatorial tests, which makes it possible to establish the presence of a semantic component in the semantic structure of a predicate. But to be efficient this powerful method itself must be modified. The combinatorial tests method relies on an implicit assumption, namely that contradiction between semantic features of a given word and semantic features of the context inevitably leads to linguistic anomaly. Meanwhile, this is not always true: interaction between a word and its

context may lead to different effects: one of them is the elimination of some semantic feature from the word meaning under the influence of the context. A semantic component that is apt to be eliminated in a contradictory context we call **cancellable**. An example of a cancellable component is provided by the feature 'positive evaluation' in the meaning of the verb *ždat'* 'to wait'. In combination with the object which is axiologically neutral the verb *ždat'* means 'to wait for something good', e.g. *Už ne ždu ot žizni ničego ja...* 'I am not waiting for anything from life'. But in a contradictory context (i.e. in the context of negatively marked object), the feature of positive evaluation is smoothly eliminated, cf. *ždat' bedy, obyska, aresta* 'to wait for misfortune, police search, arrest'. Cancellable semantic components can be found in different spheres of language: thus, the meaning of preservation of the result up to the moment of speech in the Russian perfective aspect is cancellable; the same is true for the meaning of assertivity in the indicative mood.

4. **Properties of the ISP's second semantic argument.** In the first chapter we also give a more precise description of the set of semantic actants (arguments) of inner state predicates, and investigate the qualities of the second semantic actant - the object (or the cause) of the inner state. Here the opposition "term *vs.* proposition" and "concrete *vs.* class reference" are found to be of predominant importance. We touch upon ontological and referential problems connected with propositional meaning and the opposition "situation *vs.* fact". The main conclusion here is that **facts** have no existence of their own, but the meaning of fact is created by a **mental component** (i.e. 'know' or 'believe') in the meaning of the governing predicate. In other words, the meaning of fact occurs only in the context of a verb containing this mental component; when it is not the case, the object of the inner state verb is not a fact, but a situation. Compare, for example, *Ja pomnju, čto ja vozvraščalsja domoj peškom* 'I remember that I returned home on foot' (fact) and *Ja pomnju, kak ja vozvraščalsja domoj peškom* 'I remember how I returned home on foot' (situation): in the first case, the verb *pomnit'* 'remember' denotes a kind of 'knowing'; in the second case, it expresses the presence of a visual image in the speaker's mind. Compare also: *On sožalel, čto vzjalsja za èto delo* (fact) and *On sožalel ob ušedšej molodosti* (situation).

The second chapter examines the semantic components of inner state predicates. We differentiate between **epistemic** and **axiological** components. The **epistemic** component of the semantic structure says what the subject of the inner state and the speaker think about the relation of the object situation to reality - namely, of the probability that it takes place or will take place. The **axiological** component provides the evaluation of the object situation on the scale "good/bad".

1) The **epistemic component**, or the epistemic evaluation component, includes meanings which correspond to three cognitive attitudes in the

"knowledge - belief" sphere: **knowledge** 'X knows that P'; **belief-supposition** 'X believes that P is possible'; and **belief-evaluation** 'X believes that P'.

The difference between two types of belief is the following. **Supposition** is an attitude towards a verifiable proposition, which is opposed to knowledge (cf. *I think that Ivan has gone to Prague* vs. *I know that Ivan has gone to Prague*). **Evaluation**, on the other hand, is an attitude towards a non verifiable proposition (*I consider this a good film*). Evaluation is not opposed to knowledge, since these two attitudes are in complementary distribution dependent on the type of subordinate proposition. One can say that evaluation is a "contextual variant" of knowledge in the context of a non verifiable proposition.

Suppositions are unstable, they may change when a person gets some new information. As to evaluations, they are more steady: it is exactly the sum of beliefs, or evaluations, that constitutes the inner world of a person and characterizes a person as an individual.

As we established, these two types of belief are expressed in Russian by different means. Namely, the supposition is denoted by the verb *dumat'* (= 'think, suppose'), while the evaluation by *sčitat'* (= 'think, consider, find'). The argument for the hypothesis that the Russian verb *sčitat'* always denotes evaluation is in the first place provided by the fact that in the context where the meaning of evaluation is impossible (i.e. in the context of a verifiable proposition and in particular when belief is explicitly opposed to knowledge), *sčitat'* cannot be used: *Ty ne znaeš, gde Ivan? Ne znaju, no dumaju (*sčitaju), čto on pošël za pivom* 'Do you know where Ivan is? I don't know, but I think (*consider) that he went to get the beer'.

The meaning of evaluation, expressed by *sčitat'* is sometimes appropriate also in the context of a verifiable proposition. Moreover, such a context places in strong relief the semantics of *sčitat'*: by introducing a proposition with this verb, the subject makes a "hedge" between himself and the real world (here, from the possibility of verification) and creates a separate world in which this proposition is true. Cf.: *Ja ne znaju, mytyj li vinograd. Dumaju, čto mytyj* (supposition), *no poskol'ku ja v ètom ne uveren, budem sčitat', čto nemytyj* (evaluation). 'I don't know if the grapes are washed. I think that they are, but, because I'm not sure, let's consider them to be unwashed' ('let's take it to be true and act as if it were the truth').

As follows from what was said above, both verbs may be used in the same context only when the subordinate proposition can be the object of both evaluation and supposition, i.e. when it can be regarded both as verifiable and as non verifiable. This is the case for predications with verbs that we call "indirect nominations of a situation" such as *to win, to lose, to succeed, to fail, to betray*, etc., which denote both some specific action and an interpretation of this action. These expressions, due to their ambiguity, interact with the context in

two different ways - either through one of their components, when the action itself is highlighted, or through the other, when its interpretation is in the focus of attention. Cf.:

1 a. *Ja dumau, čto on nas predal* 'I think that he betrayed us'

b. *Ja sčitaju, čto on nas predal* 'I consider that he betrayed us'

The semantic difference between 1a and 1b can be explicated as follows: (1a) = 'we both (the speaker and the listener) have the same ideas as to which actions constitute betrayal; about some action of this category I don't know if he performed it or not, but I consider it to be more probable that he did'; (1b) = 'we both know what actions he performed; I judge these actions to be a betrayal'.

Here are other examples of the semantic opposition between evaluation and supposition, as expressed in Russian by means of verbs *dumat'* and *sčitat'*.

2 a. *I think that you are exaggerating* (Ja dumaju...)

b. *I find that you are exaggerating* (Ja sčitaju...). In the first sentence the speaker supposes that some distortion of facts take place (the facts themselves being unknown to him); in the second sentence the speaker expresses his disagreement with some proposed interpretation of the facts known.

3 a. *I think that you have a right not to answer this question* (Ja dumaju...)

b. *I find that you have a right not to answer this question* (Ja sčitaju...). In sentence (3a), which is appropriate, e.g., during a court proceeding, what is being discussed is formal law: the speaker, who lacks knowledge of what exactly the law is, expresses his opinion choosing the most probable possibility. In (3b) *right* is understood as "human rights" and this sentence is appropriate in a wider range of contexts. In 3b the speaker does not presuppose the existence of any formal law: the right that the speaker has in mind in a sense is created by his opinion itself and has an absolute value. Cf. also:

4 a. *Ja dumaju, čto on èti den'gi ukral* 'I think that he stole the money' (supposition about a fact).

b. *Ja sčitaju, čto on èti den'gi ukral* 'I consider the method by which he took possession of the money to be a theft' (evaluation).

In some cases the use of *sčitat'* or *dumat'* influences the meaning of the modal word (*must* or *can*). Namely, in the context of *dumat'* the epistemic (probabilistic) meaning is realized, while in the context of *sčitat'* it is the root meaning, cf.: *Ja dumaju čto on dolžen vernut'sja zavtra* 'I think that he will return tomorrow' (= 'most probably, he will return tomorrow'), vs. *Ja sčitaju, čto on dolžen vernut'sja nemedlenno* ('I find that he must return at once' = 'he has an obligation to return at once').

Belief-supposition is characterized by a certain degree of confidence of the subject, and, correspondingly, by a quantitative measure of probability. It is important to mention here that semantic opposition between possible and

'probable' cannot be reduced to quantitative evaluation of probability; it is revealed in the structure of the interval of the probability scale that is taken into consideration. Namely, the idea of 'possible' is connected with the whole probability interval from zero to one (but without its end points) and thus the probability interval 'possibly P' coincides with the probability interval 'possibly not P'. On the other hand, the idea of 'probable' is connected (roughly speaking) only with the upper half of the probability interval: 'probably P' means 'P is more probable than not P'. This difference determines a good number of important linguistic features of verbs, such as, for example, the possibility or impossibility of "negation raising".

The presuppositional part of the semantic structure of the inner state predicate can contain the component 'the speaker knows that P'. It is exactly this component that constitutes the **factive presupposition**; if, under specific circumstances, this component is cancelled, this means that the verb has non factive usage. E.g.: *Posylaju tebe sto rublejš; mat' znajet čto tridcat'* 'I am sending you a hundred roubles; your mother **knows** it to be thirty'. In this sentence the verb *znat'* 'to know' has a non standard non factive usage, where the "inner state of knowledge" of the ISP's subject is highlighted. Here the component 'the speaker knows that P' is absent, while the component 'X knows that P' remains intact.

2) For the **axiological component** the crucial distinction is between the evaluation as **judgement** and evaluation as **feeling**. The first is introduced by the elementary predicate 'believe' ('X believes that P is good/bad'), the second by the elementary predicate 'feel'. Another difference between the two types of evaluation is also important: evaluation judgement, or rational evaluation, needs, as any judgement, some **justification**: a chain of arguments 'P is good, because P $\rightarrow$ Q, and Q is good'. This means that rational evaluation is by nature **secondary**. On the contrary, evaluation feeling, or the emotional evaluation, is **immediate**. The opposition "rational vs. emotional evaluation" in the semantic structure of ISPs determines some of their important linguistic features, e.g. their interaction with the adverb *naprasno* 'in vain': this adverb having, in the context of ISPs the meaning of false opinion, cannot cooccur with verbs which do not have the component 'believe' in their semantic structure (cf. **naprasno ljubit'*, **naprasno raskaiivat'sja* vs. correct *naprasno ne ljubit'*, *naprasno sožalet'*).

Both of the above mentioned components, **epistemic** and **axiological**, can play the role of either an assertion or a presupposition. Thus, in the sentences *Ja nadejš', čto on vernetsja segodnja* 'I hope that he will come back today' and *Ja ždu čto on vernetsja segodnja* 'I expect that he will come today' the assertive component is epistemic (under negation *ne nadejš', čto on vernetsja segodnja* 'do not consider it probable that...'), while in the sentence

Ja sožaleju, čto otkazalsja 'I regret that I refused' it is the axiological component that constitutes the assertion (*ne sožaleju* - 'I was not wrong to do that'). The following generalization is at work here: if the verb in the assertive position has an axiological component, then in the inner state denoted by it, the emotional constituent is predominant; but if it is the epistemic component that constitutes the assertion, then the corresponding inner state is predominantly mental. Many verbs have lexical meanings of both types with an axiological component or with an epistemic component in the assertive position (as, for example, *bojat'sja* 'to be afraid' see above).

3) Besides the epistemic and axiological components, which are basic, there are other components that also constitute an important part of the semantic structure of inner state predicates. The most prominent among them is **control**. The situation denoted by the subordinate predication of an ISP may be controllable or non controllable for the subject of the inner state (cf. *Ja sožaleju, čto ne pošël v kino* 'I regret that I did not go to the cinema', controllable situation, and *Ja bojus' čto on oposdaet* 'I am afraid he will be late', non controllable situation). We propose the following definition of control. One can say about a person X that he/she **controls** the situation P (or that P is **controllable** for X) if X is the subject of an intentional action P, the result of which coincides with the object of X's intention and is looked upon as determined by X's preceding action. (The expression "is looked upon" underlines the fact that control is defined on the level of **concepts**, and not on the level of **denotata**, i.e. of situations.) Thus, non controllable situations can belong to one of the following types:

1. X is not a participant of the situation P (e.g., *I hope he will come in time*).

2. X is a participant of the situation P, but X does not control P. Here three different cases can be distinguished:

(a) the situation may be non controllable by its nature: it does not belong to the class of intentional actions: (e.g. *He shuddered*);

(b) the object of intention may not coincide with the result achieved (cf. *I have by chance put on someone else's hat* where the lack of control over the situation results from the discrepancy between the intention - to put on one's own hat - and the result);

(c) the result of the intentional action of the subject is not looked upon as wholly determined by this action; it is detached from the action by some "probability hedge" (e.g. *he won*).

The opposition "controlled vs. non controlled situations" constitutes an important part of the meaning of inner state predicates and determines co occurrence restrictions of inner state verbs with different types of subordinate predicates. The value of the feature "control" is not independent from other

components of the semantic structure of the verb; in particular, the situation denoted by the subordinate proposition must always be uncontrollable if the assertive component in the given verb meaning is 'X believes that P is possible/probable' (which is quite natural, because the evaluation of probability is applicable only to non controllable situations *par excellence*).

In Chapter III the above stated principles are implemented in a thorough analysis of Russian and French verbs with the general meanings 'to be afraid', 'hope', 'wait', 'regret' and 'suspect'. These five meanings are chosen because they include elements of both mental and emotional states, which allows us to trace and analyze their interaction. Every general meaning is divided into several specific meanings, differing from each other in composition and in communicative status of semantic components.

In Chapter IV we analyze some specific problems of semantics of inner state predicates: a classification of Russian verbs with propositional argument is proposed that reveals truth implications between subordinate and main proposition; French adjectives derived from inner state predicates are analyzed; the possible effects of interaction of verbs from various semantic domains (including that of inner states) with the adverb *naprasno* 'in vain' are described.

Inner state predicates play a prominent role in the language system: many of them are not just lexemes of a language, but are also used as important metalinguistic means, insofar as they can serve for explication of illocutionary force of the utterance and, more generally, of speech intentions of the speaker, of his presuppositions, his ideas about the listener's knowledge, etc. This fact determines the particularly strong ties of these predicates with all grammatical categories which have to do with the sentence as a whole and explains their peculiar interaction with verbal categories of person, tense, mood, modality and with negation (these problems are investigated by the author in Падучева, Зализняк 1982; Зализняк, Падучева 1987 а, б, 1989).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Акциональный компонент 11, 22, 71, 109
 альтернатива 73, 115-117, 126, 155, 165
 аномалия 17, 22, 23, 45
 ассерция, ассертивный компонент, а. зона толкования, а. часть значения 21, 29, 44, 49, 57, 58, 84-87, 96-102, 107-110, 120-132, 152-162.
 Будущее 14-16, 22, 39, 40, 52, 53, 57, 59, 72-75, 80, 83, 86, 89, 92-100, 110, 123, 132-134, 140
 Вводное [- парентетическое] употребление глагола 97, 103, 133
 верификация 51, 54, 55
 верифицируемые vs. неверифицируемые пропозиции 50-57, 75, 76, 164
 'вероятно' 18, 21, 44, 56-58, 80-87, 96-102, 157
 вероятностная оценка, оценка вероятности 42-44, 52, 55, 56, 69, 72, 75, 92, 97, 98, 103, 126, 133
 вероятность 37, 49, 55, 56, 71-75, 86-88, 91-106, 126, 132, 133
 вид [глагольный] 44, 68, 133, 139, 143, 151
   - несовершенный 25, 68, 140, 151, 152
   - совершенный 25, 26 68, 69, 82, 152
 'возможно' 56-58, 97, 111, 128-135, 157, 164
 возможный мир 7, 15, 16, 35, 72, 74, 79, 115-117
 воспоминание 14, 115, 125
 восприятие 11, 36-39, 50, 141
 выбор 73, 119, 122, 155
 Глаголы мнения 8, 42, 135, 140, 143, 158
 говорящий 14, 20, 51, 52, 57, 58, 113, 129, 137, 142, 152, 155-159, 163
 Действие 12, 22, 27, 63-67, 72, 73, 76, 82, 100, 114, 151-165
 действительный мир 11, 53, 79, 92, 116, 117, 163
 денотативный статус 43, 79, 90
   - - пропозиции 35, 42-44
 диатетические глаголы 12, 137, 139
 Желание 11, 46, 75, 105
 Запланированное будущее 53, 73, 74
 знание 8, 11, 49, 50, 51-54, 57, 73-75, 97, 164
   - говорящего 14, 51, 137, 142, 157, 164
 'знать' 51, 56-58, 80, 81, 90, 106, 108, 117-123, 129-134, 137, 157
 Импликативный компонент 22, 71, 82, 83, 108, 109, 132
 импликативный тип 136-143
 импликатура 26, 51, 152
 интенциональность 12
 интенциональное состояние 46, 49
 истина 47, 49-57, 74, 136

- истинностная оценка 15, 36, 52
истинностное значение 136-140
истинность 12, 36, 37, 40, 51, 57, 136-143, 163
Конкретно-референтный статус 41, 43, 70, 79, 90
контроль, контролируемость [ситуации], контролируемая/неконтролируемая
ситуация 21, 24, 27, 63, 64-72, 79-83, 86, 95, 96, 100, 108-111, 126-129, 133,
153-156, 165
контрфактическая импликация 136, 140, 142, 143
контрфактическая презумпция 57, 137, 142, 164
концептуальный мир субъекта 50, 51, 60, 74, 75, 92, 110, 130, 141
косвенная номинация ситуации 67, 94, 132
Линии развития событий 16, 69, 72, 73
локализация в пространстве 18, 36, 42, 44, 106
Ментальное состояние 8, 22, 31, 40, 58, 59, 78, 97, 109
ментальный компонент 18, 37, 40, 41, 75
метафора, метафорический 8, 28, 29, 105
мир знаний 16, 51, 75, 92, 93, 110
мир мнений 51, 74, 86, 92, 93, 96, 100, 110, 133
мнение 11, 14, 46, 49-58, 61, 74-77, 121, 140-143, 156-162
- говорящего 14, 157, 164
- ошибочное 55, 88, 121, 157, 160-162
- экзистенциальное 157-162
мнение-оценка 52-55, 76, 164
мнение-предположение 52-55, 58
миропрождающие операторы 144
Надежда 15, 59, 96, 105, 131
намерение 11, 24, 63, 64-66, 72, 76
намеренное действие 27, 64, 65
натуральные классы 13, 19
'не хотеть' 60, 61, 84
неоднозначность, двусмысленность 40, 76, 134, 140, 148, 151, 157, 161, 163
неодушевленный субъект 79, 91, 105, 113
несобственно-прямая речь 53, 155
неустойчивый семантический компонент, неустойчивый признак 24-27, 58,
59, 66-68, 98
нефактивное употребление глагола 47, 141-143
нефактивные глаголы 136, 137, 141-143
нормальный ход вещей 53, 72, 114, 134
Общее значение 28, 29, 30, 79, 114, 117, 120
объект внутреннего состояния 12, 31, 32, 44, 58, 59, 79-81, 88-94, 100, 101,
111-124, 144-148
ожидание 14, 15, 59, 62, 105, 107, 111-113, 133

- основание [мнения] 82, 87, 92, 95, 98, 99, 132, 135, 159, 161, 163
 основание оценки 24, 46, 61, 62, 71, 82, 85, 121, 155, 157, 159
 отрицание 21, 36, 41, 57, 61, 82, 84, 86, 98, 110, 109, 126, 130, 143, 144, 156, 159, 162 163
 отрицательные импликативы 82, 139
 отрицательный императив 68
 оценка 44, 55, 58, 71, 73, 74, 133, 156, 159
 - абсолютная vs. относительная, сравнительная 62, 120, 155
 - непосредственная vs. вторичная 61, 102, 120, 121
 - отрицательная, негативная 25, 45, 59, 84-86, 111-113, 120, 126, 127
 - положительная 24, 59, 102, 111-113, 120, 126, 127
 - рациональная 37, 60, 61-63, 71, 120, 121, 155, 157
 - эмоциональная 21, 60, 61-63, 118, 120, 121
 оценка внутреннего состояния 58, 59, 111-113
 оценочная интерпретация ситуации 67, 94, 95
 оценочная шкала 116, 133
 оценочное мнение, суждение 39, 52, 61, 76, 118, 121, 133, 157-164
 оценочное ощущение, оценка-ощущение 61, 76, 121, 157, 159
 оценочный компонент 11, 22, 44, 49, 53, 58, 60, 84-87, 98, 102, 105, 111, 115-129, 159, 161
 'ощущать' 38, 61, 62, 75, 82, 83, 96, 106, 111, 116-125, 157
 Память 11, 15, 38, 39, 125
 первое лицо 13, 51-53, 118, 119, 130, 155, 164
 переживание 14, 16-21, 82-86, 90, 91, 96, 97, 111, 114, 117-126
 перспектива 147
 'плохо' 21, 38, 58-61, 71, 82-104, 116-133, 155-160
 подъем отрицания 56, 61, 163
 презумпция, презумптивный компонент, п. часть значения, п. зона толкования 21, 29, 57, 58, 68, 84, 86, 102, 120, 126, 129-132, 158-164
 презумпция известности [– прагматическая презумпция] 163
 презумпция истинности 36, 57, 163
 пресуппозиция 60, 61
 причина 46, 69-71
 - каузирующая 70, 93
 - -основание 46, 70, 77, 93, 95
 - частичная 70, 71, 94
 причина внутреннего состояния 16, 31, 32, 46, 82, 85, 87, 99, 132
 причинная цепь 30, 71, 72, 77, 92-95
 пропозитивное значение 32, 34, 35, 41, 46, 113
 пропозициональная установка 12-16, 74, 105, 136-142
 процесс 17-19, 23, 33, 39, 41, 42, 45, 76
 прошлое 14, 38, 75, 88, 100, 115, 116, 119, 123, 126, 134

- Раскаяние 120, 121
 результат [действия] 25, 64, 65, 100, 134, 151-154
 речевой акт 90, 101, 103, 118, 119
 речь 11, 160, 162, 169
 родовой статус 43, 44, 79, 90, 91, 104
 Свойство 19, 37, 41, 42, 80, 101, 147, 148
 семантические актанты 31-33, 117, 144
 семантические компоненты 12, 21, 22, 29, 30, 39, 49, 58, 157
 семантический инвариант 16, 29, 31, 163
 ситуация vs. предмет 12, 33, 34, 43, 46, 65, 79-81
 ситуация vs. факт 34-41, 62, 117
 событие 19, 41-44, 86
 сожаление 115-126, 134
 сомнение 59
 состояние 7, 14-19, 37, 76, 80, 134, 148
   - временное 16-18
   - устойчивое 16-18, 41, 42, 109, 133
 сравнение 62, 116
 стативные глаголы 16, 17
 статическая ситуация 41, 80, 88, 90, 101
 степень уверенности 50, 52, 55, 104
 страх 15, 32, 67, 92, 93, 111, 131, 132, 158
 субъект внутреннего состояния 20, 31, 32, 35, 57, 63, 74, 79, 100, 106, 118, 144-149
 субъект оценки 24, 149, 155
 субъект пропозициональной установки 14, 16, 63, 72, 74, 141, 142, 164
 'считать' 18, 21, 38, 49, 51, 57-61, 78, 82-86, 96, 102, 117-121, 155-159
 Типичная ситуация [возникновения эмоции] 13, 19-21, 29, 120, 134
 Уверенность 50-55, 59, 97
 Факт 35-42, 46, 47, 62, 117, 156
 фактивная импликация 136, 142, 143
 фактивная презумпция 25, 36, 52, 57, 58, 126, 129, 130, 137, 141, 142
 фактивное употребление глагола 141, 142, 163
 фактивность 25, 36, 38, 47, 136, 137, 144
 фактивные глаголы 47, 57, 58, 73, 136-143
 'Хорошо' 21, 24, 38, 58-62, 96, 98, 115-117, 157
 'хотеть' 24, 60, 61, 99, 105
 Цель 67, 104, 151, 163
 Частично контролируемые ситуации 65, 76
 чужое сознание 13
 Шкала вероятности, вероятностная шкала 55, 56, 98
 шкала контролируемости 66

- шкала субъективной важности 62, 111, 113
 Эмоция 11, 14, 19, 20, 33, 49, 59, 75, 78, 105, 107, 120, 134
 эмоциональное отношение 11, 31, 158-160
 эмоциональное состояние 8, 11-20, 31, 39, 41, 58, 59, 111, 113, 123, 124, 128, 157-160
 эпистемическая оценка 57, 106, 107, 114, 133
 эпистемический компонент 11, 21, 22, 35, 44, 49, 57, 84, 86, 87, 96, 98, 102, 159
 эпистемическое состояние 141

УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМ

<i>беспокоиться</i> 41	<i>думать</i> 16-19, 23, 26, 32, 44, 50-58, 74, 109, 110, 139-143, 157, 158, 162
<i>беспокойный</i> 147, 149	<i>жалеть</i> 34, 61, 71, 115, 119, 122, 124, 125, 155, 158, 159
<i>боясь</i> 132	<i>жалко</i> 62, 115, 118, 119, 122
<i>бояться</i> 16-19, 22, 27, 30-33, 41-44, 56-59, 63, 67, 78-95, 105, 131, 132, 150, 158, 162, 168	<i>жаловаться</i> 11, 161
<i>верить</i> 8, 58, 74, 158	<i>жаль</i> 47, 58, 61, 115, 118, 119, 122, 124, 135
<i>вздрагнуть</i> 65, 67	<i>ждать</i> 14-16, 19-24, 40, 41, 45, 58, 97, 98, 104, 107-114, 135, 138, 140
<i>видеть</i> 19, 39, 41, 141	<i>заблуждаться</i> 138
<i>возражать</i> 160	<i>забыть</i> 19, 68, 75, 82, 138, 139
<i>волноваться</i> 16, 18, 41, 158, 159	<i>завидовать</i> 158
<i>вообразать</i> 13, 57, 142, 144, 158, 161, 164	<i>заметить</i> 19
<i>восторгаться</i> 161	<i>заставить</i> 138, 143
<i>восхищаться</i> 11, 16, 17	<i>заставлять</i> 139, 140, 143, 151
<i>восхищен</i> 16	<i>запоминать</i> 19
<i>вспомнить</i> 19, 68	<i>злиться</i> 158
<i>говорить</i> 34, 139, 154, 160, 162	<i>знать</i> 17-19, 31, 33, 44, 47, 49-53, 57, 73, 74, 138, 141, 142, 156, 157
<i>грустно</i> 16, 32, 118	<i>зря</i> 93, 150-155, 164, 165
<i>грустный</i> 144, 145	<i>избежать</i> 82, 84, 138, 139
<i>губить</i> 153, 156	<i>к сожалению</i> 115, 118
<i>даже</i> 75, 87	<i>казаться</i> 31, 50, 56, 142, 157, 158
<i>доверять</i> 31	
<i>догадаться</i> 19, 131, 137, 138, 157	
<i>доказать</i> 138, 139	
<i>допускать</i> 56, 58, 86	
<i>досадно</i> 62	

- клеветать 161
 лгать 138, 139
 лениться 139
 любить 17-19, 31, 33, 41, 43, 44,
 62, 157, 159, 162, 165,
 мешать 139, 140
 мочь 67, 74, 99, 140
 надеясь 104, 105
 надеяться 16-19, 24, 27, 31, 32,
 34, 36, 39, 41, 45, 58, 59, 62, 75,
 95-104, 131-133, 140, 157, 158,
 162
 называть 160
 намерен 64
 намеренно 67
 напрасно 56, 61, 62, 87, 88, 93,
 121, 122, 155-166
 нарочно 25, 27, 63, 67
 ненавидеть 17, 33
 нервный 149
 нечаянно 27, 63, 65, 76
 но 87, 99
 нравиться 31
 обвинять 161, 162
 обидно 62
 обижать 161
 огорчать 32, 118
 огорчаться 20, 158
 огорчен 31
 ожидать 14, 40, 56, 143, 158
 опоздать 24, 25, 67
 оскорбить 161
 осмелиться 138
 осознать 19
 осуждать 158, 159, 161
 отрицать 139, 160
 очнуться 67, 68
 очутиться 67, 68
 ошибаться 19, 132, 138
 плакать 12, 70, 161
 побояться 71, 82-84, 138, 143
 поверить 19
 повредить 94, 132
 подозревать 8, 17, 31, 34, 47, 56,
 58, 62, 110, 126-131, 135, 142,
 143, 158, 164
 подозрительный 149, 164
 полагать 17, 31, 50, 56, 58, 74,
 109, 139, 141, 158
 полагаться 104
 поленился 12, 138
 помешать 138, 139
 помнить 17, 38, 39, 47, 57, 58,
 125, 138, 157
 понимать 8, 19, 141, 157
 попасть 66-68
 постесняться 138
 постыдиться 138
 потому что 45, 70, 91
 предполагать 56, 58, 143
 предчувствовать 138
 предсказать 25
 презирать 17, 31
 признаться 25
 проиграть 95
 промахнуться 27, 67
 пропадать 132, 153, 154, 158
 пугать 93-95
 пытаться 12, 139, 140, 150, 151
 рад 17, 18, 23, 31, 47, 58, 138
 радовать 31, 48
 радоваться 12, 16, 18, 41, 58, 158,
 159
 радостный 149
 разбираться 155, 156
 раздражать 16, 31
 размышлять 19
 разочароваться 25
 раскаиваться 61, 62, 120-123,
 157
 рассчитывать 109, 110, 158
 решить 19, 151
 решиться 61, 139, 140
 роптать 161

ругать 11, 72, 161, 162
 сердить 31, 33
 сердиться 16, 17, 19, 33, 95, 158
 сказать 34, 47, 67, 74, 141, 160,
 163
 скучно 16, 144
 случайно 66, 67
 слышать
 смущать 31
 согласиться 139, 140
 сожаление 115, 119, 123-125
 сожалеть 16, 17, 19, 31, 41, 44,
 61, 62, 115-126, 138, 155, 158,
 162
 сознаться 25
 сомневаться 8, 17, 19, 56, 58, 75,
 128, 139, 158
 спешить 12
 стараться 139, 140, 151
 стесняться 139, 140, 143
 страшно 16, 31, 32
 стремиться 151
 стыдиться 139, 140
 суметь 138
 считать 17, 32, 40, 50-55, 57, 73-
 75, 86, 139, 158, 163

терять 153, 154
 то, что 35, 36, 40, 47
 убеждать 12, 100
 уважать 158
 уверен 53, 56, 75, 141, 158
 удаться 68, 136, 138
 удивлять 31
 удивляться 62
 упрекать 161
 успеть 138
 утверждать 139, 160
 утешать 166, 169
 факт 36, 40
 хвалить 11, 161, 169
 хорошо 38
 хотеть 39, 60-62, 138, 151
 целовать 12, 151
 что 18, 22, 38, 40, 41, 75, 122, 137
 чтобы 84, 104, 105, 132
 чувствовать 20, 62, 115, 128, 141,
 143

aimer 118
a afraid 178
attendre 97, 107-114
avoir peur 82-94
avoir le regret 122
avoir tort 88, 99
belief 14, 17
believe 73
craindre 82-94, 145
de peur de 132
dommage 118, 119, 123
douter 145
douteux 145, 148
dégouter 145
effrayant 145, 146

effrayer 93, 145
en attendant 108
en vain 99
ennuyeux 144
épouvantable 146
épouvanter 93, 94
espérer 96-104
expect 14
faire peur 93
gai 148
guess 25
honteux 149
joyeux 145, 148
know 74
par crainte de 132

poenitentia 115, 134
predict 45
pretend 138, 140
prevent 139
redoutable 146
redouter 83-91
report 25
regret 75, 115, 118, 119, 125
regretter 118-125, 134
resent 75
s'attendre à 110
se repentir 122
soupçonner 126-131, 135
soupçonneux 145, 147
state 25
suspect 147, 164
vouloir 61

Список сокращений

- BC - Hervé Bazin. Cri de la chouette. - In: H. Bazin. Vipère au poing. La mort du petit cheval. Cri de la chouette. M., 1979.
- BI - Simone de Beauvoir. Les belles images. P., Gaillimard, 1966.
- BIIn - Simone de Beauvoir. L'invitée. P., Gaillimard, 1982.
- BM - Simone de Beauvoir. Memoires d'une jeune fille rangée. P., Gaillimard, 1970.
- CA - Benjamin Constan. Adolphe. - In: Chateaubriand. Constant, Musset. M., 1973.
- DFC - Dictionnaire du francais contemporain. Par Jean Dubois et autres. P., 1971.
- FB - Gustave Flaubert. Madame Bovary. M., 1974.
- FM - François Mauriac. Thérèse Desqueyroux. Le noeud de vipères. Le sagouin. Un adolescent d'autrefois. M., 1975.
- L - Dictionnaire de la langue française (en 4 vol.). Par E.Littré. p., 1882.
- LL - Pierre Choderlos de Laclos. Les liaisons dangereuses. M., 1978.
- MB - Guy de Maupassant. Bel-Ami. M., 1975.
- MC - Guy de Maupassant. Notre coeur. M., 1975.
- MV - Guy de Maupassant. Une vie. M., 1974.
- MN - André Maurois. Une carrière et autres nouvelles. M., 1975.
- MeN - Prosper Mérimée. Nouvelles. 3-e ed. M., 1976.
- MuC - Alfred de Musset. La confession d'un enfant du siècle. - In: Chateaubriand, Constant, Musset. M., 1973.
- PC - Marcel Proust. A la recherche du temps perdu. Du côté de chez Swann. M., 1976.
- PO - Marcel Proust. A la recherche du temps perdu. A l'ombre des jeunes filles en fleurs. M., 1982.
- PM - Prévost. Histoire du chevalier des Grieux et de Manon Lescaut. P., Garnier - Flammarion, 1967.
- PTR - Ponson du Terrail. La resurreccion de Rocambole. P., E.Dentu (ed.). 1859.
- R - Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française en 7 vol. Par Paul Robert. P., 1975.
- SC - Françoise Sagan. Un certain sourire. P., Julliard, 1982.
- TR - Elsa Triolet. Roses à crédit. M., 1976.
- ZB - Emile Zola. Au Bohneur des dames. M., 1956.

ЛИТЕРАТУРА

Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во МГУ, 1971.

Алисова Т.Б. К вопросу о так называемых "стативных" предикатах // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.

Алисова Т.Б. Специфика каузативных конструкций с предикатами психической реакции // Тезисы IV Всесоюзной конференции по романскому языкознанию. Калинин, 1978.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.

Апресян Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Text. Język. Poetyka. Wrocław, etc.: Ossolineum, 1978.

Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык, 1979.

Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл-Текст" // Wiener Slawistischer Almanach. - 1980. - Bd. 1.

Апресян Ю.Д. Синтаксическая информация для толкового словаря // Linguistische Arbeitberichte. Leipzig, 1986, 54/55.

Апресян Ю.Д., Палл Э. Русский глагол - венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1982.

Аристотель. Никомахова этика. - Соч. в 4-х т., т.4. М.: Мысль, 1984.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., Наука. 1980.

Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка // Известия АН СССР, Сер. лит. и яз., 1980, т. 39, N 4.

Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. М.: Наука, 1984.

Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., т. 42, 1983, N 4.

Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания, 1985, N 3.

Арутюнова Н.Д. Глагол *видеть* в функции предиката пропозициональной установки // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы рабочего совещания. М., 1987.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н.Д. "Полагать" и "видеть" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. Изд-во иностр. лит-ры, 1955.

Баранов А.Н., Кобозева И.М. Смантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР, сер. лит-ры и языка, т. 42 1983, N 3.

Барвайс Дж., Перри Дж. Ситуации и установки // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987.

Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. Под ред. В.А.Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981.

Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Бехерт И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XI. М., 1982.

Благова А.Р. Функционирование в тексте некоторых глаголов со значением изменения и их семантических эквивалентов // Высказывание и текст: комплексный подход к тексту. М.: 1989.

Богуславский И.М. Словарная статья ПОНИМАТЬ. - Ин-т русского языка АН СССР. Предварительные публикации, вып. 80. М., 1976.

Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.

Болинджер Д. Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике, вып. X. М.: Прогресс, 1981.

Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980.

Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

Булыгина Т.В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М.: Наука, 1983(а).

Булыгина Т.В. К проблеме моделирования способности говорящих к контекстному разрешению неоднозначности. - В сб.: Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Телави-83". Тезисы докладов. М., 1983(6).

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988(а).

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Чем обусловлена транзитивность знания? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988(б).

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

Бурнацева З. Некоторые французские глаголы мнения, названия, назначения, вердикта и квалификации // Ин-т русского языка АН СССР. Предварительные публикации, вып. 145. М., 1982.

Васильев И.А. К анализу условий возникновения интеллектуальных эмоций // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984.

Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XIII. М.: Радуга, 1982.

Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике, вып. X. М.: Прогресс, 1981.

Вендлер З. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике, вып. X. М.: Прогресс, 1981.

Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVIII. М.: Прогресс, 1986.

Вендлер З. Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М., Наука, 1974.

Вольф Е.М. Варьирование в оценочных структурах. Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979.

Вольф Е.М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, N 4.

Вольф Е.М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

Вольф Е.М. Оценочные значения и возможности их формализации // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Телави-83". Тезисы докладов. М., 1983.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

Вригт Г.Х., фон. Диахронические и синхронические модальности // II Советско-финский коллоквиум "Интенциональные логики и логический анализ естественных языков". Доклады финских участников. М., 1979.

Вригт Г.Х., фон. Логико-философские исследования. М.: Прогресс, 1986.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во акад. пед. наук РСФСР, 1956.

Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981.

Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М., 1971.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. М.: Наука, 1973.

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977.

Гак В.Г. О логическом исчислении семантических типов пропозициональных глаголов // Пропозициональные глаголы в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987.

Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.

Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. М., 1985.

Гухман М.М. Конструкции с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

Дебрени М. Изъяснительные конструкции и их семантические роли в сложном предложении // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984.

Декарт Р. Избранные произведения. М.: Изд-во иностр. лит., 1950.

Дмитровская М.А. Прагматические факторы и значение грамматических форм эпистемических глаголов // Проблемы современного языкознания. Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов. Тезисы докладов. М., Ин-т языкознания АН СССР. 1984.

Дмитровская М.А. Глаголы знания и мнения (значение и употребление): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - М., 1985(а).

Дмитровская М.А. Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // Вопросы языкознания, 1985(б), N 3.

Дмитровская М.А. Употребление глаголов мнения и знания с различными типами пропозиций // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы рабочего совещания. М., 1987.

Дмитровская М.А. Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988(а).

Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988(б).

Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

Задворнов В.В. Предложения с предикатами чувства в современном французском языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1984.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

Зализняк Анна А. Семантика глагола *бояться* в русском языке. - Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. 42, N 1, 1983(а).

Зализняк Анна А. Прилагательные эмоционально-ментальной сферы во французском языке // Лексико-семантические структуры в языке и речевой деятельности. М., 1983(б).

Зализняк Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния (на материале французского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - М., 1985.

Зализняк Анна А. Знание как единица семантического языка // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-85". Тезисы докладов. М., 1985.

Зализняк Анна А. О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.

Зализняк Анна А. О семантике сожаления // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988(а).

Зализняк Анна А. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка. Знание и мнение. М. 1988(б).

Зализняк Анна А. Наречие *напрасно*: семантика и сочетаемость // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990(а).

Зализняк Анна А. О понятии "факт" в лингвистической семантике // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990(б).

Зализняк Анна А. Концепт *говорить*: семантические свидетельства семиотической природы языка // Концептуальный анализ: методы результаты, перспективы. Тезисы конференции. М., 1990(в).

Зализняк Анна А. *Считать и думать*: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991(а).

Зализняк Анна А. Словарная статья ГОВОРИТЬ // Семиотика и информатика, вып. 32. М., 1991(б).

Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л. Об одном способе разрешения неоднозначности в глаголах пропозициональной установки // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Боржоми-88". Тезисы докладов. М., 1988.

Зализняк Анна А., Падучева Е.В. О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики: Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987а.

Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Подъем отрицания: синтаксис, семантика или прагматика? // Научно-техническая информация, сер. 2, 1987б. № 8.

Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Наука, 1970.

Изард К.Е. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Иоанесян Е.Р. Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., Наука, 1989.

Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 13. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970.

Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.

Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. М.: Прогресс, 1985.

Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988.

Кибрик А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. 39, 1980, N 4.

Кибрик А.Е. Семантика и синтаксис глаголов ХОТЕТЬ и БОЯТЬСЯ (типологические наблюдения) // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы рабочего совещания. М., 1987.

Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. М.: Прогресс, 1978.

Кобозева И.М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Ограничения на сочетаемость (пресуппозиции) и их отражение на семантико-синтаксических свойствах слова (на примере русского глагола "подозревать") // Языковая практика и теория языка. Вып. I. М.: Изд-во МГУ, 1974.

Крейдлин Г.Е. Лексема *даже* // Семиотика и информатика, вып.6 М.: ВИНТИ, 1975.

Крейдлин Г.Е. О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциональными актантами // Семиотика и информатика, вып. 21. М.: ВИНТИ, 1983.

Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В. Денотативный статус отглагольных имен. I // Научно-техническая информация, сер. 2, 1981, N 12.

Крылов С.А. О содержании термина "предикаты пропозициональной установки" // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987.

Курилович Е. Заметки о значении слова // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962(а).

Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962(б).

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962(в).

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.

Лауфер Н.И. Об одном способе выражения мнения // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3-х т., т.1. М., 1985.

Мартынова Л.Л. Оценочное значение в пропозициональной структуре предикатов чувства // Проблемы синтаксической синтагматики и преподавания языка. М., 1983.

Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.

Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. М., 1987.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.

Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика, вып. 8, М.: ВИНТИ, 1977.

Падучева Е.В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения. - Научно-техническая информация, сер. 2, 1979, N 9.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., Наука, 1985(а).

Падучева Е.В. Семантические типы ситуаций и значение *всегда* // Семиотика и информатика, вып. 24. М., 1985(б).

Падучева Е.В. О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2, 1986(а), N 1.

Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета (В поисках инварианта видового значения) // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1986(б), N 5.

Падучева Е.В. Референциальная семантика перед лицом непредметных сущностей // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Боржоми 88". М., 1988(а).

Падучева Е.В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988(б).

Падучева Е.В., Зализняк Анна А. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris*. Сборник статей к 60-летию Ю.М.Лотмана. Таллин, 1982.

Перцова Н.Н. Формализация толкования слова. М.: Изд-во МГУ, 1988.

Петрова Г.В. Наречия *нарочно/нечаянно* и их роль в высказывании // Лексико-семантические структуры в языке и в речевой деятельности. М., 1983.

Петрова Г.В. Обязательность и факультативность наречия образа действия в глагольной группе (на материале португальского и французского языков). Дисс. ...канд. филол. наук. М., 1986.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М., 1988.

Подлеская В.И. "Факты", "события" и "пропозиции" в свете фактов японского языка // Вопросы языкознания, 1990, N 1.

Прайор А.Н. Временная логика и непрерывность времени // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981.

Разлогова Е.Э. Логические отношения между смыслом и его компонентами. - Научно-техническая информация, сер. 2, 1982, N 1.

Разлогова Е.Э. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988а.

Разлогова Е.Э. Семантические инварианты. Логико-когнитивный анализ лексики естественного языка. М., 1988б.

Рассел Б. Человеческое познание. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.

Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.

Саввина Е.Н. Две словарные статьи: СОМНЕВАТЬСЯ, СОМНЕНИЕ // Ин-т русского языка АН СССР. Предварительные публикации, вып. 42. М., 1973.

Саввина Е.Н. Движение информации в диалоге // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.

Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. М., 1989.

Сартр Ш.-П. Очерк теории эмоций // Хрестоматия по общей психологии. Психология эмоций. М.: Изд-во МГУ, 1984.

Селезнев М.Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975.

Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 18, М.: Прогресс, 1986.

Смирнова Т.Н. Экспликация пропозициональной установки в предложениях с предикатами состояния // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987.

Спиноза Б. Избранные произведения. Т. I. М., 1957.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. М., Прогресс, 1985.

Типология конструкций с предикатными актантами. Под ред. В.С.Храковского. Л.: Наука, 1985.

Труб В.М. К проблеме заполнения пресуппозиционных валентностей в связном тексте // Лингвистические проблемы проектирования информационных систем. Киев, 1978.

Труб В.М. О некоторых свойствах имплицативных конструкций // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987.

Туровский В.В. О соотношении значений многозначного слова // Семиотика и информатика, вып. 26, М.: ВИНТИ, 1985.

Урмсон Дж. Парентетические глаголы // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. М.: Прогресс, 1985.

Успенский Б.А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970.

Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема). Статья первая // Труды по знаковым системам. Вып. 22. Тарту, 1988.

Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика, вып. 11. М.: ВИНТИ, 1979.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике, вып. X. М.: Прогресс, 1981.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XII. М.: Радуга, 1983.

Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVIII. М., Прогресс, 1986.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика, вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977.

Хилпинен Р. Семантика императивов и деонтическая логика // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVIII, М., Прогресс, 1986.

Хинтиikka Я. Семантика пропозициональных установок // Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980.

Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980.

Холодилова Л.Е. Синонимия сложноподчиненных предложений устойчивой структуры с глаголами "боязни" в главной части (К вопросу о синтаксической синонимии) // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1969.

Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976.

Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.

Шатуновский И.Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика) // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблема прагматических и интенциональных контекстов. М.: Наука, 1989.

Шепилова Н.И. Глаголы чувства в современном русском языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Кемерово, 1967.

Шмелев А.Д. Вера и неверие сквозь призму языка (revisited) // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Языкознание. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1988.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

Ыйм Х. Решения, действия и язык // Уч. записки Тартуского гос. ун-та, вып. 472. Труды по искусственному интеллекту I, Тарту, 1978.

Юм Д. Трактат о человеческой природе. - Сочинения в 2 т., т.1, М., 1966.

Яковлева Е.С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1983.

Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Прагматика и проблема интенциональности. М., 1988.

Anscombe G.E.M. Intention // Proceedings of the Aristotelian Society. V.57, London, 1957, p. 321-332.

Austin J.L. Other minds // Logic and Language (second series) / Flew (ed.). Oxford: Basil Blackwell, 1953, p. 123-158.

Ayer A.J. The problem of knowledge. London: Macmillan, 1956.

Bally Ch. Syntaxe de la modalité explicite // Cahiers Ferdinand de Saussure, N 2, 1942, p. 3-13.

Bayer J. The role of event expressions in grammar // Studies in language, 1986, v.10, N 1, p. 1-52.

Bedford E. Emotions // Proceedings of the Aristotelian Society. V.57, London, 1957, p. 281-304.

Benoist J.-P. Expression de l'*experier* dans certains constructions du russe moderne / Revue des études slaves, V.55, Paris, 1983, p. 71-77.

Bigelow J.C. Believing in semantics / Linguistics and Philosophy, 1978, vol.2, N 1, p. 101-144.

Block N.J., Fodor J.A. What psychological states are not // Philosophical Review, 1972, N 81, p. 159-181.

Bogusławski A. Problems of the thematic-rhematic structure of sentence. Warszawa, 1977.

Borillo A. Deux aspects de la modalisation assertive: *croire et savoir* // Langages N 67, 1987, p. 33-53.

Bowers F. The structure of affective sentences in English // Linguistics, 1972, N 86.

Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1953.

Caton Ch.E. On the general structure of the epistemic qualification of things said in English // Foundations of language, 1966, N 1, p. 37-66.

Chisholm R. Percieving: A philosophical study. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1957.

Chisholm R. Theory of knowledge. Prentice-Hall, 1966.

Cohen S. Knowledge and context // The Journal of Philosophy, 1986, v.83, N 10, p. 577-583.

Cruse D.A. Some thoughts on agentivity // Journal of linguistics, v. 9, N 1, 1973, p. 11-23.

D'Anrade R. A folk model of the mind // Cultural Models in language and thought. / D. Holland, N. Quinn (eds.), Cambridge: Cambridge univ. press, 1987.

Davidson D. The logical form of action sentences // The logic of decision and action / N.Rescher (ed.), Pittsburg, 1966, p. 81-120.

Davidson D. Causal relations // The journal of philosophy, V. LXIV, N 21, 1967, p. 691-703.

Descartes R. Oeuvres de Descartes. Publié par Ch. Adam et P. Tannery. P., 1919.

DeSousa R. The rationality of emotions // Explaining Emotions. / A.O. Rorty (ed.), Berkeley: Univ. of California Press, 1980, p. 127-151.

Dik S.C. The semantic representation of manner adverbials // Linguistics in the Netherlands, 1972, p. 96-119.

Dik S.C. Functional grammar. Amsterdam etc.: North-Holland publishing company, 1979.

van Dijk T.A. Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London, N.Y.: Longman, 1977.

Fillmore Ch. Verbes de jugement. Essai de description sémantique // Langage, N 17, 1970, p. 56-71.

Fillmore Ch. Types of lexical information // Semantics / Steinberg D.D., Jacobovits L.A. (eds.), Cambridge, 1971.

Fillmore Ch. Towards a descriptive framework for spatial deixis // Speech, place and action / Iarvella R.I., Klein W. (eds.), Chichester etc.: John Wiley & sons, 1982, p. 31-60.

Fitch F.B. A logical analysis of some value concepts // Journal of symbolic logic, 1963, v. 28, N 2.

Forest R. "Négation promue", insularité, performatifs et empathie // Bulletin de la Société Linguistique de Paris, 1983, Vol. 78, p. 77-97.

Franckel J.-J., Lebaud D. Les figures du sujet. A propos des verbes de perception, sentiment, connaissance. P., Ophrys, 1990.

Geach P. Mental acts. Their content and their object. L.: Routledge & Hegan Paul, 1957.

Geis M., Zwicky A.M. On invited inference // Linguistic Inquiry, 1971, v. 36, p. 561-566.

Gettier E. Is justified true belief knowledge? // Human knowledge. P.K. Moser, A. van der Nat (eds.), N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1987.

Givón T. Forward implications, backward presuppositions, and the time axis of verbs // Syntax and Semantics, vol. 1 / J.P. Kimball (ed.), N.Y., London, 1972.

Givón T. Cause and control: on the semantics of interpersonal manipulation // Syntax and Semantics, v. 4 / J.P. Kimball (ed.), N.-Y. etc., 1975.

Gordon R. The aboutness of emotions // American Philosophical Quaterley, 1974, v.71, N 1, p. 27-36.

Greenspan P. Emotions and evaluation // Pacific Philosophical Quaterley, 1984, v. 62, p. 158-169.

Hajičová E. Meaning, presupposition, and allegation // *Philologica Pragensa*, 1974, N 1, p. 18-25.

Hintikka J. Knowledge and belief: An introduction to the logic of the two notions. Ithaca: Cornell univ. press, 1962.

Horn L.R. Remarks on Neg-raising // *Syntax and semantics* / N.Y.: Acad press, 1978, Vol. 9: Pragmatics.

Iordanskaja L., Mel'cuk I. Semantics of the two emotion verbs in Russian *bojat'sja* 'to be afraid' & *nadejat'sja* 'to hope' // *Australian Journal of Linguistics*, vol. 10, N 2, 1990.

Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // Jakobson R. Selected writings, V. II. The Hague-Paris, 1971, p. 23-71.

Karttunen L. Implicative verbs // *Language*, N 47, 1971, p. 340-358.

Karttunen L. Possible and must // *Syntax and Semantics*, vol.1, J.P.Kimball (ed.) N.Y., London, 1972.

Kenny A. Action, Emotion and Will. London, 1963.

Kiparsky C., Kiparsky P. Fact // *Progress in Linguistics* / M. Bierwisch K. Heidolph (eds.). - The Hague: Mouton, 1970.

Kozarzewska E. Szkic struktury semantycznej czasownika *móvić* // *Polono-slavica Varsoviensia*, Warczawa, 1988.

Kraut R. Feelings in context // *The Journal of Philosophy*, 1986, v.83, N 11, p. 642-652.

Kutschera Fr. Grunbegriffe der Handlungenlogik // *Handlungstheorien interdisziplinär*. München, 1980, Bd.1, p. 67-106.

Lakoff G. Instrumental adverbs and the concept of deep structure // *Foundations of language*, 1968, v.4, N 1.

Lakoff G. Irregularity in Syntax. N.Y., Chicago, etc., 1970.

Lakoff G. Linguistics and Natural Logic // *Synthese* 22, 1970, p. 151-271.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London Univ. of Chicago Press, 1980.

Lakoff G., Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // *Cultural Models in Language and Thought* / D. Holland, N. Quinn (eds.), Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.

Le Pore E., Loewer B. Mind Matters // *The journal of philosophy*, 1987 V. 84, N 11.

Leibniz G.W. *Tabulae definitiorum* // *Słownik i semantyka. Definicje semantyczne*. Wrocław, etc. Ossolineum, 1975.

Leighton S.R. On Feeling Angry and Elated // *The Journal of philosophy* 1988, V. 85, N 5, p. 253-264.

Levinson A.B. Events and time's flow // *Mind*, 1987, V. 96, N 383, p. 342-353.

Levinson S.G. *Pragmatics*. Cambridge univ. press, London etc., 1983.

Lurie Y. Inner states // *Mind*, 1979, v.88, N 350, p. 241-257.

Lutz C. Goals, events, and understanding in Ifaluk emotion theory // *Cultural models in Language and Thought* / D. Holland, N. Quinn (eds.). Cambridge: Cambridge univ. press, 1987.

Lyons J. *Semantics*. London, etc.: Cambridge univ. press, 1978.

Lyons J. Deixis and Subjectivity: Loquour, ergo sum? // *Speech, Place, and Action* / R.J.Jarvella, W. Klein (eds.), John Wiley & Sons Ltd, 1982.

Malcolm N. Knowledge and belief // *Knowledge and belief*, Oxford: Oxford univ. press, 1976, p. 69-81.

Miller J.E. Stative verbs in Russian // *Foundations of language*, 1970, v.6, N 4, p. 488-504.

Mourelatos A.P. Events, processes and states // *Syntax & semantics*, v. 14, Tedeschi J. (ed.). N.Y. etc.: Acad. Press, 1981, p. 191-212.

Nelson R.J. Objects of occasion beliefs // *Synthese*. Dordrecht, Boston, 1978, v.3, N 1, p. 105-139.

Partee B.H. The semantics of belief-sentences // *Approaches to natural languages* / J. Hintikka, J. Moravczik, P. Suppes (eds.). Dordrecht: Reidel, 1973.

Pawłowska R. Znaczenie i uzycie czasownika *myśleć* // *Polonica VII*, Wrocław, 1981.

Pitcher G. Emotion // *Mind*, v. 74, N 295, 1965, p. 326-346.

Price H.H. Some considerations about belief // *Knowledge and Belief*. Philipps A. Griffiths (ed.). Oxford, Oxford Univ. Press, 1976.

Pritchard H.A. Knowing and believing // *Knowledge and belief*. Oxford univ. press, 1976.

Putnam H. Psychological predicates // *Art, Mind and Religion* / Capitan, Merrill (eds.). Detroit, 1967.

Robinson J. Emotion, Judgement and Desire // *The Journal of Philosophy*, 1983, v.80, N 11, p. 731-741.

Russell B. *An inquiry into meaning and truth*. N.Y.: Norton, 1940.

Ryle G. Feelings // *Aesthetics and Language* / W. Elton (ed.). Oxford: Blackwell, 1959.

Schachter S., Singer J. Cognitive, social and physiological determinants of emotional states // *Psychological Review*, 69, 1962, p. 379-399.

Schlosberger E. Why we are responsible for our emotions // *Mind*, v. 95, N 377, p. 37-56.

Searle J.R. Intentionality. An essay in the philosophy of mind. Cambridge et al., Cambridge Univ. Press, 1983.

Searle J.K. Minds, brains and science. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. press, 1984.

Sémon J.-P. Le vouloir, la négation et l'aspect // La Licorne. Etude de linguistique. Poitier, 1989, N 15.

Shrage L. Factivity and the emotives // Studies in language, 1981, v. 5, N 2, p. 279-285.

Smith M. The Humean Theory of Motivation // Mind, 1987, vol.96, N 381, p. 36-61.

Solomon R.C. The logic of emotion // Nous. 1977. Vol. 11, N 1.

Stephany U. Adjektivische Attributkonstruktionen des Französischen // Struktura, 1981, Bd.1.

Sweetser E.E. The definition of lie // Cultural Models in Language and Thought / D. Holland, N. Quinn (eds.). Cambridge: Cambridge univ. press 1987.

Trub V.M. On an approach to the semantics description of wishes // Symposium on grammar of analysis and synthesis and their representation in computational structures. Tallinn, 1983, p. 105-107.

Urmson J.O. Parenthetical verbs // Philosophy and ordinary language, Caton Ch.E. (ed.) Urbana: Univ. of Illinois Press. 1970, p. 220-240.

Vanderveken D. Les actes de discours. P.Magada (ed.) Liège-Bruxelles 1988.

Vendler Z. Verbs and times // Vendler Z. Linguistics in philosophy Ithaca, N.Y, p. 97-121.

Vendler Z. Say what you think // Studies in thought and language / J.L. Caton (ed.). The Univ. of Arisona Press, 1970, p. 79-95.

Vendler Z. Res cogitans. Ithaca: Cornell univ. press, 1972.

Vendler Z. Telling the facts // Speech act theory and pragmatics / Ed. by J. Searle et al. Dordrecht, 1980.

Walton K. Fearing Fictions // The Journal of Philosophy, 1978, v.74, N1

White G.M. Proverbs and cultural models // Cultural Models in Language and Thought / D. Holland, N. Quinn (eds.). Cambridge: Cambridge univ. press, 1987.

Wierzbicka A. Negacja - jej miejsce w strukturze głębokiej // Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław, etc.: Ossolineum, 1969(a).

Wierzbicka A. "Prawda" i "wiedza" - próba analizy semantycznej // Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969(b).

Wierzbicka A. Cialo i umysł - z punktu widzenia semantycznego // Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969(c).

Wierzbicka A. Semantic primitives // Linguistische Forschungen. Frankfurt/M.: Athenäum, 1972, Bd.22.

Wierzbicka A. Mind and body // Syntax and Semantics. V.7, N.Y. etc, 1976, p. 129-157.

Wierzbicka A. Lingua mentalis. The semantics of natural language. Sydney etc. Acad. press, 1980.

Wierzbicka A. Human emotions: universal or culture-specific? // American Anthropologist, 1986, v.88, N3, p. 584-594.

Wierzbicka A. English speech act verbs. A semantic dictionary. Sydney et al.: Acad. Press Australia, 1987.

Wierzbicka A. L'amour, la colère, la joie, l'ennui - la sémantique des émotions dans une perspective transculturelle // Langages N 89, 1988(a), p. 97-108.

Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam: John Benjamins p.c., 1988(b).

Wittgenstein L. Philosophical investigations. Oxford, 1953.

von Wright G.H. The varieties of goodness. London, Routledge & Hagan Paul LTD, 1963.

Zajonc R.B. Feeling and Thinking: Preferences Need No Inferences // American Psychologist, 1980, v.35, p. 151-175.

Zalizniak Anna A. De la nature du regret // Bulletin de linguistique générale et appliquée. Université de Besançon. N 17, 1991-1992, p. 61-75.

Zuber R. Quelques problèmes de logique et langage // Langages N 30, 1973, p. 3-19.

Sagners Slavistische Sammlung, herausgegeben von Peter Rehder

Band 17:

“Words are Physicians for an Ailing Mind”
 For Andrzej Bogustawski on the Occasion of his 60th Birthday
 Edited by Maciej Grochowski and Daniel Weiss

Mit dieser Festschrift wird ein Gelehrter von Weltrang geehrt, dessen Interessenbereich alle Teildisziplinen umfaßt, die sich mit dem Gegenstand „Sprache als System“ befassen. Entsprechend weit gespannt ist die Thematik des Bandes: Sie reicht von der Phonologie und Morphologie über Syntax und Semantik bis zur Textlinguistik, Pragmatik, Logik und Sprachphilosophie, ja sogar Sprachgeschichte, Übersetzungswissenschaften und Quantitative Linguistik sind vertreten. Die hauptsächlichen Objektsprachen sind Russisch und Polnisch, daneben figurieren Beiträge zum Englischen, Tschechischen und Deutschen sowie fallweise zu verschiedenen weiteren Sprachen. — Unter den 65 Autoren befinden sich die führenden Vertreter der osteuropäischen Linguistik, z.B. Apresjan, Arutjunova, Bellert, Daneš, Laskowski, Mel'čuk, Padučeva, Puzyrina, Růžicka, Wierzbicka, Chrakovskij, Zaliznjak.
 1991. Ln. 524 S. 140.– DM (ISBN 3-87690-499-4)

Band 18:

Maurice L. Hébert
**Hesychasm, Word-Weaving, and Slavic Hagiography:
 The Literary School of Patriarch Euthymius**

One of the primary assumptions about the period of the Second South Slavic Influence is that the religious movement of Hesychasm effected the appearance of a highly ornate style in medieval Slavic hagiography, referred to as “word-weaving” (pletenic sloves). It has been claimed that this ornate high style was elaborated by Patriarch Euthymius of Bulgaria and his literary school as a way of expressing verbally the tenets of Hesychast mysticism in medieval Slavic religious writing. By comparing the four vitae written by Patriarch Euthymius with other Slavic hagiographic texts and Greek texts (spanning the period from the Early Desert Fathers through the post-Metaphrastic period), the author shows that every component of Euthymius' literary style is borrowed from a literary tradition that predates the period of the Byzantine Hesychast Revival. The narrative exposition of how the hero achieves his or her sanctity is the only sphere in which Byzantine Hesychasm had any demonstrable influence on the composition of Euthymius' saints' lives. — This study also offers a redefinition of “word-weaving” based on observable shifts in the narrative structure of pre- and post-Metaphrastic texts. “Word-weaving” is not marked by the use of certain rhetorical features, but is rather marked by a development of plot through the use of repetitive thematic phrases, associated with main hagiographic themes, that are interspersed throughout the text. — The author also examines the points: 1) Patriarch Euthymius' position as a Hesychast and an important religious and cultural leader; 2) the social and political milieu in which he matured and developed as a writer; 3) the role of Hesychasm in medieval Slavic Orthodox culture; 4) an exhaustive stylistic analysis of the Euthymian hagiographic texts with comparison to other Slavic and Greek texts; 5) an inquiry into the nature and essence of the Meta-phrastic hagiographic aesthetic, employing some principles of semiotic theory as a point of departure. Included within the body of this study are the annotated English translations of Euthymius' vitae.

1992. Ln. VIII, 533 S. 120.– DM.

(ISBN 3-87690-530-3)

Sagners Slavistische Sammlung, herausgegeben von Peter Rehder
Band 19:

Wolfgang Hock

**Der Flexionsakzent im mittelbulgarischen Evangelie 1139 (NBKM)
I: Akzentgrammatik - II: Akzentwörterbuch**

Die bislang unveröffentlichte Handschrift *Evangelie 1139* der ‚Narodna Biblioteka Kiril i Metodij‘ (NBKM) in Sofia, ein Tetraevangelium vom Ende des 14. Jahrhunderts, ist eines der ältesten vollständig und konsequent akzentuierten slavischen Sprachdenkmäler. Die *Akzentgrammatik* umfaßt neben einer kurzen Beschreibung der Handschrift sowie des graphischen und lautlichen Systems eine vollständige synchrone Analyse des paradigmatischen Akzentverhaltens im gesamten Nominal- und Verbalsystem, begleitet von einem den einzelnen Flexionsklassen jeweils nachgestellten knappen historisch-sprachvergleichenden Kommentar. Das *Akzentwörterbuch* erfaßt den gesamten Wortschatz des der grammatischen Untersuchung zugrunde liegenden Evangelientextes. Die mittelbulgarischen Lemmata sind mit griechischen Entsprechungen und deren deutschen Übersetzungen dargeboten; jede Belegform ist morphologisch bestimmt, unter Berücksichtigung syntagmatischer Akzentverhältnisse im Kontext mindestens eines phonetischen Wortes (einer ‚Taktgruppe‘) aufgeführt und mit Stellenangabe (Handschrift und Evangelientext) versehen. Das *Akzentwörterbuch* geht somit über den Rahmen eines nach akzentologischen Gesichtspunkten eingerichteten vollständigen Wort- und Formenverzeichnisses hinaus, kann auch als Evangelienkonkordanz herangezogen werden und leistet gewissermaßen Vorarbeiten zu einem Wörterbuch des Mittelbulgarischen, einem Desideratum in der Forschung. - Beide Teile der Arbeit zusammen geben nicht nur erstmalig ein Gesamtbild vom synchronen Akzentsystem eines bulgarisch-kirchenslavischen Sprachdenkmals und seinem Verhältnis zum urslavischen Rekonstrukt bzw. dessen sprachhistorischen Grundlagen, sondern tragen durch die lückenlose grammatische und lexikalische Erschließung eines noch unveröffentlichten Textes nicht zuletzt auch zur Sprachgeschichte des Bulgarischen bei.

1992. Ln. I: 304 S. - II: XII, 642 S.

(ISBN 3-87690-531-1 bzw. -532-X)

Teil I + II: 146.- DM

(Preise der Einzelbände: Teil I: 56.- DM - Teil II: 115.- DM)